

ЕКАТЕРИНА ГЛУЧКО

ИСТОРИЯ О КРАЖЕ
СХВАТКА
С СУДЬБОЙ

16+

Екатерина Гичко

**История о краже.
Схватка с судьбой**

«Автор»

2021

Гичко Е. И.

История о краже. Схватка с судьбой / Е. И. Гичко — «Автор»,
2021

В Жаанидые вспыхивает смута, грозящая вылиться в войну. Хайнес свержен, хайрен Узээриш исчез – страна обезглавлена. Злоумышленники бросают все силы на достижение своих целей, искусно подогревая мятеж. Смогут ли герои справиться с таким сильным и хитроумным противником? В то же время начинает тяжело ворочаться прошлое Майяри. Прошлое мрачное, злое и жаждущее наказать и вернуть беглянку. Четвёртый том тетралогии "История о краже".

© Гичко Е. И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Разгромленная школа	5
Глава 2. Призрак прошлого	10
Глава 3. Похищение хайнеса	14
Глава 4. Мастер и ученица среди мятежа	17
Глава 5. Прочь из города	22
Глава 6. Что творится в подземном городе	25
Глава 7. Крушение	30
Глава 8. Условие тёмного	33
Глава 9. Встреча с хайреном	38
Глава 10. Господин города	42
Глава 11. Да здравствует хайнес!	46
Глава 12. Нападение	55
Глава 13. Сестра и брат	62
Глава 14. Спутанные нити планов	67
Глава 15. Три химеры	72
Глава 16. Пути в подземный город	76
Глава 17. Смерть Хайнеса	80
Глава 18. Прах замысла	85
Глава 19. Два Наэша	88
Глава 20. Новое утро	93
Глава 21. Радости и печали	100
Глава 22. Пробуждение от страха	107
Глава 23. Заговор врачей	113
Глава 24. О соблазнителях и соблазнённых	120
Глава 25. Суета	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Екатерина Гичко

История о краже. Схватка с судьбой

Глава 1. Разгромленная школа

В ушах гудело так, словно Майяри сидела в пещере, а снаружи по склону сходил обвал. Ныли ушибленные локти (брат оказался совсем не мягким) и опять закружилась голова, но хотя бы не было жарко. В первое мгновение девушке показалось, что их испепелит, но горячий воздух быстро остыл, став просто сильным ветром.

Гул сменился тихими стонами, голосами, а затем и криками, полными недоверчивой радости. Ёрдел наконец убрал руку от лица сестры, и Майяри осмотрелась. Сидели они на мостовой у стены одного из домов, куда их впечатал порыв ветра. Рядом отряхивались какие-то незнакомые оборотни из горожан, несколько стражников и Редий. Ашия и других охранников видно пока не было. Девушка с беспокойство вскинула голову и уставилась на скрытое капюшоном лицо брата.

– Ёрдел? Ты цел?

Край капюшона медленно качнулся, руки мужчины на её поясе напряглись, и он легко встал, без видимых усилий подняв и сестру. Майяри покачнулась, но устояла и осмотрелась.

Улицы застилал туман пыли, над школой витал дымок, как от только что приготовленного кушанья, стража, маги и горожане лежали на мостовой вперемешку. Кое-кто уже поднялся и теперь ошалело осматривался, другие, едва опомнившись, чуть ли не на карачках спешили к школе, посмотреть, что там. Майяри тоже шагнула в сторону, чтобы хотя бы через пролом или ворота взглянуть, как там друзья.

Среди пара и дыма шевелились и поднимались тёмные фигурки. Девушка нетерпеливо бросилась было вперёд, но Ёрдел не пустил. Дёрнул назад под одобрительным взглядом Редия.

– Подожди, мне надо... Давай хотя бы немного ближе. Ну прошу! Я...

Майяри осеклась, когда из дыма вынырнула высокая фигура, и замерла, взирая на мастера Милима. Почему-то её поразил и испугал его взгляд: дикий, отчаявшийся, полный недоверия и даже, кажется, злости. Боги, неужели кто-то погиб?

– Майяри? – хриплый голос директора, прерывающийся кашлем, прозвучал отдалённо, откуда-то из пелены пара и дыма. – Это опять ты?

Девушка беспомощно пошевелила губами, осмотрелась в поисках других хаги и оторопела.

Их не было.

Она пристально всмотрелась в лежащих на мостовой людей и оборотней, пытаясь найти приметную девушку с белыми волосами и уже знакомого главу магов городской стражи.

Их не было.

– Они ушли, – прошептал брат. – Пошли. Твой муж будет расстроен, если не найдёт тебя.

– Мой муж? – удивилась Майяри.

– Ты стала лучше выглядеть, – загадочно отозвался Ёрдел и потянул её к школе.

Навстречу им начали выходить, выбегать и выползть заключённые в ловушку ученики и горожане. Откуда-то из-за стены доносился громкий голос директора:

– Спокойнее, спокойнее! Выходим все! Дагрэн, Резвер и господин Лодар, проверьте, не остался ли кто на полигоне. Жейш, прихвати с собой кого-нибудь и проверь учебные и лекарские корпуса ещё раз. Викий, осмотри вместе с библиотекарями все библиотеки и читальные залы. И загляни в лаборатории! Остальные на осмотр территории. Здесь никого не должно остаться!!! Живее, живее!

Пар, идущий от земли, оказался горячим и довольно влажным. Но хотя бы не обжигающим.

– Майяри, – мастер Милим шагнул навстречу девушке. Взгляд его и раньше не отличался приветливостью, а тут и вовсе потяжелел и налился чем-то, похожим на безумие. Майяри испугалась, что мастер мог неправильно истолковать появление Ёрдела, всё же тот тёмный, и вцепилась в рукав брата.

– Всё в порядке, – пролепетала она. – Это мой... мой...

– Майяри!

Девушка дёрнулась на голос и увидела Мадиша.

– Какого хрена ты здесь забыла?! Пшла отсюда!!! Я сказал, мы сейчас выйдем!

Взмокший парень держал подмышкой слабо трепыхающуюся в сторону уходящего отца Род и торопливо шёл к воротам, постоянно оборачиваясь и проверяя, не отстали ли там Лирой, Эдар и Лирка.

На Ёрдела грозные слова Мадиша никакого воздействия не оказали, и он спокойно прошёл на исходящую паром территорию и затянул за собой Майяри.

– Господин, вы куда? – всполошился Редий.

На тёмного он смотрел настороженно и лезть остерегался. Но не вмешаться, когда тот повёл невесту харена на место недавней ловушки, не мог.

– Там опасно, господин. Госпоже лучше остаться.

Опасно не было. Ёрдел это точно знал. Да, воздух был плохим. Газы, вышедшие из земли, были ядовиты, но расходились быстро. Отравиться не успеют. А через «ловушку» путь короче. Он спокойно оттеснил плечом застывшего мастера Милима, который только после соприкосновения заметил тёмного, и отыскал глазами высокую башню, возносящуюся в небо по другую сторону школьной территории: там он последний раз видел харена.

– Куда идёшь, дурная?! – выверился на Майяри директор, даже мысли не допуская, что высокий господин в плаще сам её затащил на пышущую паром территорию. Скорее уж наоборот.

– Ёрдел, – девушка нервно подёрнула брата за руку.

– Это что за хмырь?! – Мадиш наконец заметил спутника подруги.

– Это не хмырь, – Редий улыбнулся-оскалился парню, намекая, что лучше помолчать. – Господин... брат, куда мы? Может быть, я знаю более короткую дорогу?

Оборотень совсем не надеялся на успех, но неожиданно ему удалось заинтересовать тёмного и тот соизволил указать на башню, а затем перевести палец на Майяри.

– К её мужу.

– Госпожа не замужем, – опешил Редий.

– Почему?

Этот простой вопрос заставил Редия растеряться окончательно. Ёрдел же продолжил путь.

– Эй! – возмутился Мадиш.

– Нам на другую сторону! – прокричала, обернувшись, Майяри. – Вы идите, я потом вас найду. Держитесь вместе!

– Вот же идиотка! – Мадиш поудобнее перехватил печально обмякшую Род и побежал за подругой и её братом, к которым как раз начали собираться охранники.

Через затянутую паром, дымом и пылью территорию школы они шли уже отрядом. Зрелище было удручающим. Совсем недавно Майяри прибыла в Жаанидйскую школу, восторгалась её великолепием и простором, а сейчас видела покосившиеся здания, потрескавшиеся стены, висящий в воздухе чад, а в уши вливались крики и уже осипшие рыки драконов. Лирка было дёрнулась к ангарам, но Эдар вовремя её перехватил.

– Выпустят, не лезь.

Дойти до башни они не успели. Навстречу вынырнул другой отряд, более малочисленный, но стремительный и несколько расплывчатый.

– Тени, – сразу узнал их Редий. – Харен!

Пар дыхнул клубами, и из него вынырнул суровый и спокойный Ранхаш. Глаза его сперва остановились на Ёрделе, а затем он тяжело посмотрел на Майяри. Холод уступил место недовольству, и девушка виновато поёжилась. Охранникам достался ледяной взгляд, и Редий с тоской припомнил, что господин не любит бросать слова на ветер.

– Плохо смотришь, – Ёрдел выпихнул сестру вперёд и развернулся, чтобы уйти. – Женись на ней. Она плохо выглядит.

И исчез.

– Куда... – обалдел Мадиш.

– Только что был здесь! – Эдар лихорадочно осмотрелся.

И только Лирой подозрительно пригляделся к теням.

Майяри же глаз не могла отвести от харена. Дым над его головой зловеще колыхнулся, и из него неожиданно вынырнуло лицо господина Шида.

– Боги, господин Шидай! – Майяри отпрыгнула, прижимая ладонь к гулко стучащему сердцу.

– А я говорил, что без этой поганки не обошлось, – прищурился лекарь. – Как только первый раз трянуло, сразу её почуял: зубы так и зачесались.

Харен молча подхватил девушку под локоть и потащил в ту же сторону, в которую уже направлялась компания. На друзей Майяри он бросил лишь мимолётный взгляд и с трудом удержал тяжёлый вздох. Мог ли он вообще надеяться, что она не вмешается, когда в опасности оказались её друзья? Он даже не мог требовать, чтобы она не лезла. Не имел права приказывать ей бросить близких.

– Господин? – тихо позвала Майяри. – Ранхаш?

– Я не злюсь, – спокойно отозвался тот. – Но я очень опечален.

Жуть всколыхнулась, испуганно дрожа своим дымчатым телом. Едва под ногами почувствовалась дрожь, а слуха коснулся грохот, Ранхаш сразу подумал о Майяри, и интуиция с печальной обречённостью подтвердила: да, она здесь. Здесь, рядом с пышущей жаром ловушкой, среди разгневанной толпы, наверное, ещё и без охраны. Томительный страх кольнул сердце болью так сильно, что Шидай обеспокоенно прижал руку к его спине.

Но, к счастью, Майяри была совершенно цела, только спотыкалась и висла на его руке, словно её силы покидали. И боги надоумили её взять охрану. Или же это у Редия и Ашия проснулся дар убеждения, и они смогли донести до неё, что ещё могут пригодиться. Кроме того, рядом с ней был брат. Тёмный Ранхашу не нравился: попытку убийства Майяри простить было сложно. Но он не мог отрицать, что рядом с братом Майяри мог быть опасен только тот же брат.

– Ну хоть компанию для прогулок научилась выбирать, – проворчал Шидай. Видимо, им владели те же мысли.

Едва они вышли за ворота, как к ним бросились оборотни из городской охраны, чтобы указать место для сбора пострадавших, но, узнав харена, поспешили к другой группе.

– Господин Шидай!

– Майяри! Мадиш!

К ним бежали Виидаш и его дяди.

– Как дети? – господин Зээхей придиричиво осмотрел учеников и счёл, что они в полном порядке.

– Вы как?

Не обращая внимания на нехорошо прищурившегося харена, Виидаш приподнял голову Майяри за подбородок, с ужасом осматривая синеву на её лице.

– Что здесь произошло? – спросил Вирай у Шида. – У кого ни спросим, никто ничего не знает. А когда эта красная пелена развеялась и нас всех расшвыряло, я и вовсе решил, что всё, всем крышка.

– Самим бы понять. Так, детишки, топайте в сторону площади Суда. Там обязательно подойдите к лекарю и возьмите одеяла. По родственникам-друзьям в город не разбегайтесь: сейчас по улицам опасно ходить. Майяри...

– Майяри пойдёт со мной, – холодно оборвал отца Ранхаш.

– Ну... может так и разумнее. Эй, а где ваша кучерявая брюнеточка?

Парни резко осмотрелись и побледнели.

Лирки не было.

Эдар, стоящий ближе всех к воротам, молча шагнул назад, в дым и пар.

– Держи, старик, – Мадиш впихнул Род в руки господина Шида раньше, чем тот успел что-то сказать, и бросился назад, в школу, вслед за Лироем.

Майяри тоже дёрнулась, но пальцы харена лишь крепче сжались на её запястье. Ранхаш молча указал на двоих из охранников, и те тенями скользнули в туман.

– Пустите меня, я тоже пойду! – завопила Род, затрепыхавшись в руках лекаря, но тот опомнился и с тяжёлым вздохом водрузил её на плечо.

– Ну уж нет, – похлопал он девочку по упругой попке. – Твой отец голову мне оторвёт, если с тобой что-то случится. Да и дружок весь мозг выест.

– Пошли, – Ранхаш потянул Майяри за собой.

– Но...

– Её найдут. А у нас есть дела.

Агорий со страхом смотрел на своего господина. Тот сидел на высоком пороге в собственных покоях, взгляд его был пуст, а руки безвольно висели вдоль тела. Выглядел он так, что возникало подозрение: все их усилия пошли прахом. Вековые усилия, титанический труд, сотни жизней... Всё впустую.

– Мальчик мой.

Агорий вздрогнул и с удивлением понял, что господин смотрит на него. Понял и оцепенел, ибо взгляд того отчего-то вызывал мурашки. Ещё мгновение назад пустой и остекленевший, он был ласков и наполнен светом.

– Наши планы нарушены, – кротко промолвил Деший. – Чья-то злая воля и происки судьбы стали тому причиной. Но мы же не можем сдаться после стольких усилий и лишений?

– Не можем, – горячо заверил его Агорий, сбрасывая с себя липкий страх.

– Собери наших друзей. Нужно отправить их в город. Школа, конечно, освобождена, но в глазах народа хайнес уронил себя. И нужно не позволить им забыть, что в самый тяжёлый момент повелитель покинул их.

– Я понял... понял! – лицо мужчины осветилось радостью. – Я сам отберу лучших!

– Верю тебе. А ещё нам нужны маги. Наши артефакты всё ещё нуждаются в энергии. Но теперь необходимость в скрытности отпала, поэтому можно притащить кого угодно из города. Главное, чтобы их было много.

– Сделаю.

– И нужно забрать наши артефакты из сокровищницы. Отправь кого-нибудь к главному хранителю.

– Но хайнес...

– И хайнес нам тоже нужен. Приведите и его.

– Я всё сделаю. Что-то ещё?

– Ах да, – Деший легонько хлопнул себя по лбу, словно что-то вспомнив. – Обрушьте подземелья. Нам больше нет нужды вести тихую игру, так что и с сыскарями можно больше не заигрывать.

Глава 2. Призрак прошлого

Ранхаш не сразу понял, что с Майяри что-то не так. Половину улицы успели пройти, прежде чем он додумался подхватить её на руки и вопрошающе уставиться на Редия.

– А вы думаете, почему эта красная пакость рухнула? – сплюнул оборотень. – Если бы не господин брат и добросердечные хаги, до дна б себя прожгла.

– Не прожгла бы, – слабо воспротивилась Майяри, пряча лицо на плече харена.

Внутри сосущей дырой зияла пустота, словно она не силы, а душу отдала. Вместе с силой ушла и опора. Будто бы она стала деревом без корней. Но возмущённые крики живой Род капля за каплей наполняли её энергией.

– Пусти меня, старый извращенец! – маленькие кулачки быстро-быстро стучали по широкой крепкой спине лекаря. – Я тебе такое устрою!

– Какое? – подначивал её господин Шидай.

– Я папе скажу, что ты меня за задницу лапал!

– Простит, – радостно заверил её мужчина.

– И... и Мадишу!

– Не простит, – лекарь, казалось, возрадовался ещё сильнее. – Ранхаш, мы сейчас в сыск?

– Вы в сыск. Я во дворец.

– И я, – встрепенулась Майяри.

– А ты со мной, – посуровел Шидай.

– Если бы ты чувствовала себя лучше, я бы взял тебя.

– Но...

– Мы не будем спорить. Ты останешься в сыске с Шидаем и своей подругой. Из окна хорошо видна площадь, будете ждать своих друзей.

Майяри сжала губы и умолкла. В конце концов, к чему споры?

У сыска Ранхаш передал Майяри Шидаю – она прекрасно поместилась на его второй руке – и, накинув на голову капюшон, зашагал в сторону дворца.

– Род, хватит, – осадила подругу Майяри.

– Нет, пусть орёт, а не плачет, – не согласился с ней Шидай.

– Я не собираюсь плакать.

Может, и не собиралась, но когда лекарь оставил их вдвоём в кабинете харена, а сам ушёл за кипятком, глаза у Род стали совсем печальными, а в носу появилась предательская влага. Как там папа? Как Лирка? Найдут ли её? Нормально ли доберутся сюда парни?

Эти мысли мелькнули в голове и у Майяри, но опустошённость не позволила ей удариться в панику. Сбросив бумаги со стола харена, она легла прямо на него и закрыла глаза.

– Что у вас произошло? – спустя пару минут спросила она.

– Ты про эту хреновину? – мрачно спросила Род, наблюдая в окно за суетящимися людьми. – Не знаю. Она просто появилась.

Майяри всё ещё немного надеялась, что её прежние знакомцы не имеют к куполу отношения, но что-то многовато хитроумных заговорщиков против хайнеса пришлось на одно время. Чтобы несколько таких зараз одновременно выскочило, большое везение нужно.

Кажется, она немного задремала. Сквозь сон до неё доносились весёлый голос господина Шидаю и раздражённое шипение Род. Обоняния коснулось что-то влажное и тёплое, пахнущее мятой, на грудь легло нечто успокаивающе-тяжёлое, и Майяри захотелось уютно свернуться клубочком.

– Вставай! – её грубо тряхнули за плечо, вырывая из дрёмы.

– Что? – Майяри непонимающе уставилась на мрачного лекаря.

– Быстрее. Нужно уходить.

– Что такое? – девушка сонно посмотрела на бледную Род и скользнула по столу к окну. Площадь Суда стремительно пустела, а над деревьями по другую её сторону в небо взмывал дым.

– Что происходит?

– Потом, Майяри! Живее! – Шидай стащил её со стола. – Нужно убираться из сыска. Сюда они в любом случае нагрянут.

– Кто они?

– Мятежники, – едва слышно пробормотала Род.

– Но мы же убрали ловушку...

– Этим плевать, – лекарь решительно выпихнул её за дверь. – Они идут не за справедливостью, а грабить и убивать. Торопитесь!

Идрай бдитительно вскинул голову и встретил вынырнувшего из темноты харена с ножом в руках.

– А вы... Вовремя, – оборотень красноречиво махнул в сторону прохода. – Мы дорылись. Это похоже на храм одному из Запрещённых Тёмных.

Ранхаш неторопливо шагнул внутрь и осмотрелся. Взгляд его не задержался ни на скелете жреца, ни на ритуальных предметах. Только на стенах.

– Райй?

– Похоже на правду, – отозвался артефактчик.

– Что там наверху? Мне доложили, что случилась какая-то беда со школой.

– Мы разобрались, – коротко отозвался харен, не отрывая глаз от стен.

– А кто это сделал?

– Сейчас посмотрим, – Ранхаш сбросил с плеча мешок и распахнул его, показывая взрывные закладки. – Под южную стену.

– Да нас же всех может накрыть...

– Под южную стену, – спокойно повторил харен. – Я останусь здесь один.

Идрай перекатил слюну от одной щеки к другой и сплюнул.

– Силёнок вышвырнуть меня не хватит. Давай сюда.

Дешию казалось, что он спустил с горы телегу, начинённую взрывным порошком. Она стремительно набирала скорость, подпрыгивала на ухабах, теряя своё содержимое, а выплунутый огонь расползался по кустам и стремительно разбежался по всему склону. Стоило отдать приказ, и события начали разворачиваться с невероятной быстротой. Они действительно очень долго ждали и уже не могли ждать дольше.

По городу расходился огонь мятежа. Посланные им «друзья» ловко раздували пламя сомнения, что поселилось в душах горожан после бездействия хайнеса. Восточка от главы дворцовой стражи, что толпа-де пошла на штурм дворца, вынудила войска, до этого стоящие под стенами города, войти внутрь, и это распалило толпу ещё сильнее, и она действительно пошла к дворцу. Появились первые беглецы: богатые горожане торопились выехать через пока ещё безопасные восточные ворота.

Хаос. Боль. Смерть.

В смуте тяжелее осуществить план: придётся приложить больше усилий. Но ничего, он справится.

В коридоре раздались торопливые шаги, и в комнату не постучавшись вбежал Иэрдэй. Хранитель трепетно прижимал к груди шкатулку, и глаза его сияли торжеством.

– Боги... боги... я боялся, что не доживу! Наконец-то началось! Вот! Здесь всё, всё, что принёс харен.

Дрожащими руками он протянул шкатулку, и Деший принял её.

– Мой друг, ты подверг себя такой опасности, – благодарно прошептал он. – Присядь, отдохни. Больше тебе не нужно бежать.

– Господин, – внутрь заглянул довольный Агорий, – угадайте, кто явился в подземелья? Сам харен! Сейчас разом придавим всех птичек!

В душе привычно взметнулось беспокойство, но Деший напомнил себе, что уже поздно опасаться Шереха Вотого.

– Это замечательно, мой мальчик. Делай то, что нужно.

Сияющий Агорий исчез, и Деший перевёл взгляд на шкатулку. Нежно провёл рукой по крышке и откинул её. В скудном свете блеснули грани драгоценных камней, и Деший удовлетворённо улыбнулся. Как он и думал. Здесь нет того, что он ищет. Значит, артефакты у Вотых. Может, и амулет Хведа найдётся на шее харена? Согласится ли Шерех обменять камень на правнука? Пусть и мёртвого. Не обязательно же говорить ему о таком пустяке.

Деший поднял камень Обана и с улыбкой посмотрел на него. Свет причудливо прошёл сквозь артефакт, но в центре почему-то сложился тёмными штрихами. Нахмурившись, старик перевернул его и пальцами нащупал узор.

– Это что такое...

Он осёкся, опознав символ. Знакомый и вроде должный быть известным лишь ему одному.

«Здесь».

Уронив камень, старик лихорадочно зарылся в украшениях.

– Мой господин... – обеспокоился хранитель.

Следующий знак обнаружился на внутренней стороне одного из лобайских браслетов.

«Знать».

Сердце похолодело. Кто мог использовать это? Кто?

«Ты», нацарапанное на самом крупном камне колье магианы Овеи, заставило Дешию пошатнуться.

«Знаю, ты здесь».

– Кто-то смотрел артефакты в последние дни? – отрывисто спросил старик.

– Д-да, – подтвердил хранитель. – Вчера заходил харен.

На мгновение Деший застыл, а затем бросился к двери и завопил:

– Не взрывать!!!

Пол дрогнул, и по коридорам прокатился грохот взрыва.

– Задохнуться можно! – сквозь зубы процедил Идрай и попытался высмотреть уже нырнувшего в пролом харена. – Неужто есть что?

Вспыхнул светляк, и прищурившийся оборотень присвистнул. Глава сыска стоял посреди ещё одной комнаты и холодно обозревал стены.

– Да тут целые хоромы. У нас закладок-то хватит?

Харен словно прислушался к чему-то и уверенно ответил:

– Хватит. Теперь западная стена.

– Подождите, мне взбодриться нужно.

Идрай отцепил от пояса заветную фляжку и щедро отхлебнул крепкого вина. И не сразу заметил протянутую руку харена. Глава сыска смотрел на него спокойно и прямо, и Идрай молча отдал флягу.

– Я слышал, пить вам нельзя, – заметил он, наблюдая, как начальник, запрокидывая голову, щедро вливает в себя питьё.

Тот встряхнулся, шумно вздохнул-выдохнул, проморгался и ответил:

– Иногда нужно.

– Я же... – разъярённый Деший ворвался в коридор, и Агорий испуганно посмотрел на него.

– Это не мы, не мы! Это там где-то, за...

Пол опять дрогнул, и грохот взрыва прозвучал явнее, а с потолка посыпалась пыль.

– Вот опять. Рвутся к нам, подлюки! Господин...

– Пусть рвутся. Куда они движутся? Запад. Что ж, встретим дорогого гостя.

И старик, широко шагая, направился к закрытой сейчас части города. Пока он в сопровождении Агория и стражи добрался до места, прогремело ещё два взрыва. Он завернул в коридор именно в тот момент, когда опять бухнул взрыв, кладка пыхнула пылью и вылетела на улицу подземного города. Камень ещё осыпаться не закончил, как из темноты, склонив голову, шагнул харен. По плечу скользнула серебристой змеей коса, медленно качнулся подбородок, и на Дешия уставились пронзительно-холодные жёлтые глаза.

Память на миг перенесла его на несколько веков назад, когда на него точно так же смотрел другой Вотый. Борлан – дед мальчишки, который оказался так сильно похож на него. Если бы ещё и улыбнулся...

– Рад видеть вас, харен, – Деший растянул губы в улыбке. – Прекрасно, что вы сами нашли дорогу. Я опасался, что заблудитесь.

Уголки губ щенка приподнялись в легчайшей ответной улыбке, и старика накрыл суеверный ужас. Боги, какое невероятное сходство...

– Я всегда нахожу дорогу.

Глава 3. Похищение хайнеса

Доверие народа утрачено. Иерхарид смотрел, как толпа пытается прорваться через ворота и откатывается назад, схлестнувшись с военными. Смотрел, но вместо реальности перед глазами разворачивались возможные картины будущего. Не самого радостного будущего: в нём не было места для него.

– Господин, – опять позвал Рийван, – пора уходить. Мятежников становится всё больше, скоро войска не смогут их удерживать. Во дворце небезопасно.

Иерхарид всегда считал себя не лучшим хайнесом. Мягкий, нерешительный, постоянно сомневающийся и опасющийся сделать что-то не так. Все главные ошибки в жизни он совершил под давлением своих недостатков. Он ведь чувствовал, что происходит нечто нехорошее. Такое зловещее предчувствие, когда видимых причин для беспокойства нет. Почти мистические опасения. Но позволил себе отмахнуться от них. Ему следовало куда пристальнее смотреть за своим окружением, не выпускать из своего внимания даже самые незначительные происшествия. Даже если они, казалось бы, благополучно разрешились.

Отцу это удавалось. Он действительно был великим хайнесом. Пока не «обезумел». Рядом со своим родным братом он казался слабее и мягче, но в его мягкости крылась нерушимая сила духа, которую какое-то там сомнение поколебать не могло. Отец не сомневался, когда видел необходимость в казни преступника или когда желал пощадить врага. «Да, я знаю, что он может укусить ещё раз, но сейчас я хочу его пощадить». Он понимал последствия каждого своего поступка и смирялся с ними. «Да, это может произойти». Он никогда не колебался только из-за «А что, если это случится?». «Когда это произойдёт, я подумаю, что можно с этим сделать». Он никогда не паниковал, не суетился, не бывал в отчаянии. Он словно был создан для того, чтобы быть хайнесом.

– Господин.

И вот сейчас Иерхарид опять глодали сомнения. Он видел перед собой несколько путей. Каждый из них при малейшей ошибке мог привести и его, и страну к бездне. И он мешкал.

– Отец! – дверь распахнулась, и внутрь, широко шагая, вошёл Узээриш. – Почему мы ничего не делаем? В городе уже идут погромы.

– Господин, – главный маг обеспокоенно посмотрел на наследника, – во дворце становится опасно. Нужно уходить...

– Уходить? – губы хайрена презрительно искривились. – Отец, я возьму небольшой отряд и тайком проберусь в город. Нужно выловить зачинщиков и главных баламутов. Мне доложили, что появились какие-то затейники, нарочно подначивающие народ на смуту. А ведь после освобождения школы всё утихать начало, и тут эти явились...

– Но, господин, – Рийван возмущённо махнул рукой, сшибая на пол пресс-папье, – вы не можете так рисковать. От вас зависит судьба всей страны!

Иерхарид продолжал смотреть на ворота. Узээриш нетерпеливо подошёл ближе и тоже посмотрел вниз.

– Что творится! – с досадой прошипел он.

Вот сын куда решительнее. Иерхарид приложил много усилий, чтобы в его собственном ребёнке не отразились его недостатки.

Дверь опять распахнулась, и внутрь вошли пятеро стражников.

– Кто позволил? Вас не звали, – Узээриш холодно уставился на оборотней, и те немного обескураженно взглянули на спину хайнеса, а затем и на главного мага.

– Господин, прошу вас. Я отобрал самых надёжных из охраны. Нам нужно торопиться...

Хайнес медленно повернулся, подошёл к столу и потянул руку к перу. Пора перестать сомневаться.

Пальцы неожиданно вместо пера схватили нож для бумаги, и Иерхарид, коротко размахнувшись, всадил его в грудь Рийвана. Главный маг охнул, взмахнул руками, заваливаясь назад, и рухнул на пол.

– Взять его! – прохрипел маг, и стража, больше не мешкая, бросилась, на хайнеса.

Тот отшвырнул в них массивный стол и тряхнул длинными рукавами, извлекая из потайных карманов кинжалы. Лезвия коротко сверкнули и по рукоятки вошли в шеи двух из оборотней. Дверь опять распахнулась, выпуская внутрь ещё несколько стражников. Узэериш двумя точными пинками отправил в них стулья и, развернувшись, выбил ногой окно.

– Уходим! – рявкнул он.

– Убить хайрена! – прохрипел маг.

Отодрав панель, Иерхарид вытащил из тайника меч и тут же опробовал его на подскоки оборотне, раскроив его грудь вместе с кожаным панцирем.

– Хайнеса взять живым! – провопил Рийван, отползая к двери.

Нож для бумаги оказался слишком короток, чтобы добраться до сердца.

Хайнес локтем сшиб одного из противников на пол, рукояткой раскроил лоб другому в начале замаха и перерезал горло третьему на излёте.

– Уходи, – на сына он бросил один короткий взгляд.

– С ума сошёл?! – Узэериш выхватил кинжал и, подтащив ближе, вооружился креслом. – Ну ты погань, Рийван, – хайрен ослепительно улыбнулся уползающему магу.

Дверь в кабинет наружно затрещала, выламываясь, и мага чуть не затоптали.

– Риш, уходи! – рявкнул хайнес. – Проваливай отсюда! Ну же! Ты помнишь наш план! Не подводи!

Узэериш на мгновение замер, смотря на всё прибывающих противников, коротко выругался и, швырнув стулом в мага, требующего «убить наследника», запрыгнул на подоконник.

– Держи скляду!!! Держи! Уйдёт!!!

Меч сочно, как коса по траве, всихнул, и сразу две головы покатались на пол. С десяток разъярённо рычащих оборотней накатили на Иерхариду, сминая его и погребая под собой под истеричные крики Рийвана:

– Не убивать! Не убивать! Только наследника!

Наследника уже не было. Трое оборотней, выхватив ножи, бросились к выбитому окну, но увидели только машущий рукавами плащ, по вороту которого кокетливо пенилось кружево рубашки, и камнем падающие штаны, утягиваемые сапогами. Солнце закрыла тень, и мужчины одновременно вскинули головы. Бледное весеннее солнце расчерчивал силуэт огромной птицы.

– Ушёл, тварюка, – досадливо сплюнул один из «стражников».

Кувырнувшись через голову, белоснежная сова рухнула вниз, под кроны укрывающих город деревьев.

– Уходим, живее-живее, – командовал плюющийся кровью Рийван. – Берите его. Осторожнее! Он нужен живой!

Оборотни расступились, открывая распостёртого в луже крови хайнеса, и двое из них осторожно подступили ближе.

– Несут, – прошептал мужчина в форме дворцовой охраны и поспешил встать за гобелен рядом со своим товарищем.

В проверченные в плаще Риха Неумолимого дырки они проследили, как двое оборотней за руки за ноги пронесли мимо бесчувственного хайнеса. Следом за ними прошли главный маг, тяжело опирающийся на плечо одного из «стражников» и ещё десяток «стражников».

– Так вот кто наших порезал... – едва слышно прошептал один из спрятавшихся.

Дождавшись, когда процессия пройдёт мимо, мужчины переглянулись, и один из них решил:

– Нужно доложить Маришу. Ну и дела деются...

Глава 4. Мастер и ученица среди мятежа

Среди пара и дыма рычащий и воющий ангар представлял собой жуткое зрелище. У кого-то более мнительного возникли бы мысли о запертых Тёмных духах, но Лирка лишь угрюмо осмотрелась. Так она и знала. Никто на выручку бедным ящерам не пришёл. Нет, она могла понять преподавателей: важнее было вывести учеников и жителей города, пришедших на состязания, но брошенных зверей было дико жалко. Они напоминали девушке её саму. Только вот она была свободна идти куда хочет.

Ворота открылись не сразу. Сам ангар был каменным, но стропила и несущие части – деревянными. Они-то и подломились и упёрлись прямо в петли ворот. Ещё и стены просели, видимо, от тряски, и дверцы почти вжало в землю. Лирке пришлось потратить много сил, чтобы всё-таки распахнуть одну из створок. Вторую она уже просто ломала: так было проще.

Драконы, увидевшие свет и почуявшие девушку, заволновались и завопили ещё сильнее. Лирка наконец доломала ворота, шагнула в дымный полумрак и замерла, услышав вверху подозрительный хруст. Вниз посыпались щепки, и девушка поспешила к денникам.

После того, как появился купол, директор распорядился собрать всех, кто есть в школе, в одном месте. Смотрителей ангара в том числе. Выпускать драконов, которые могли внести ещё большую панику, никто и не подумал. Если лошадей можно было запереть на полигоне, то ящерам нужна клетка с крышкой.

Первый одуревший ящер едва не затоптал Лирку, стоило той распахнуть денник, и понёсся на свободу. Выпуская второго, девушка сразу отскочила в сторону и бросилась к следующему. Проходы между денниками наполнились суматошно мечущимися ящерами, которые сталкивались между собой, разбегались, выскакивали на улицу или продолжали метаться по проходу.

– У-у-у, глупые! – прошипела Лирка. – Пшли-пшли, – руки были заняты, и она подпихнула пробегающих мимо драконов ногой под хвосты. – Вон же ворота открыты! Куда несётесь?!

– Эй, кто здесь?! – в воротах появилась высокая широкоплечая фигура, испугавшая драконов ещё больше. Один из ящеров даже взмыл вверх и, истошно вопя, заметался под потолком.

– Мастер Резвер? Это я, Лирка!

– Какого Хрибного ты здесь забыла, дурная?! – выверился преподаватель, отпихивая выбегающих ящеров и проходя внутрь.

– Я только драконов выпустить! Сейчас, ещё две двери...

– Без тебя бы выпустили! Сказано же, чтобы все уходили. Что у вас за компания такая? Вот не зря, увидев разлетающихся ящеров, я сразу о вашей шайке подумал! Живее давай! А-ш-ш-ш...

Один из драконов толкнул оборотня крылом в грудь, тот в свою очередь пихнул другого ящера, и обиженный зверь дико взревел. Его брат, взмывший под потолок, совсем взбесился и, судя по звукам, начал пытаться пробиться на волю через крышу. Лирка выпустила ещё одного страдальца и бросилась к последнему деннику.

– И где вы такие деятельные находитесь? – продолжал ворчать мастер. – Ах ты Тёмный!

Оборотень резко пригнулся, пропуская над собой ящера, который наконец узрел распахнутые ворота. Он сверзился вниз в облаке пыли, древесной трухи и с сочным хрустом, который, увы, в общей какофонии звуков не сразу добрался до слуха. Балка грохнулась почти вслед за драконом, словно из его тени вынырнув, и повергла мастера наземь.

– Ох... – Лирка в ужасе зажала рот рукой, увидев, как последний выпущенный дракон проскакал к выходу по распростёртому телу. – Мастер...

Тот не отозвался, продолжая неподвижно лежать.

– Господин? – девушка торопливо подбежала, отбросила в сторону балку и осторожно склонилась над мужчиной.

Лежал он на животе, повернув голову набок. Лицо закрывали растрепавшиеся волосы, вроде бы их даже шевелило дыхание, но Лирка всё равно прижалась ухом к губам и облегчённо выдохнула. Дышит! И уже куда деловитее осмотрела и ощупала мастера. Слава богам, он ещё и крепкий! Девушка улыбнулась, вытерла лоб и принялась переворачивать мужчину.

Уже через минуту она взвалила мастера на спину на манер походного мешка и торопливо зашагала прочь.

Хорошо ещё, что мастер не такой уж тяжелый, хоть и крепко сложенный.

Стоило ей скрыться в пелене пара, как из дыма вынырнули восемь фигур. Мадиш сразу же заглянул в ангар, повёл носом и скрипнул зубами.

– Уже была и ушла!

– Наверное, обратно потопала, – с надеждой предположил Эдар. – Разминулись.

– В таком яде ничего и не учуешь, – Виидаш поморщился. – Дядя Зээхей, может вам ваши родительские инстинкты подскажут, где искать потерявшуюся девочку?

– Подскажут, – дядя недовольно осмотрелся. – Они сейчас везде. Девочки потерявшиеся.

– Отсюда близко к западным и южным воротам. Может, разделимся и пойдём туда и туда? – предложил Лирой и вопросительно посмотрел на теней.

Те согласно кивнули, и вскоре два отряда разделились и двинулись на юг и запад.

Вышла Лирка не к западным воротам, как планировала изначально, а к восточным. Мастер Резвер из-за своих размеров оказался очень неудобной ношей, сползающей то на одну сторону, то на другую... В конце концов девушка споткнулась, упала и, пока поднималась, потеряла направление. И сориентироваться в клубящемся паре оказалось не так просто: строений не видно, солнца не видно, даже башни из видимости пропали.

У ворот уже никого не было. Учеников и горожан вывели, остальные жители ушли с ними, и в школе остались только преподаватели, выискивающие тех, кто не ушёл, и забирающие важные вещи. Ну и ещё кто-то. Лирка, пока шла, видела подозрительные силуэты: крадущиеся, чуть ли не к земле прижимающиеся. Мастера не стали бы так ходить. Скорее уж воры, решившие поживиться, пока никто не видит. И не боязно же им.

Замирать у ворот и думать, в какую сторону податься, Лирка не стала и решительно шагала вперёд. Сперва нужно уйти подальше от школы, а потом уже решить, куда могли отправить всех учеников. Ох, Мадиш, наверное, разозлится... Девушка виновато поёжилась, представив взбешённый взгляд ответственного друга. Но она же не одна, с ней мастер Резвер!

Через пару кварталов Лирка поняла, что мастер не такой уж лёгкий. Более того, он начал тяжелеть с каждым шагом.

Завернув на другую улицу, девушка настороженно осмотрелась: улица была совершенно пуста, по мостовой летали обрывки каких-то бумажек, окна домов были распахнуты и занавеси беспрепятственно высывались наружу. Может, жители просто ушли подальше от школы, а вернуться не успели? Всё равно как-то жутко, словно случилось что-то ещё. Что-то страшное.

Лирка прислонилась к стене, поправляя сползшего направо мастера, и задумчиво прошептала:

– Дворец? Вряд ли... Казармы? Тюрьма?

Тюрьма для шумных школьников подошла бы больше, но тоже вряд ли. Зато мысли стали веселее, и Лирка уже вполне добродушно проворчала:

– Господин, вы бы брились почаще.

Мужской подбородок упирался ей в шею, и от щетины всё чесалось.

– Пойдём к городским воротам, – решила девушка. – Может, всех из города выставили. Ну чтобы спокойно с бандитами разобраться. А если нет, то стража всё равно подскажет, куда всех отправили. Потерпите, мастер.

Мастер продолжал ровно дышать и давить её тяжестью своего тела.

– Боги, господин, – спустя ещё десяток кварталов Лирка поняла, что мастер невыносимо тяжёл, – как можно столько весить?

Легче, наверное, было бы потащить его волоком, но это точно было куда неудобнее и непочтительнее.

Уже через две улицы мысли о почтительности покинули голову девушки. Тяжело дыша, она вспоминала, что ей нравятся как раз вот такие крепкие и хорошо сложенные мужчины, но теперь не понимала почему. Навалится на тебя такой в первую брачную ночь, у-у-у... Ну уж нет! Если она замуж выйдет – а Эдар уверен, что выйдет, – то её муж будет уточнённым лёгким мужчиной. Во! За лекаря выйдет! Лекарям и платят хорошо, в голоде жить не будут, детишки всегда будут сыты и одеты. Может – Лирка позволила себе робкую мечту, – и учителя им наймут.

Мастер Резвер в очередной раз пополз с её плеч, и девушка сердито зашипела. Да кому вообще эти воины нужны?! Дома не бывают, денег от прихода до прихода, да и то если не прогуляют. Ещё и гибнут постоянно! Ну уж нет! Как только эта заваруха закончится, она попросит Мадиша познакомить её с кем-нибудь из учеников лекарского отделения. Ну, мол, чтобы шрам свести. Присмотрится, может... Мастер опять начал сползать, и Лирка, коротко взвывая, поспешила в узкий проулок.

Сгрузив мужчину между двумя дождевыми бочками, девушка со стоном выпрямилась и выдохнула. Гул голосов до неё долетел не сразу.

– ...он бросил нас в решающий миг...

Девушка удивлённо обернулась и посмотрела на стену красного кирпича, из-за которой и доносились голоса.

– Он должен заплатить...

Тревога повисла в воздухе, и Лирка, помедлив, всё же подошла к стене и, цепляясь за неровности в кладке, забралась наверх. Взору её открылась небольшая площадь, окружённая домами. В обычное время здесь, наверное, располагался рынок для местных, а сейчас на пустой бочке по центру стоял кряжистый мужик с косматой бородой, а вокруг толпились люди и оборотни с испуганными, напряжёнными и злыми лицами.

– А ты почём знаешь, что бросил, морда? – гаркнул огромный рыжий оборотень с бородой куда внушительнее, чем у оратора.

– Так все говорят! – выпучил глаза говоривший. – А вы, рохли, продолжаете верить сказочкам хайнеса! Кто спас наших детей? Кто?! Хайнес?! Девка из хаги и её сородичи, а хайнес и не пошевелился. Только войска в город ввёл!

– Так, мож, и хаги от хайнеса пришли? – не унимался рыжий.

– Да если б от него, то об этом уж все голосили! А так где эти хаги? Я там был и скажу, что пропали они! Сразу, как хмарь эта кровавая развеялась, пропали! А отчего пропали? Отчего, люди?

Толпа зашевелилась и зароптала.

– Да какая, к Хрибному, разница от чего? – другой мужик, куда выше и благообразнее – со светлыми короткими волосами и усами – спихнул оратора с бочки и сам на неё забрался. – Вы подумайте, почему наши дети оказались в опасности? Почему это позволили? Куда смотрел хайнес? Это не какая-то там шикильда¹ вроде взорвавшейся таверны! Школа магии!!! – голос

¹ Шикильда – мелочь, не стоящая внимания.

прогремел подобно грому. – Там живут якобы сильнейшие маги. Неужели вы думаете, они могли проморгать *такое*?! Да я уверен, что они всё знали!

– Тогда чего им самим там оставаться и подыхать? – заорал кто-то.

– Да они могли знать, но не знать, что опасно! – проорал в ответ кто-то ещё. – Доложили хайнесу, мол, господин, хреновину такую-то нашли, а тот им, да всё путём! Эт я защиту новую ввожу!

– Во! – усатый ткнул пальцем в говорившего. – А сам продолжает строить козни, чтоб от магов избавиться. От них же... да простят меня боги, не в обиду говорю!.. столько проблем! вспомните, как кончил дядя хайнеса, хайрен Игренаэш! А вдруг его братец-то и убил? Магов правящие всегда боялись!

– Да когда это было? – пробасил рыжий, но его слова потонули в согласных воплях.

– Если сейчас спустим ему с рук это, то он и дальше будет насмехаться над нами! – завопил свергнутый с бочки бородач.

– Эй, да придите вы в себя! – гаркнул рыжий, призывая толпу к порядку. – Плохо живётся? Вроде и жрёте от пуза, а стоило беде случиться, так с жиру беситься начинаете! Видать, не знаете, каково это – жить с урчащим от голода брюхом, а от всех напастей своими руками отбиваться! Узнать хотите? Ну так давайте, идите! На том свете только не плачьтесь, что детей своих сиротами бросили!

Столь страстная отповедь словно было вернула толпе разум, но бородач не унимался.

– Вот он – пёс хайнеса! – его палец обличающе уткнулся в рыжего. – Что псу надо? Пожрать да на волков не охотиться! Вот хайнес и бросает нам хлеб да строит заборы. Лишь бы не тьякали! И творит свои дела! Натворит, собак всполошит и бросит жратвы, чтоб успокоились! Но разве мы паршивые псы, которых можно пинать, а потом куском тухлого мяса задабривать?! Разве мы вшивые собаки?!

Лирка разжала пальцы и с беспокойством обернулась, услышав более тревожные звуки со стороны улицы: раздавались грозные вопли, грохот, треск ломаемых дверей и глумливый гогот. Перебежав в другой конец улочки, девушка быстро выглянула и вновь спряталась. Сердце в груди гулко застучало. По улице шла разношёрстная толпа, громящая пустые дома и лавки.

Что творится?

С сомнением посмотрев на мастера, девушка досадливо закусила губу. С такой ношей на плечах ей не уйти. Надо спрятать мастера получше, а самой отвлечь мародёров. Одна-то она быстро убежит. Но вот только будет ли всё в порядке с мастером? Вдруг его всё-таки найдут? Может, решат, что мёртв, и оставят? Ой, нет! Надо тогда сперва с него сапоги снять и всю хорошую одежду, чтоб грабить не полезли. А то начнут грабить и ножичком заодно пырнут.

В бочку его, что ли, засунуть?

Увы, бочки, похоже, стояли с осени, и лёд в них только начал таять.

Помянув все четыре яйца Хрибного, Лирка склонилась над мастером, но отвлеклась, услышав голоса совсем рядом. В следующий миг её рот накрыла широкая ладонь и крепкая рука обвила её талию, прижимая руки к бокам. Девушка яростно захрипела, дёрнула ногами...

– Тихо! – цыкнул на ухо мастер Резвер, и Лирка послушно умолкла, хотя сердце едва из горла не выскакивало.

Мастер крепко прижал её к себе и руками, и коленями и замер, шевеля ноздрями и прислушиваясь. Звуки разбоя приближались, и мужчина ещё глубже забился в тень между бочками, закрывая Лирку своим телом. Кто-то заглянул в проулок, но мельком. И, не обнаружив ничего, кроме двух бочек, поспешил дальше. Треск, грохот и хохот начали удаляться, и мастер наконец-то убрал ладонь с лица Лирки.

– Господин, что происходит? – едва слышно спросила девушка.

– Похоже на мятеж, – скривился тот.

– Мятеж? Но почему? Школа ведь спасена.

Мастер невесело усмехнулся.

– Огонь народного гнева не гаснет быстро. Очень своевольное пламя. Бросишься затаптывать – вспыхнет ещё яростнее. Решишь задобрить – может обнаглеть и распалиться. Лучше дать, что просят, и ждать, когда само уймётся. И не позволять подливать масло в огонь.

– Но ведь школа спасена, – не понимала Лирка. – Всё хорошо, зачем они... всё портят? Мастер отпустил её и по-кошачьи хищно выглянул наружу.

– Гнев ещё горит. Сперва страх за детей и страх перед неведомой опасностью. Дети спасены, но все бегут подальше от школы, боясь новой беды. Другие жители тоже бегут, глядя на остальных. Просыпается разгульное воровство, которое торопится растащить всё, что осталось без присмотра. Те жители, что остались в своих домах, не хотят расставаться с добром, разгораются бои на улицах. Обиженные разбоем горожане гnevаются на хайнеса, который не смог их защитить, и идут требовать справедливости. К ним присоединяются вечно недовольные и те же мародёры, которым любой разбой в радость. Потом к ним приходят и остальные жители. Все же идут требовать справедливости, значит, и им нужно... А через несколько дней никто уже не вспомнит, с чего всё началось.

Лирка слотнула, поняв, почему «смута» называется именно «смутой».

Выпрямившись, мастер повёл ушибленными плечами, осмотрелся и поинтересовался:

– Так, что со мной случилось и почему я здесь?

– Дракон на вас балку уронил, и вы потеряли сознание. А здесь... – Лирка осмотрелась. – В школе опасно было. Я не знала, что в городе тоже опасно.

– Ясно. А как я сюда добрался? – из-под спутанных волос на Лирку уставились серые глаза, и она почему-то оробела и смущённо буркнула:

– Н-на мне.

Взгляд мужчины медленно скользнул по фигуре девушки вниз, и он тяжело вздохнул.

– Пошли.

– Куда? В школу?

– Нет, к городским воротам, – Резвер опять повёл плечами, пытаясь размять ноющие от боли мышцы. – Изначально всех должны были собрать на площади Суда, но сейчас... Наверняка выводят из города.

– Вы можете вернуться в школу, если нужно. Я сама дойду...

– Куда? – оборотень поймал проشمывнувшую мимо него девчонку за воротник. – По городу шляться в одиночку ты не будешь!

Глава 5. Прочь из города

– Юдриш...

– Госпожа, после, – торопливо отозвался мужчина, обходя экипаж и осматривая колёса. Даже обошёл сзади и покачал сам корпус, проверяя рессоры.

– Но... – растерянная Лоэзия стояла посреди двора, кутаясь в шубку, и со страхом смотрела на суетящихся мужчин.

Она проснулась лишь два часа назад и сразу же попала в круговорот бурной деятельности. Даже Мариша обнять после долгой разлуки не успела и, что ужаснее, до сих пор не знала, что случилось с господином тёмным и почему она вдруг неожиданно оказалась в отчем доме. И первое мучило нестерпимо сильно.

– Но, дядя Юдриш, – подобрав юбки, она припустила за оборотнем, – а где господин тёмный?

Юдриш удивлённо вскинул брови. Даже «господин»? Нет, в отличие от того же Мариша, он был благодарен похитителю, что тот вернул девочку целой и совершенно здоровой. Даже не похудела. Но, видимо, этот тёмный очень хорошо обращался с малышкой, раз она с таким почтением в голосе называла его господином.

– Не знаю, – честно отозвался Юдриш. Мариш так-то запретил при Лоэзии упоминать похитителя, чтобы та не расстраивалась, но что-то подсказывало мужчине, что она расстроится, если он как раз-таки не упомянет о нём. – Он исчез сразу же.

– Куда исчез? – всполошилась девочка. – Может, он там?

– Где «там»? – не понял оборотень.

– Там, где вы меня нашли. В том домике.

На месте тёмного Юдриш не стал бы возвращаться на прежнее место жительства, даже если оно не засвечено: Мариш землю жрать будет, но найдёт ублюдка.

– Ни про какой домик не знаю, госпожа. Он сам вас принёс и с рук на ручки отдал Маришу. Наверное, вы вели себя очень плохо, – мужчина подмигнул девочке.

– А Май... – начала было она, но осеклась.

– Что «май»?

– Нет, ничего, – торопливо мотнула головой Лоэзия. – Но... Мариш же ничего плохого господину тёмному не сделал? Он ему... ничего не сломал?

Юдриша порой поражала наивная вера девочки в милосердие Мариша. Сломал... На такой исход и надеяться не стоило.

– Очень хотел, но поймать не смог. Не переживайте, госпожа. Ваш тёмный – тот ещё жук. Исчез сразу же, как от вас избавился.

Личико девушки немного расслабилось, и она уже с удивлением посмотрела на экипаж.

– А куда мы собираемся? И почему?

– Это распоряжение вашего отца, – невинно улыбнулся Юдриш. – Он хочет, чтобы вы некоторое время провели в загородном поместье.

– Вот как? – немного расстроено пробормотала госпожа.

– Да, именно так, – рассказывать девочке о мятеже в городе Мариш запретил ещё строже, чем о тёмном.

Рисковать своей драгоценной привязанностью Мариш не желал и, как только начались погромы в городе, сразу распорядился собираться и отправил оборотней на улицы, чтобы они расчистили путь для экипажа. Более впутываться в смуту он никак не собирался.

Это проблема хайнеса. Мариш сделает уступку, что хотя бы не вмешается в свару на стороне врага повелителя.

– Живее, чего копаетесь? – во дворе появился сам Мариш.

Погладив Лоэзию по голове, дворецкий поманил к себе Юдриша, и они вместе отошли ближе к конюшне.

– Посыльный из дворца приехал, – тихо сообщил Мариш.

– И что? Хайнес задумал какую-то пакость?

– Хайнеса похитили.

– Чего?! – обалдел Юдриш.

– Среди охраны и придворных оказались предатели. Они перерезали часть стражи, некоторых из наших ребят в том числе. И уволокли куда-то нашего пернатого господина, – уголки губ Мариша презрительно дрогнули. – А сейчас кто-то усиленно разносит по городу весть, что хайнес с семьёй сбежал.

– Дела... – ошарашенно протянул Юдриш. – И что будем делать? Вмешаемся?

– Нет, – желтоватое, с тёмными от недосыпа кругами лицо дворецкого сморщилось.

– Уверен? Ты знаешь, кто это?

– Нет. Это меня и напрягает.

– Может, тогда...

– Мы не будем лезть, – твёрдо произнёс Мариш. – Но я отправил оборотней, чтобы они разобрались, с кем мы имеем дело. Мне не нравится, что мы даже не подозревали о творящихся во дворце делах. Довольно неприятно, надо сказать...

Погромы ещё не успели докатиться до престижных районов города. Богатые титулованные жители задействовали собственные силы, чтобы оградить себя от мятежников. Но всё же немногие из них рискнули остаться в своих домах. По улицам в сторону восточных ворот тянулись дорожные экипажи и роскошные кареты, увозившие хозяев прекрасных особняков и их главные ценности.

Небольшой белый особнячок, густо окружённый елями и соснами, казалось, уже был покинут, но на самом деле на заднем дворе царил тихая суэта. К отправлению готовились два простых, без гербов и украшений, чёрных экипажа. Дверцы одного уже были закрыты, а рядом со вторым на вытяжку стояли двое оборотней самого сурового вида. Перед воротами терпеливо ожидали два конвоя из десяти всадников каждый.

Кухонная дверь скрипнула, и наружу в сопровождении дородной служанки вышла высокая, очень красивая женщина с длинными белокурыми волосами и ярко-синими, как самые чистые сапфиры, глазами. На руках она бережно держала завернутого в шерстяное одеяло белокурого мальчика.

– Госпожа Изаэллая, всё готово, – к женщине поспешил один из мужчин. Он протянул руки, чтобы принять ребёнка, но госпожа словно и не заметила его жеста.

– Госпожа Лийриша и Иия уже в экипаже?

– Да, – понизив голос, мужчина добавил: – Видимо, она очень переживает. Запретила её беспокоить.

– О, стоит ли её винить? – хайрени подняла на оборотня свои прекрасные глаза. – Мой брат, племянник... а тут ещё и вынужденное расставание с сыном. Благо что недолгое, и мы будем надеяться, что эта предосторожность всё же окажется излишней. Пусть они выезжают. Нас не должны видеть вместе.

– Да, госпожа.

Оборотень махнул рукой, и закрытый экипаж тронулся в путь. Ворота тут же распахнулись, карету окружил конвой, и вся процессия направилась в сторону восточных ворот.

Хайрени сама забралась в экипаж, позволила задёрнуть все занавеси и, едва дверцы закрылись, крепко прижала к себе мальчика.

– Госпожа, давайте я подержу господина, – служанка протянула руки, но хайрени нежно улыбнулась и отрицательно мотнула головой.

– Нет, Рана. Этого ребёнка доверили мне, и я не выпущу его из своих рук.

Ёрдел остановился недалеко от мясной лавки, из которой доносились ликующие крики воя, и выудил из кармана серебряную пластину размером с ладонь. На пластине было три крохотных камешка, с одной стороны едва заметно заострённых. Два из них – крошечки розового кварца и авантюрина – смотрели острыми кончиками в разные стороны, а кусочек чёрного кварца – прямо между ними.

Сверившись с пластиной по направлению, Ёрдел убрал её в карман и прислушался к своим силам, пытаясь понять, как далеко привязанные к нему девочки. Сестра была не так далеко, но удалялась. Впрочем, не очень быстро. А вот расстояние до второй девочки стремительно увеличивалось, и Ёрдел, почувствовав неприятный зуд внутри, зашагал в направлении, куда смотрел уголок розового кварца.

За сестрой присматривает почти муж – оборотень ответственный и спокойный.

А вот за второй девочкой присматривает совсем уж тёмная личность, ко всем недостаткам ещё и склонная к истерикам.

Чёрный экипаж, окружённый суровыми охранниками, медленно ехал в чередё других экипажей к восточным воротам. Занавеси его были плотно задёрнуты, ни единого луча не проникало внутрь.

У ворот возникла заминка.

– Что там?

– Дорогу слякоть разбила, вязнут.

– Этак мы до завтра от города не уедем...

Возницы зароптали-заворчали, в окна карет высунулись обеспокоенные лица.

– Господин... – к главе конвоя, что сопровождал чёрный экипаж, обратился один из всадников.

– Как и уговаривались, – коротко ответил тот.

Едва вынырнув за городские стены, экипаж отделился от основного потока и бодро попрыгал по ухабам и просевшим сугробам в сторону реки.

Один раз карета сильно накренилась набок, занавесь качнулась, и солнечный луч всё же проник внутрь и вспыхнул на рыжих волосах, в беспорядке размётанных по сиденью.

– Фу-ты, Тёмные, – досадливо протянул Юдриш, осматривая длинную процессию из карет, телег и обозов, тянущуюся от города.

Мариш недовольно осмотрелся, задержал взгляд на обеспокоенном розовом личике Лоэзии, которая опасливо смотрела в окошко, несмотря на строгий приказ не высовываться, и перевёл взгляд на полосу леса.

– Через Мохнатый мост поедем, – решил он.

Юдриш тоже с сомнением посмотрел на лес.

– Да почему бы и нет...

Дорога там, правда, была не естественная. Раньше, пока процветала деревня Цветных Глин, мостом частенько пользовались, но глиняный карьер иссяк, заработок исчез, жители начали переезжать в другие места, и о деревеньке стали забывать. Но мост ещё был крепок, только вот дорога... Но если уж выбирать между запруженным трактом и езде по колдобинам, то последнее будет всяко быстрее. Да и вон уже кто-то и путь наметил. По земле бежали колеи от колёс и полукруглыми темнели отпечатки копыт.

Глава 6. Что творится в подземном городе

Подземелья, через которые прошёл харен, обшарили сверху донизу, но более никого не нашли.

– Отослали? – предположил Деший, вежливо отступая в сторону и показывая главе сыска дорогу.

– Могло всех засыпать, – холодно отозвался тот, осматриваясь.

– Благородно, – одобрил старик. – Проходите, располагайтесь.

Ранхаш вошёл в тесную комнатку, которую едва-едва освещала масляная лампа, при-
ткнутая на деревянном ящике, служившем, видимо, столом, но присесть отказался. Несмотря на связанные руки – он позволил себя связать, – выглядел глава сыска так, словно пришёл в гости. В его глазах красно-оранжевыми всполохами заплясал огонь, и Деший ощутил приятное расслабление: хоть мальчишка и был невероятно похож на своего деда, но вот смотрели они совершенно по-разному. Глаза Борлана всегда были весело прищурены, и было в них что-то такое плутовское, от чего преступники невольно чувствовали в нём собрата по ремеслу и настораживались: законник-то боле по закону действовать будет, а от жулья поди знай, что ожидать. Щенок же смотрел холодно, но предсказуемее деда он точно не был.

На что он надеялся, когда шёл сюда? С каким замыслом явился? И то послание...

– Похвально, что мы всё-таки встретились с вами, – улыбнулся Деший. – Правда, уже очень поздно, как видите... Весьма безрассудно. Вы не боитесь смерти? Хотя как я могу задавать такие постыдные вопросы...

– Не боюсь, но умирать мне не хотелось бы. Хотел увидеть того, кто задумал всё это. Это вы?

– Вы хотели узнать только это? – Деший улыбнулся. – Рисковать жизнью...

– Судя по тому, что я жив, вы получили моё послание.

Улыбка тут же исчезла с лица старика, и, казалось, лицо ещё глубже избородили тени морщин.

– Откуда вам известны эти символы?

– Символы... – задумчиво протянул харен. – Разгадка в них, да? Я о вашей личности.

– Харен, будьте вежливы. Я же спросил первым, – мягко напомнил Деший.

– Хайнес передал их мне.

– И вы, я вижу, прекрасно разобрались в их значении.

– У меня служат прекрасные артефактики. Сам я не маг, но хорошо учусь. Так что же вас взволновало? Даже если сейчас мои оборотни наконец разберутся с печатями и мы выйдем на тех, кто использовал их, то уже, как вы сами сказали, поздно. Чего вы боитесь?

– О, разве я боюсь? Я просто очень удивился. Многие годы никто, кроме меня самого, не использовал их.

– В деталях кроется истина.

Деший вздрогнул и побледнел так, что это стало заметно и в полумраке. В голове зазвучал насмешливый голос Борлана:

«В деталях кроется истина».

– Мой отец часто так говорит.

– И он так прав...

Деший улыбнулся. Он умел держать лицо, даже смог одобрительно приподнять брови.

– Но я ведь пришёл не просто так...

– Я бы не подумал, что такой высокопоставленный оборотень придёт ко мне, лишь чтобы потратить время. Вы пришли с предложением сдать? Наверняка ваши оборотни и

оборотни... – старик насмешливо улыбнулся, – оборотни хайнеса уже подходят к воротам, чтобы обрушить всю свою силу на наш бедный город.

– Нет, – взгляд сыскаря не изменился.

– У вас есть более щедрое предложение? Простите, я преступно нахален и совершенно забыл о хитроумии, приписываемом вашему семейству. Но, мальчик мой, пусть я и проявил некое пренебрежение, но это лишь оттого, что прекрасно понимаю: договоры между нами невозможны.

– Невозможны, – согласился харен. Ледяной взгляд не дрогнул, даже зрачок не сократился.

– Я... нет, мы совершили немыслимое по своему масштабу! Из одного только страха нам не посмеют оставить жизнь. Поэтому любые радужные договоры закончатся смертью. Желательно моей.

– Вероятно, – не стал спорить глава сыска.

– Так что вы можете мне предложить? Обменять украденные вами артефакты на какую-то мелочь? Не скрою, я жажду их получить, но ту высокую цену, которую вы запросите, я платить не захочу.

– Я не собирался ничего предлагать. Господин, – взгляд оборотня скользнул вниз по фигуре старика, – я всего лишь сыскарь, ищейка. Я не облечён правом вести переговоры. Я расследую, ищу, отлавливаю, пытаюсь разобраться в хитросплетениях злодейских замыслов... Иногда сам надеваю лик закона и наказываю. Но я не договариваюсь.

– Так зачем вы пришли в наше уютное злодейское логово?

– Спросить. Кем вы приходитесь хайрену Игренаэшу?

Агорий вздрогнул, когда господин разъярённой осой вылетел из каморки, отведённой для важного гостя.

– Охранять, – мрачно бросил старик.

Засов тут же лязгнул, и пятеро охранников встали лицом к двери.

– Господин... – обратился было Агорий.

– Он тянет время! – сквозь зубы прошипел Деший. – Отвлекает внимание на себя! Нужно ждать гостей. Приготовь отряд и выставь с той стороны, откуда он вышел. А лучше сперва обвалите там стены. Не нужно облегчать им путь.

– Да если он сам сюда заявился, то значит, что-то серьёзное задумал, – Агорий опасливо обернулся и бросился за стремительно удаляющимся господином. – Не стал бы он так легко рисковать. Может... допросить посерьёзнее?

– Не сейчас!

Харену определённо было что сказать, и это беспокоило Дешия. На вопрос он так и не ответил, но вот эмоции, которые он вызывал, до сих пор унять не мог.

– Что с хайнесом?

Агорий поморщился, и старик уже решил, что и здесь их постигла неудача.

– Притащили, заперли в свободной клетке в Зверинце. Надо было к какой-нибудь твари посадить паскуду! Шестерых наших положил и мага этого... главнюка своего едва ли не насмерть порешил. Его помяли малость, но не смертельно. Даже лекаря звать не стали.

– А хайрен?

Агорий замешкался.

– Убёг...

– Что?! – Деший развернулся так стремительно, что пламя факелов дрогнуло.

Втянув голову в плечи, оборотень виновато посмотрел на непривычно злого господина. Но как тут злым не быть? То одно, то второе...

– В кабинете с папашей был и, пока тот крыльями махал, слинял через окно. Наши ищут. Пташка-то приметная что в зверином облике, что в двуногом...

– Его нужно найти!!! Найти и убить!

Старик осёкся, замер и, глубоко вздохнув, уже мягче добавил:

– Нам необходимо его устранить. Пока он жив – наша цель будет недостижима.

– Я понимаю... Мы понимаем! Да никуда он не денется, отыщем. Морда-то приметная!

Морда... Деший опять развернулся. Морду не так сложно поправить, он-то об этом знал больше других. Какая всё-таки досада вышла с этой школой! Ведь задумка была замечательна: финальный день состязаний, толпы народа, сотни сильнейших магов, пришедших полюбоваться на молодое поколение, и сам хайрен, восседающий в ложе хайнеса. Обычно, конечно, финал освещал своим присутствием сам хайнес, но в тот день он бы точно не смог прибыть и отправил бы наследника. А затем жух-бух-вп-ш-ш! И, о горе, школа бы погибла в огне, а вместе с ней и маги, среди которых было слишком много старых знакомых, и сам хайрен. Какая печаль!

Дешию очень нравился план. Одно «бух!», и он лишал себя стольких проблем в будущем: не станет хайрена, прежних знакомых, превратится в пепел почти половина магов всей Салеи, а маги по духу почти все мятежны и своевольны. Какие бы тишина и покой ожидали страну, добейся он успеха!

Душу наполнила отравляющая горечь разочарования.

– А девочка? – голос прозвучал сладко-сладко, и Агорий невольно поёжился.

– Мы пытались найти, но пока нет, не удалось. Они были в сыске, а потом тот лекаришка куда-то утащил её.

Лекаришка! Нестерпимо захотелось отвесить глупцу оплеуху за пренебрежение. Шидай, ещё один старый сыскар, весточка из прошлого. Было бы прекрасно, имей он возможность одним махом стереть все прежние знакомства.

– А что в городе?

Мужчины завернули в коридор, ведущий к Зверинцу, и в уши влилось рычание.

– Замечательно, – воспрял Агорий. – Народ негодует, идут погромы, уже было два столкновения с армейскими частями.

Действительно замечательно. Салее срубили голову, и теперь обезглавленное тело бьётся в агонии в ожидании, когда отрастёт новая. Какая она будет?

– Богатеи бегут, маги за городом собираются. Туда учеников вывели, и наши там сейчас прошариваются, отбирают...

Агорий умолк, стоило последней двери открыться, и поморщился от заложившего уши воя.

Твари были в бешенстве. Они бросались на прутья, грызли решётки и раздирали когтями стены, мечтая добраться до нового соседа, которого посадили в клетку прямо напротив основного скопища зверей. Даже мелкий тварёныш рычал и фыркал от негодования. Молчал только огромный тонколапый зверь, но и он проявил интерес к узнику. Обычно равнодушный ко всему, кроме визитов Дешия, он сидел у самой решётки и, склонив узкую башку набок, пристально смотрел звёздчатыми глазами на хайнеса.

Тот уже пришёл в себя – в таком вое сложно оставаться без сознания – и, ошарашенно моргая, удивлённо осматривался. Он совершенно не понимал, где находится, и, как подозревал Деший, похоже, считал, что уже перешёл в мир иной. Местечко больно уж было похоже на загробный мир, как его описывали в мрачных сказочках.

Деший ненадолго замер, прикипев взглядом к величавой твари, никак не желающей подышать, а затем, опомнившись, неспешно подошёл к клетке и, ласково улыбаясь, опустился перед хайнесом на корточки.

– Здравствуй, Иерхарид.

Тот нахмурился, поморщился, всмотрелся в лицо напротив пристальнее и выдохнул:
– Ты кто?

– Забыты милости твои,
Судьба-судьбушенка!
Ах, зубы острые твои
Терзают душеньку!

Густой бас разносил по коридорам-улицам песню, и звучала она в куда более радостных тонах, чем того заслуживала. Бородатый верзила, сидя на табурете посреди одного из коридоров, что сходились перекрестьем, бодро чистил сапоги и раз за разом мурчал под нос припев душераздирающей песни, совсем недавно пришедшей во все таверны Жаанидыя откуда-то с юга.

– Ох, как узеркало, – проворчал оборотень с заметным северосалейским выговором. – Хоть улубуйся, а сам босой чапатай! Эй, хо побёг?

Сторож бдительно вскинул голову и грозно уставился на ссутулившегося мужчину в капюшоне, проходящего по улице в сторону города.

– Домой, – устало огрызнулся тот, и верзила с благодушием вернулся к своему занятию.
– Забыты милости твои...

Прохожий скрылся из виду, свернув за угол, и теперь его преследовал только зычный голос охранника. За поворотом коридорчик оказался совсем коротеньким. Четыре широких шага и вновь поворот, свернув за который, мужчина сперва отшатнулся, а потом сделал шаг вперёд, к самому краю, и замер.

Зрелище было волнующим. Лабиринт улиц-коридоров обрывался резким уступом, от которого вниз вела крутая узкая лестница. А внизу возлежала каменная чаша, усыпанная маленькими домиками и озарённая многочисленными огнями.

Тихий вздох сорвался с губ.

Вид ошеломлял. Не верилось, что такое могли создать руки смертных.

От самого дна чаши до каменного «неба» поднимались многочисленные колонны, похожие на гигантские сталагнаты. Домики не только стояли на дне, но и лепились по стенам, отважно карабкаясь чуть ли не к самому «небу». Пахло дымом, затхло речной водой, едой, и сквозь всё это пробивалась тонкая вонь, сопровождавшая обычно нечистоплотные бедняцкие поселения.

Отодвинув капюшон на затылок, Ранхаш качнул головой, подозревая, что выпитое могло столь странно сказаться на его фантазии.

Масштаб проблемы куда больше, чем он предполагал.

И эта проблема всё это время пряталась под городом.

– Ах, зубы острые твои...

Внизу царило оживление, жители куда-то спешили, орали, смеялись... Ранхаш отметил, что здесь были не только мужчины, но и женщины. Может, и дети есть? Интуиция не ответила. Она становилась на редкость капризной дамой, стоило ему выпить.

Он опять окинул чашу взглядом и задержал глаза на небольшом участке стены саженей двадцать площадью. Даже на расстоянии она казалась влажной и очень ровной. Ранхаш опять осмотрелся и повёл плечами.

Похоже, всё-таки действительно это творение не рук смертных. Что ж, надо посмотреть. Поправив мешок на плече, оборотень начал спускаться вниз.

– Терзают душеньку!.. – протяжно донеслось вслед.

Из каморки не доносилось ни звука, что настораживало охранников больше, чем если бы харен пытался выломать дверь или вёл с ними душеспасительные разговоры.

– Может, глянуть?

– Ага, а он только того и ждёт! Хвать за шею и наружу!

– Я слышал, что он как Проклятый дух: пусти в мир, и никого живого не останется!

– Тьфу ты, бабы! Я сам гляну.

Один оборотень выступил вперёд, а остальные тут же сомкнули за его спиной плечи и вытащили ножи. Несмотря на бравату, смельчак малость трусил, но всё же поднял засов и, словно нарочно на когти нарываясь, выпятив грудь, шагнул на порог.

Харен даже не обернулся. Сидя на деревянном ящике, он, не отрываясь, смотрел на огонёк масляной лампы.

Глава 7. Крушение

Снег начал исчезать уже в двадцати саженях от города: длинная тень стены здесь не выступала защитой от солнца и снежный покров виднелся лишь небольшими белыми пятнами. Голые кусты и одинокие деревья распушили ветки с набухшими почками, клонился к земле влажноватый сухостой, а сквозь пожухлую траву пробивалась свежая зелень. Только вот весенний воздух пах дымом, тянувшимся от Жааниды.

Дороги к Мохнатому мосту действительно не было, но она угадывалась по расступающимся в разные стороны кустам и деревьям, а после заезда в лесную полосу виделась уже отчётливо: зарости ей всё же не позволили, время от времени вырубая самосевы. Но земля здесь покрылась травой и была влажновата. Колёсный экипаж порой увязал, и всадникам приходилось спешиваться и выталкивать его.

Глава отряда, прищурившись, вглядывался вперёд. Он ездил смотреть на мост в начале зимы несколько раз и сейчас в оголившемся пейзаже с некоторым трудом узнавал места. Помнится, нужно было въехать на пригорок, а уж оттуда открывался вид на широкий, добротный, но деревянный мост. Несколькими годами ранее севернее построили другой, каменный мост и о Мохнатом почти вконец забыли.

Вдоль дороги потянулся пахучий ельник, и глава отряда немного отстал, подозрительно осматривая лес. Всадники плотнее окружили экипаж и наострили уши. От реки доносилось грохотание сталкивающегося льда и шумный плеск воды. И чем ближе к реке, тем сильнее был грохот.

Меж ушей лошади, запряжённой в экипаж, упала шишка. Лошадь испуганно всхрапнула, шарахнулась назад, и возница поспешил натянуть вожжи.

– Тпр-р-ру-у-у, шалопоть трусливая!

В следующий миг на спину лошади прыгнул мужчина. Дальнейшие события развернулись с невероятной быстротой. С разлапистых елей вниз посыпались мужики, прыгивали они прямо на крупы коней всадников и тут же сноровисто вонзали им со спины ножи, прямо между рёбер. Раздалось испуганное ржание, хрипы, а следом и разъярённые вскрики: двое из охранников быстро среагировали, успели дёрнуть коней за поводья, и бандиты попадали на землю. Конвоиры схватились было за оружие, но один почти сразу же откинулся назад, сражённый брошенным ножом прямо в глазницу, а другого кнутом за горло перехлестнул возница и стащил за землю. Там его и прикончили.

На мгновение бандиты – десять оборотней, – глава отряда и возница замерли, осматриваясь и прислушиваясь, а затем разбойники бросились успокаивать лошадей и подбирать трупы. Убитых за руки за ноги отнесли дальше по дороге, вниз с пригорка, и сбросили с крутого и высокого берега в бурлящую реку. Тела тут же исчезли между льдинами и более нигде не всплыли.

Разобравшись с трупами, нападавшие подхватили лошадей под уздцы и поспешили в ельник по едва заметной звериной тропе. На дороге рядом с экипажем остались только возница и глава отряда, который как раз закончил вытирать нож, вытасченный из глазницы бывшего товарища, и теперь провожал взглядом своего коня.

Не было сказано ни слова. Всё прошло быстро, ловко, как не единожды отыгранная театральная постановка, в которой каждый имел свою роль и выполнял только её. Вот и возница, пока глава осматривал кусты – не надломили ли чего ушедшие, – торопливо зачищал суетливые отпечатки копыт, следы крови и придирчиво выискивал обронённые предметы. Закончив, мужчины обменялись взглядами, и кучер, опять заняв козлы, подстегнул лошадей.

До моста действительно оставалось всего ничего: спуститься с пригорка, и вот оно – широкое деревянное полотно с удобным заездом и высокими крепкими перилами. Лошади

взошли на мост, и по насту глухо застучали копыта и колёса. Возница торопливо намотал вожжи на подлокотник и, спрыгнув с кóзел и чиркнув чем-то над досками моста, побежал назад, в тот время как лошади продолжили своё шествие. Глава отряда дождался его, и вместе они отбежали по берегу подальше на юг и забрались под кучу бурелома и валежника.

Не успели они устроиться, как всполошились и обеспокоенно и раздражённо высунулись из укрытия. По дороге двигался довольно крупный отряд – экипаж и семеро всадников, – а где-то позади, пока отдалённо, что-то громыхало и раздавалось гневное:

– Тпр-р-р-ру-у-у, окаянная! Куда?! Куда, дух тёмный?!

Всадники подозрительно смотрели на карету, добравшуюся почти до середины моста, но с задней стороны ничего такого не углядели (в том числе пустые козлы), и на мост поднялся один из конвоиров. Проверив мост, он махнул рукой, и следом въехала карета. Сидящие в буреломе мужчины переглянулись, помрачнели и заползли глубже под ветки.

Лежащая на сиденье рыжеволосая женщина застонала, болезненно поморщилась и с трудом, заставляя себя, открыла глаза. Перед внутренним взором, затмевая внешний, плавали обрывистые образы, а в голове звучали голоса:

«...она не проснётся до самого конца. Уйдёт без боли и страха...»

«Осторожнее, проклятый!»

«Да какая ей разница...»

Голова болела, во рту было гадко, а в теле царила необоримая слабость.

«Дети...»

Дети!

Лийриша дёрнулась, пытаясь сесть, и скатилась с сиденья.

– Что... я... где...

Полумрак вокруг, неясный свет где-то наверху и мир качается. Цепляясь за сиденье, женщина попыталась встать. Несколько раз падала, но опять поднималась, едва сдерживая слёзы бессилия, и наконец приникла к занавесям. За ними неспешно проплывала какая-то деревянная ограда, а за ней что-то серело и двигалось. Лийриша не сразу поняла, что это река. Дёрнула дверцу, толкнула её, опять пошатнулась и упала на сиденье, едва не сшибив короб.

– О боги!

Дрожащими руками женщина потянулась к лежащей в корзине дочери.

– Иия, солнце моё, открой глаза!

Лийриша с силой тряхнула девочку, та заворочалась, захныкала, но глаза так и не открыла. Но матери было достаточно и этого. Главное, что жива!

Присутствие дочери придало женщине сил, и она, закричав, начала ногами бить в двери, стучать кулаками по стеклу. Окошко треснуло, ещё один удар, и оно бы разлетелось...

Воздух разорвал грохот, экипаж тряхнуло так, что Лийриша упала и едва успела подхватить скатившуюся дочь. Экипаж завалился набок, в животе ёкнуло, и женщина почувствовала, что они летят вниз.

Мариш и Юдриш осматривались с одинаковой подозрительностью. Пушистые ельники очень подходили для засад: в мохнатых лапах удобно спрятаться, а густой смоляной запах перекроет то, что не смогли перекрыть амулеты. Им ли это не знать.

Но Мариша беспокоило что-то ещё. То ли это засевшее внутри городское волнение, то ли усталость и не до конца утихшее бешенство из-за пропажи Лоэзии, но дворецкому всюду мерещились подозрительные тени и засады. А теперь и вовсе казалось, что пахнет кровью. Он провёл ладонью под носом: в последнее время его мучили кровотечения. Но было чисто.

– Что-то зябко мне, – признался Юдриш, поведя плечами. – Помнится, мы в подобном местечке лет пятьдесят назад Рыло поджидали.

– Не помню такого, – недовольно поморщился Мариш, направляя коня к мосту.

– Или Морда его звали? Э-э-э, дай боги памяти.... Не Морда. Харя?

Что-то такое забрезжило в памяти Мариша, и он неохотно предположил:

– Лицо?

– О, точно! А я ещё думаю, что как-то поприличнее оно звучало...

БАХ!!!

Деревянный настил подбросило вверх, и Мариша выкинуло обратно на берег. Дико заржавшая лошадь завалилась на бок, придавливая дворецкого. До слуха донёлся жуткий, леденящий кровь треск, истерические взвизги запряжённых лошадей, а затем и отчаянный женский крик, и чуть позже сильный всплеск где-то внизу и грохот сталкивающихся льдин. Дворецкий змеёй вывернулся из-под лошади и на четвереньках бросился к мосту.

Глава 8. Условие тёмного

В глазах потемнело, когда он увидел внизу, среди льдин, боком уходящий под воду чёрный экипаж. Одна из лошадей с неестественно вывернутой головой покорно позволяла утягивать себя вниз, а вторая, живая, отчаянно боролась, пытаясь выплыть, но тонущий экипаж утягивал её в воду. Лишь секунду спустя Мариш понял, что это не тот экипаж, и пополз по остаткам моста вперёд. До слуха донеслись взвизги лошадей, ещё один женский крик, в котором Мариш узнал служанку, и его сердце наполнила отчаянная надежда.

От взрыва мост переломился, но если дальняя его половина сразу ухнула в реку вместе с первым экипажем, то ближняя провисла вниз. Наст под задними колёсами проломился, и экипаж повис, зацепившись за балку. Но внизу бились лошади, и карета могла сорваться в бурлящую реку в любой момент. Возница, слетевший с козел, успел схватиться за упряжь и сразу же вытащил нож. Несколько секунд потребовалось, чтобы перерезать ремни, и вот он вместе с лошадьми полетел в реку. Экипаж опасно качнулся, задние колёса провернулись, едва не соскочив, но ещё несколько досок проломилось, балка скользнула ещё ниже, под самое днище, и карета всё же удержалась.

– Лоэзия! – заорал Мариш, лихорадочно осматривая оставшуюся часть моста. – Ты жива? Не шевелись! Только говори!

– Мы живы, господин, – раздался плачущий голос служанки. – Господин... господин, спасите нас!

– Не двигайтесь!

Выпустив когти, Мариш, цепляясь за доски и балки, полез вниз. Чуть позже к нему присоединился запыхавшийся Юдриш (испугавшаяся взрыва лошадь унесла его прочь почти на двести сажений), а оборотни наверху начали собирать верёвки, обвязывать их вокруг деревьев и сбрасывать концы вниз.

– Стой!!! Стой!!! Сто-о-о-о-ой!!!! – сопровождаемая оглушающим воплем, с пригорка скатилась дребезжащая телега. На облучке сидел вытаращивший от страха глаза мужик со включенной бородой, а за его спиной – две зажмурившиеся бабоньки, что есть сил обнимавшие тюки с добром.

Взбесившаяся лошадь резко остановилась, телега завернулась слегка боком, вынуждая своевольное животное повернуться.

– У, тварь... – голос мужика зазвенел тонко, как соловьиная трель. – Чуть богам душу не отдал, морда длинная. Да чтоб тебя... – он осёкся, заметив наконец снующих оборотней, а затем и отсутствие моста. – Покровитель небесный...

На пригорке показалась ещё одна карета, и возница её, увидев с высоты зубастые обломки и тонущий экипаж, поражённо присвистнул.

– Спокойно, спокойно... – Мариш не переставая повторял одно и то же, торопливо перебирая руками.

Балка под тяжестью экипажа наружно стонала. Ей вторили женский плач и тихие всхлипы. И Мариша пугало, что он не слышал Лоэзию. Только служанку.

А Лоэзия просто не могла говорить.

Когда экипаж подбросило, Лоэзия лишь коротко вскрикнула и закрыла голову руками. От страха спёрло дыхание, и голос просто пропал. А вот служанка, наоборот, закричала. С заднего сиденья их швырнуло вперёд, на стенку стремительно заваливающегося экипажа.

– Мамочки! – опять взвизгнула служанка, а Лоэзия лишь почти беззвучно прохрипела «Мариш».

Разум ещё не успел осознать, что именно произошло, но тело уже почувствовало смертельную опасность. Вот только вместо того, чтобы сражаться за жизнь, оно онемело.

– Под ось верёвками подвяжите! – проорали сверху.

Вниз лезть больше никто не рисковал: остатки моста могли не выдержать.

– Да она почти отломилась, ось ваша! – сквозь зубы процедил Юдриш.

Они с Маришем подбирались к карете с разных сторон. Опустившись вровень с дверцами, мужчины увидели в окошки друг друга и одновременно осторожно отворили дверцы. Совсем немного, чтобы можно было сразу отстраниться, если экипаж начнёт падать. Девушки лежали на передней стенке и встретили их перепуганными взглядами.

– Не шевелиться! – прорычал Юдриш.

Вторя ему, затрещала балка.

– Сейчас одновременно начинаете пробираться к выходу. Лоэзия, ты к Маришу, а ты, милая, ко мне. Одновременно. Не торопясь. Пробираетесь. Крепко-крепко обнимаете нас за шеи и больше ничего не делаете.

Заплаканная служанка кивнула и двинулась к Юдришу.

– Стой!

Девушка замерла.

– Лоэзия, двигайся! – прорычал Мариш.

Та неловко шевельнулась, уцепилась дрожащими пальчиками за оконную раму и потянула к Маришу руку.

Балка хрустнула, полуотворённая дверца больно саданула Мариша по руке, и экипаж ухнул вниз.

Время словно замедлилось. Мариш, чувствуя, как его душит ужас, смотрел на отдаляющуюся Лоэзию, видел, как взмётываются вверх её волосы и... опадают.

Вдох. Выдох.

Время не замедлилось.

Но карета не падала.

Корпус её дрогнул и резко дёрнулся вверх. Девушки ахнули, откидываясь назад, мимо лиц побелевших мужчин проскользнули сперва окна, потом передние колёса и, наконец, оглобли. Карета поднялась, развернулась колёсами вниз и исчезла за кромкой берега. Мужчины, не задумываясь над тем, что произошло, торопливо полезли наверх.

Оборотни Мариша многое повидали на своём веку, могли похвастаться различными чудесностями, но вот летающая карета заставила обомлеть и их.

Экипаж коснулся колёсами земли, качнулся, немного просел на левое заднее колесо, но устоял. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем почти одновременно распахнулась дверь экипажа и из ниоткуда появился высокий мужчина с капюшоном на голове. Склонившись внутрь, он вынырнул обратно, держа на вытянутых руках дрожащую Лоэзию.

Девушка была вне себя от пережитого страха. Её колотила дрожь, а горло сдавливал спазм. Она попыталась произнести «господин тёмный», но вырвалось лишь:

–...один ...ный...

Карие глаза были совершенно спокойны. Лоэзия смотрела в них и чувствовала, как тело отпускает онемение и дрожь сильнее овладевает ею. В горле что-то булькнуло, в носу хлюпнуло, и взор помутнел.

– Мне не нравится твой вид, – совершенно серьёзно прохрипел тёмный.

Серые губы, синяк на подбородке, трясущееся тело и побелевшие ногти, обычно розовые, как пластинки нежнейшего кварца. И слёзы. По щекам девочки потекла влага.

Ёрдел прижал её к своей груди и перехватил поудобнее, одной рукой под ягодицами. А второй начал неспешно гладить девочку по спине. Кающийся, пока не умер, часто его так гладил.

Неожиданно девочка дёрнулась и захрипела от ужаса. Ёрдел проследил за её взглядом и увидел в реке лошадь, отчаянно сражавшуюся за свою жизнь. Тонкие пальцы судорожно

вцепились в его плечи, девочку заколотило, и он неожиданно вспомнил, что и его когда-то так колотило. После снов, в которых он видел некоторые моменты своего прошлого.

– Господин... господин... пожалуйста...

Лоэзия неожиданно прижалась мокрой щекой к окаменевшей половине лица мужчины, и её горячий шёпот обжёг ухо.

– Пожалуйста, господин...

Похолодевшие губы коснулись его щеки, потом скулы и накрыли левый глаз. А затем девочка опять крепко-крепко прижалась щекой к его лицу. Мокро и горячо было только щеке, но Ёрдел почему-то почувствовал себя так, словно он весь мокрый и весь горит.

– Хорошо. Не плачь.

И он потянулся силами к тонущей лошади и карете.

Как это обычно бывало, вода немного мешала. Работать рядом с ней всегда было не очень удобно. Но экипаж вынырнул вместе с обеими лошадьми и поплыл по воздуху к берегу.

Всё то, время, что карета летела, царила благоговейная тишина. Не нарушилась она, и когда экипаж завис над землёй. У него были сломаны оба задних колеса, пробиты днище и крыша – лёд был безжалостен – и с него ручьями стекала вода. Поставить его не удалось, только положить набок. Ошалевшая лошадь тут же попыталась вскочить на ноги, едва не перевернула карету, и двое мужчин, опомнившись, бросились её отстёгивать и успокаивать. Шкура бедного животного пестрела кровавыми порезами, оставленными острыми льдинами, боль и страх туманили разум зверя, и спасители едва не получили копытами в лоб.

К поломанной карете поспешили возница и дородный господин экипажа, что остановился на пригорке.

– Здесь женщина и ребёнок! Помогите!

Ещё один оборотень поспешил на помощь, но остальные не сдвинулись с места, продолжая напряжённо смотреть на тёмного, в руках которого силилась сдержатъ рыдания госпожа.

Ёрдел, чувствуя, как скручивается тело в его руках, решил, что слёзы – это не плохо.

– Плачь.

И Лоэзия бурно разрыдалась.

Мариш и Юдриш стояли у самого моста и просто смотрели на тёмного, который медленно гладил девочку по спине. От лопаток до пояса. И опять, от лопаток до пояса. Чётко. Размеренно. Спокойно. Лоэзия судорожно всхлипнула, вздохнула глубоко-глубоко, и Ёрдел, помедлив, положил ладонь ей на затылок и провёл до самых ягодич.

Плачущей служанке помогли выбраться, а из нутра покорёженного экипажа достали сперва маленькую девочку, по спине которой расплывалось пятно крови, а следом очень медленно и осторожно вытащили женщину. Юдриш мельком взглянул на неё, отметил висящую плетью руку, осколок стекла, сверкающий между рёбер и, самое страшное, покрасневшие от крови рыжие волосы.

– Вокруг малышки так и обвилась, – побелевший дородный господин отёр лоб дрожащей рукой. – Всю собой закрыла...

Мариш не слушал. Он смотрел на свою драгоценную девочку, которая тонкими руками обнимала невозмутимого тёмного и рыдала на его плече. Внутри не было ни страха за Лоэзию, ни злости. Ни желания убить. Шевелился только страх иного рода.

Ранее ему не доводилось так долго смотреть в глаза этому тёмному. И сейчас он видел совершенно спокойный взгляд, без злобы, насмешки, укора... Никаких эмоций, только спокойствие.

– Очень, – хриплый голос царапнул слух, – плохо. Мне не нравится. Ты не умеешь защищать.

Мариш задержал дыхание.

Тёмный был прав.

– В-вы несправедливы, – вдруг вступилась за дворецкого всхлипывающая Лоэзия. – Он защищал меня, хотя мог погибнуть. Он старался... Просто не все так сильны, как в-вы-ы-ы-ы, – она опять разразилась плачем.

Тёмный пристально посмотрел на Мариша, и дворецкому казалось, что тот знает о нём больше наивной Лоэзии.

– Верну, когда всё утихнет, – отрывисто произнёс хаги и, развернувшись, исчез вместе с девушкой.

– Охренеть, – выдохнул Юдриш.

– Нужен лекарь! Есть тут лекарь?

Один из оборотней бросил короткий взгляд на застывшего дворецкого и бросился на зов.

– Эй, Мариш? – осторожно позвал Юдриш. – Ты как?

Мариш смотрел на место, где только что стоял тёмный, и продолжал видеть перед собой спокойные карие глаза.

У этого парня никого и ничего нет. Он ни за что не борется, ничего не хочет и ничего не может потерять. Мариш представил хаги, парящего в полной темноте. Никаких связей, привязанностей, страхов, целей, смыслов, за которые можно было бы ухватиться. Только сам хаги.

Который слишком силён, чтобы к нему можно было так просто прикоснуться.

Этот противник не чета тому же хайнесу.

Он действительно может забрать Лоэзию.

– Мариш? – опять позвал Юдриш.

Друг повернул голову и совершенно спокойно взглянул в ответ.

– Возвращаемся в город. Нужно разобраться с этой дерьмовой суетой.

Взгляд его упал на женщину, и дворецкий нахмурился.

– Что тут?

Они с Юдришем подошли ближе.

– Боги-основатели, – поражённо выдохнул Юдриш, – да это же...

Мариш скрипнул зубами.

Хайнеси и маленькая хайрени.

У кого же такие длинные руки?

– Выживут? – коротко спросил он у лекаря, и тот поморщился.

– Ребёнка попробую спасти.

– А женщина?

– У ребёнка больше шансов, – уклончиво отозвался тот. – Значительно больше. Там, – он кивнул на хайнеси, – весь затылок раскрыт. Лучше попытаться спасти то, что можно спасти.

– Ещё лекари есть? – строго спросил дворецкий.

Возница дородного господина помялся, но всё же сказал:

– Учился когда-то, да недоучился...

– Займись.

– Что вы, господин! Я же ничего и...

– Живее, – от тона дворецкого мороз прошёл по коже. – Делай что можешь. Ты, – Мариш посмотрел на одного из подчинённых, – дуй в город за лекарями. Остальные остаются здесь. Возьмёте экипаж, – он кивнул на карету дородного господина, но тот и не подумал возмущаться. – Привезёте бабу и ребёнка в город. К Шереху Вотому, – и, посмотрев исподлобья, добавил: – Семьями за них отвечаете, поняли?

– В экипаже их нормально не разложить, – не отвлекаясь, отозвался лекарь.

Оборотни, которым поручили присмотр за хайнеси и её дочь, почему-то перевели взгляды на телегу, и её хозяин нервно икнул.

– Да у меня кобыла бесаявая, мужики.

– Лошадей полно. Вон ещё парочка.

Юдриш указал на противоположный берег, куда как раз вместе с лошадьми выбрался их собственный возница.

– Смекалистый парень. Надо запомнить его, а, Мариш? Эй, куда без меня?!

Успевший вскочить в седло Мариш подстегнул коня.

Ёрдел бодро шагал по истоптанной и заезженной дороге в обратном направлении. Лоэзия уже не плакала, только судорожно вздыхала и печально смотрела на проплывающие внизу зелёные листики.

– Куда мы идём? – наконец спросила она.

– В город.

Помолчав, девушка вздохнула.

– Мариш расстроится. Господин, верните меня, – голос девочки звучал устало и немного равнодушно. Наплакавшись, она утомилась, и теперь ей хотелось спать.

– Верну. Когда... – Ёрдел помедлил, осознав, что очень давно не произносил вслух чьи-то имена. – Когда Мариш разберётся с делами.

Лоэзия положила голову ему на плечо и опять тихо вздохнула.

– До города далеко. Я тяжелая. Вы устанете.

– Я не устаю.

Её и за ночь нельзя считать.

– Вы такой странный, – горячие губы прижались к его уху, и Ёрдел растерянно заморгал. – Я не понимаю, почему вы заботитесь обо мне, но я так рада, что вы сегодня пришли. Спасибо вам, господин.

«Спасибо...»

Тепло растеклось по шее к ключице и запульсировало.

Позади раздался топот копыт, и спустя минуту мимо пронеслись Мариш и Юдриш.

– Ну вот, мы ещё и позже всех до города доберёмся, – впрочем, Лоэзия совсем не расстроилась. Её это даже повеселило.

– Спи.

Девушка покорно закрыла глаза.

Ёрдел уже успел выйти за пределы леса и найти ориентир (стены города), когда девочка сонно пробормотала:

– И как вы так быстро рядом оказались? Или вы всегда рядом были? Всё-таки вы такой хороший, господин. Но совсем странный...

Ёрдел прислушался к ровному дыханию, говорящему, что девочка всё-таки уснула, и почему-то ответил:

– Я доехал на телеге, – и, подумав, добавил: – Плохо бегаю. Совсем плохо.

Глава 9. Встреча с хайреном

Иерхарид почти не изменился внешне. Только появились новые тревожные морщинки в уголках глаз и складка на лбу стала чуточку глубже. Здоровый красивый оборотень в самом расцвете сил. Почти здоровый. Голову ему всё-таки разбили, но так. Рассадили кожу, и только.

Глядя на него, Деший куда острее осознавал и собственное быстрое увядание, и слабость тела, и хрупкое здоровье. И чья, чья это вина? Взгляд невольно опять перешёл на огромную тварь, которая продолжала смотреть на пленника. Неужели узнала знакомое лицо?

– Вряд ли мне стоит представляться, – Деший мягко улыбнулся Иерхариду, – и заставлять Сильнейшего напрягать память. Наша встреча в прошлом была так кратка, что едва ли оставила в нём след.

– Я готов познакомиться ещё раз. Память у меня действительно не самая лучшая, – с покаянной улыбкой согласился хайнес. – Уж простите моё любопытство, но так хочется узнать, кому же удалось склонить к предательству моего главного мага, стражу... и, возможно, кого-то ещё. Это... не так просто. Я искренне поражён. Кстати, как там Рийван? А то я малость разгневался и...

А вот выдержка у него стала куда лучше за эти века.

– О, о нём позаботятся, не переживайте. Думаю, он не держит на вас зла.

Агорий, замерший в дверях зверинца, подумал, что если бы не решётка, то можно было бы посчитать, что господин и хайнес встретились обсудить некие приятные вопросы.

– Но я же не ошибаюсь, предполагая, что вижу перед собой предводителя тех, кто пытался ограбить дворцовую сокровищницу и убил беднягу Олеша, устроил такое представление в школе и является причиной волнений в городе? Может, как считает уважаемый харен Ранхаш, вы были и в Санаришской сокровищнице? И зачем мы встретились? – натянув рукав на ладонь, Иерхарид приложил ткань к рассаженному затылку и вопросительно вскинул брови.

– Ох, вы пытаетесь меня расстроить, перечисляя только наши неудачи, – мягко пожурил Деший. – Я всего лишь робкий голос, выбранный отразить волю остальных. Но... не вам. Здесь я, чтобы просто поприветствовать вас, оказать гостеприимство... посмотреть на вас.

– Только посмотреть? – Иерхарид приподнял уголки губ. – Вы... пригласили меня в гости, только чтобы посмотреть? Развили бурную деятельность, но хотите убедить меня, что вам ничего не нужно?

– Не нужно. Да и пришёл я только убедиться, что парни не перестарались. Время близится к ночи. Отдыхайте.

Деший поднялся и со сладким трепетом удовлетворения заметил, как дёрнулся Иерхарид.

– Постой, – попытался остановить его хайнес. – Давай поговорим. Я уверен, тебе есть что сказать и что потребовать.

Ничего не ответив, Деший покинул зверинец.

– Потребовать! – презрительно сплюнул Агорий. – Мы сами возьмём что нужно. А он лишь пешка!

Ему доставляло особое удовольствие представлять самого хайнеса в такой непритязательной роли.

– Ну-ну, Агорий, – укоризненно прицокнул Деший. – Хайнес – фигура ценная, хоть и не самая сильная. Что с ребёнком?

– Едут, – бодро отрапортовал Агорий: хоть что-то идёт по плану. – С мамашей и девчонкой уже должны были разобраться. Ребята пока не вернулись, но какие там проблемы могут стать?

Деший слегка нахмурился. Не любил он отсутствия новостей.

– А хайрен?

– Не нашли пока сукина сына. Но, мож, и боги с ним?

Деший отрицательно мотнул головой. Для осуществления плана не столь важно, жив хайрен или мёртв. Но вот в будущем он может сильно помешать. Нет-нет-нет, он им точно не нужен!

Им нужен только второй наследник – маленький, ещё неразумный птенец.

Только сам птенчик.

– Проследи, чтобы в зверинец никто не входил. Не хватало ещё, чтобы хайнес умер раньше времени.

– Я поставил на ворота самых надёжных, не думайте переживать.

– Не думать? – Деший через плечо посмотрел на Агория, и тот смутился.

– Я не подведу.

Тень господина задумчиво, словно бы недоверчиво шевельнулась.

Всё-таки огромный подземный город не был творением рук смертных. Ранхаш нашёл плотину, которая перекрыла русло подземной реки и отвела её в сторону. Он подозревал, что протекает она теперь под каналом, в котором он уже успел искупаться.

Огромную пещеру с её столбами-опорами вымыли воды. Возможно, ранее здесь лежало подземное озеро, студёное и тёмное. Кто, когда и как перекрыл реку – вопросы, которые Ранхаша мало волновали. Больше его занимало, где достать ещё взрывного порошка, чтобы освободить реку. Закладок у него осталось мало.

Один хороший взрыв, и гнездо смыто. Разве не здорово? Подогретое вином раздражение заявило, что недостаточно здорово.

Оборотень задумчиво посмотрел на желтеющее огнями поселение. Интуиция перестала кочевряжиться и подсказала, что да, взрывной порошок там точно имеется.

Мастер несколько раз менял дорогу, по каким-то едва уловимым звукам угадывая приближение толпы, и в итоге они не только не приблизились к западным воротам, а вообще сильно забрали к северу. Лирка не роптала, только крепче сжимала палку, подобранную на улицах города.

Темнело. Сильно пахло гарью. Девушке казалось, что громкие голоса гудят со всех сторон, но мастер Резвер умудрялся находить пустые улицы.

– К западным воротам уже не пробиться, – с досадой заметил он. – Похоже, перед ними войска встали, вот горожане и прут с ними воевать. Вояки... Выйдем через северные, обойдём и найдём наших.

– А почему вы решили, что они пошли именно к западным?

– Ближайшая застава на западе. Детей поведут туда, под защиту крепостных стен. Эх, вот неладная!

Схватив девушку за шиворот, мастер торопливо затащил её в тёмный лаз между двумя близко стоящими домами и прижал к стене. Дверь дома, украшенная кренделем, с хрустом вылетела на улицу, и с крыльца пекарни скатились двое сцепившихся мужчин. Лирка увидела внутри дома мечущийся свет, кто-то что-то орал, приказывал, донеслось нечто похожее на «Тащи всё!». На драчунов с весёлым уханьем бросили мешок, и в воздух поднялась белая мучная пыль. Гогот разлетелся по улице.

– Эй, склады, угомонились! Цацуля моя!

На пороге появился верзила с пышной кудрявой бородой льняного цвета. Помахав над головой серебряным подносом, мужик запихнул его в мешок под откровенно ненавидящими взглядами драчунов.

– Рах, какого хрена!

С их места видно не было, но Лирка предположила, что говоривший стоял на другом конце улицы.

– Вас за этим посылали?! Или вы решили, что наследничек у пекаря отсиживается и булки жрёт?! За дело, ослы! Живо!

Верзила скривился, но покорно спустился с крылечка и осмотрелся, выбирая путь.

Мастер Резвер недовольно нахмурился.

– Что они ищут? Они здесь везде.

– Какого-то наследника, – прошептала Лирка в шею преподавателю.

– Ох...

Мастер и ученица одновременно вскинули головы и увидели высунувшегося по пояс из окна и потрясённо глазающего на них мужика. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

– Ра-а-ах-х-х! Тут какой-то белобрысый!

– Где?!

Схватив Лирку за руку, Резвер, даже не пытаясь скрыться, бросился прочь. Прямо мимо булочной. Погромщики в первые секунды обомлели от такой наглости, а затем с воплями метнулись следом.

– Держи! Держи!

Обернувшись, мастер помянул тёмных. Невидимый собеседник Раха стоял на другом конце улицы не в одиночестве. Точнее, он... они уже не стояли, и шесть крепких мужиков неслись за ними. Резвер нырнул в переулок, свернул и протиснулся между двумя домами, пересёк улицу и, остановившись у высокой каменной ограды, сложил руки замком.

– Давай. Встретимся на другой стороне сада.

Спорить Лирка не стала и, наступив на руки мастера, в один миг оказалась на вершине ограды. И с хрустом приземлилась в колкие кусты малины.

– Вот он, белобрысый!

Девушка вскочила и, пригнувшись, припустила через сад. Перебравшись через ограду, она несколько секунд беспокойно помялась на месте, потом запоздало сообразила, что мастер, вероятнее всего, решил подраться, но без неё, и разъярённо раздула ноздри. Фу-у-у!!! Слишком много запахов! Боги, как же в городе воняет!

– Ага!

Над оградой показалась рыжая кудлатая голова, и Лирка не раздумывая огрела её палкой.

– Сука...

Девушка безжалостно ударила по пальцам, вцепившимся в камень, и ткнула концом деревяшки в нос плешивого брюнета. Но пришлось всё же отступить: над оградой взлетела скамья, а под её прикрытием проскочили и преследователи.

– Шпиндюшка, – разочарованно плюнул рыжий.

– Берём! Беленький с ней был. Глядишь, притащится. Ну, девка, не кипишуй.

– А дёрнися – по сее тик! – шепелявивший плешивый провёл пальцем по горлу.

– Деревяшку откинь!

Лирка внимательно осмотрела пропитые лица оборотней, отбросила палку и положила ладони на спинку скамьи.

– Вот и умни...

Ударом скамьи Лирка сшибла рыжего наземь, прошла по нему для порядка ножками, как копьём, ткнула плюгавого торцом садовой мебели в грудь, а зашвырнула её в сторону третьего. Тот увернулся, но скамья ударила о стену с такой силой, что его всё же слегка зашибло обломками. Лирке его секундного замешательства хватило, чтобы нырнуть в переулок.

– Лови!

Бандит бросился за ней и, нагнав в три скачка, сбил с ног. Перевернувшись, Лирка пнула его в колено, откатилась, уворачиваясь от ответного пинка в бок, и вскочила на ноги. Позади была стена, впереди – хрустящий пальцами бандит. Лирка стиснула зубы и, сжав кулаки, приготовилась драться.

Тихой тенью в тупик скользнул ещё один высокий мужчина. Пальцы пришедшего сомкнулись на затылке бандита, и тень, с невероятной силой развернув оборотня, впечатала его лицом в стену. Брызнула кровь, и мужчина нелепо задёргался. Бросив бьющееся в агонии тело, незнакомец брезгливо отряхнул руку и повернулся к застывшей девушке.

– О, кто тут у нас? – промурлыкал смутно знакомый голос. – Подруга госпожи Майяри? И что же ты делаешь одна в городе?

Перешагнув через бандита, мужчина подался к девушке и, отодвинув рваный край капюшона на лоб, ослепительно улыбнулся. Из-под белых ресниц на Лирку насмешливо посмотрели насыщенно-жёлтые глаза.

– Кучерявый птенчик заблудился?

Кулак сам с силой впечатался в солнечное сплетение хайрена. Улыбка тут же исчезла, и согнувшийся мужчина полузадушено просипел:

– Вашу ж мать, госпожа...

– Лирка?! – в проулок заглянул запыхавшийся мастер Резвер и удивлённо вскинул брови. – Риш? Ты?

Глава 10. Господин города

Лирке казалось, что её тело одеревенело. Каждая мышца ныла от напряжения, связки чуть ли не хрустели, а лёгкие едва шевелились. Она никогда, никогда в своей жизни не оказывалась в таком ужасном положении: к спине прижимались крепкая мускулистая грудь и живот, её крест-накрест обнимали чужие руки, а в ухо насмешливо дышали. Мужская ладонь ласково погладила её по боку и поползла вниз.

– Риш, руки переломаю, – мастер Резвер через плечо строго посмотрел на хайрена и опять настороженно принялся и завертелся, высматривая и выслушивая преследователей.

– Учитель, она такая напряжённая, что я чувствую себя так, словно парнишку обнимаю, – насмешливо протянул Узээриш.

– Ты сейчас меня обнимешь. Не ставь девочку в неловкое положение.

Заступничество мастера заставило Лирку всё же остаться на месте.

Узээриш поудобнее уместил задницу на низенькой каменной оградке и, притянув девушку к себе сильнее, ещё и зажал её между бёдер, а правой ногой и вообще обвил её колени, словно чувствуя, что она уже готова сбежать. Ну или просто издевался. Лирка терпела только потому, что о помощи её попросил сам мастер, к которому она успела проникнуться доверием и уважением.

Но ни доверие, ни уважение к мастеру не выдерживали столкновения с реальностью.

Лирка никогда ни одному мужчине не позволяла обнимать себя так. Все наглецы были безжалостно отважены. Она прекрасно знала, какие опасности подстерегали одинокую девушку в большом мире. Да и в небольшом тоже. Но мастер просил её помочь и постоять рядом с наследником, чтобы хотя бы немного перекрыть его запах. Девушка смутилась – неужто она так сильно пахнет? – но послушно встала рядом с хайреном. К тому, что тот утянет её в объятия, а мастер Резвер с досадой подтвердит, что да, так и надо, Лирка не была готова.

Очень хотелось вырваться. Вырваться, ударить наглеца, но останавливало уважение к мастеру и высокий статус собственно наглеца. Правильно он Майяри не нравится. Беспутный!

– Одежду получше найти не мог? – мастер неодобрительно посмотрел на Узээриша.

Выглядел тот потрёпанно, вещички не по размеру, да и не первой свежести. Рукава у плаща и рубахи слишком коротки, на животе зияла дыра, штаны едва ли не трещали на бёдрах, а у левого сапога отваливалась подмётка.

– Учитель, вы же знаете, как тяжело найти мужчине с такими прекрасным телосложением что-то подходящее среди готового платья. Я ж в одних перьях сбежал, не голышом же ходить? Мне вроде как скрыться надо, а не прославиться на весь город...

Хайрен прижался щекой прямо к шраму Лирки, и её лицо налилось малиновым жаром.

– Риш, – грозно протянул мастер.

– Я греюсь. Вот, смотрите, – он повернул голову и подул в девичье ушко. – Ух как погрелась! И мне сразу теплее стало.

– Я тебя сейчас ремнём погрею, – мастер тяжело вздохнул. – Что делать собираешься?

Лирка наострила уши. После встречи в тупичке, где хайрен убил одного из бандитов, они с учителем коротко о чём-то пошептались, мастер Резвер помрачнел, и только потом они все поспешили убраться. Девушка скосила глаза на невероятно белое лицо хайрена. Наследник продолжал улыбаться, но ей показалось, что улыбка его стала натянутой, да и руки напряглись.

– Разбираться, пока отца нет.

Помолчав, мастер осторожно спросил:

– Думаешь, с ним всё в порядке?

– Он был нужен живым.

– Ну...

– Всё в порядке, – улыбка наследника стала ещё более неестественной. – Я разберусь с мятежом, а отца уже ищут мои подчинённые.

– Справишься?

– Смеёшься? – хайрен насмешливо приподнял брови. – Меня к этому всю жизнь готовили. Ах, всё же какой прелестный воробушек, – бесстыже розовый язык прошёлся по бело-снежным зубам и из-под снежных ресниц на Лирку глянули насыщенно-жёлтые глаза. Озноб пробежался по коже, и Лирка, широко раскрыв веки, невидяще уставилась перед собой.

Почему он заигрывает с ней? Ладони вспотели от переживаний. С ней, с деревенской девочкой без имени-рода и с изуродованным лицом. Очень хотелось ударить его, но это же наследник Салеи, хайрен. Она и так уже целых два раза ударила его совершенно ни за что. О! Облегчение мурашками рассыпалось по спине. Он просто мстит ей за те несправедливые побои.

Терпеть сразу стало проще. Ну как-никак наказание...

– Запах такой необычный... терпкий, горький, чуточку сладкий, – горячие губы примяли кудри на её затылке. – Словно дым можжевельных веток, прижжённая солнцем горечь полыни и... – хайрен помедлил, подбирая сравнение, – влажный аромат лесных цветов, покрытых утренней росой.

Растерянно моргнув, Лирка почувствовала себя донельзя озадаченной. Можно было просто сказать, что пахнет она дымом, полыню и цветами. Зачем столько слов? Но воображение живо откликнулось на витиеватые слова, и Лирка словно воочию увидела костерок, пляшущий на лесной полянке.

– Свободой пахнешь, – в затылок с наслаждением задышали. – Но есть какая-то мужская нотка...

– Мной, наверное, пахнет, – не оборачиваясь, предположил мастер Резвер, и здесь уже малость озадачился Узээриш. Он даже на всякий случай опустил ладонь, почти подобравшуюся к груди девушки, пониже.

Лирка тоже было принялась к хайрену, но стоило вдохнуть глубже, и рёбра сильнее вдавливались в ладонь наследника. Боги с ним, с запахом.

– Какая-то ты холодная птичка, – с досадой пожаловался Узээриш, наваливаясь на её плечи.

Лирка отстранённо подумала, что мастер Резвер тяжелее, хоть и ниже ростом. Чувства были в смятении, и всё, что девушка хотела, – это поскорее вырваться из объятий хайрена. Мысленно обратившись к зверю, Лирка постаралась понять, что думает о наследнике медведица. Опасный ли? Может, пора уже бить? Та лениво заворочалась и презрительно фыркнула, отдавая свою разумную суетливую половину непоколебимой уверенностью, что этот щеголеватый вертопрах им на один укус.

– На запад, – решил мастер. – Ты с нами?

– Пройду пару кварталов, – Узээриш не очень охотно отпустил Лирку и встал. – Надо оторваться от этих и подловить удачный момент... – он умолк и прищурился.

– В городе-то сейчас опасно...

– Это мой город, – голос хайрена прозвучал неожиданно жёстко, – и я здесь хозяин.

– Ну как скажешь, – пожал плечами мастер.

Узээриш обошёл Лирку и, присев перед ней на корточки, с проказливой улыбкой посмотрел на неё снизу. Та непонимающе моргнула.

– Забирайся, – мужчина похлопал себя по плечу. – Или тебя на руках понести?

– Зачем?

– Мне всё ещё нужно прикрытие.

Вздыхнув, мастер взглядом велел Лирке забираться на спину второго после хайнеса оборотня в Салее. Та, едва сдержав тяжёлый вздох, упёрлась основаниями ладоней в широкие

плечи и осторожно опустилась. Оборотень тут же подхватил её под коленки и резко встал. Ладони соскользнули, и Лирка с силой ударилась подбородком о затылок мужчины.

– Так, давай ты сразу нормально устроишься, – несколько раздражённо прошипел хайрен, и девушка всё же обняла его за плечи. – Давно бы так. Будешь потом рассказывать, как каталась, – по его губам скользнула скабрёзная улыбка, – на самом хайрене.

– Ты сейчас договоришься, и на тебе покатаюсь я, – осадил его мастер, – и буду всем об этом рассказывать.

Лирка заподозрила, что чего-то не поняла в словах хайрена.

– Будь вообще благодарен за помощь, – мастер недовольно посмотрел на бывшего ученика.

– Да я тут один за двоих стараюсь. Какая-то она холодноватая.

– У взволнованного близостью женщины мужчины запах немного меняется, – объяснил для Лирки мастер Резвер, и выглядел он при этом несколько смущённым.

– И у женщины вообще-то тоже.

Тогда что не так? Она-то как раз очень волнуется, вся истерзалась.

Через пару кварталов наследник действительно опустил её на землю и, натянув на голову капюшон, помахал им ручкой.

– Ну, побежал я осматривать свои владения!

– Осторожнее там.

На Лирку между лохмами белых волос весело глянул жёлтый глаз.

– До встречи, подружка Майяри.

– Удачи, господин, – спокойно отозвалась девушка и проводила взглядом высокую фигуру.

Обоняния коснулся запах талой воды, и Лирка с запозданием поняла, что так и не разобрала, чем пахнет наследник. Да и важно ли?

– Поторопимся, – подогнал её мастер. – Ты уж прости, но его выслеживали...

– Так было нужно, – стоило хайрену скрыться, и Лирка обрела привычную невозмутимость.

– Кобель он, не обращай внимания. Не слушай, что говорит. Говорит он красиво, прям чарует голосом. Мастер в этом.

– А я могу с ним ещё раз встретиться? – забеспокоилась девушка.

– Это уже одним богам известно.

– А что мне делать, если одна с ним буду? Он же хайрен, а я... ну... вдруг он...

Резвер посмотрел на раскрасневшуюся девушку.

– Позволит лишнее – бей. Не жалей.

– Я сильно бью...

– Ничего, он крепкий! – но, припомнив соревнования, мастер всё же добавил: – Яйца только пожалей. Наследника-то он ещё не нажил. И по гол...

Резко умолкнув, мужчина отпихнул Лирку за свою спину и уставился на длинную в сумерках тень дома. Она вдруг шевельнулась, вспухла бугром, и из её чёрного полотна высунулась полупрозрачная белёсо-дымчатая лапа. Следом за лапой выглянула кошачья голова, а потом резко, одним рывком, показалось всё тело. На мостовую перед замершим мастером и девушкой выскочил большой, с полугодовалого жеребёнка размером, призрачный кот.

Лирка похолодела. О призрачных котах она только слышала. Демоны-оборотни, довольно малочисленные, но обросли такими легендами, что их рассказывали даже в той глухой деревушке, где она родилась. Способные прятаться в тенях и перемещаться по ним, они были очень опасными противниками. Особенно вот в такую сумеречную пору.

Но, к удивлению девушки, мастер Резвер почему-то расслабился и даже улыбнулся. Взгляд его переместился на крышу, где во весь рост встал некто в чёрном и подал кому-то знак.

– Я смотрю, тебя ищут с котами и тенями, – преподаватель насмешливо посмотрел на растерянную ученицу.

– Мастер, это же призрачный кот!

Брови оборотня удивлённо приподнялись.

– Ты не знаешь? Это же Лирой, один из твоих друзей-бандитов.

Лирка поражённо уставилась на кота, и тот, ощерившись, яростно на неё зашипел. Хвост разъярённо хлестнул воздух, голубые глаза стали почти бесцветными, и мастер примиряюще выставил руки вперёд.

– Тише, парень. О, вот и остальные.

Из-за угла выбежал Мадиш, следом за ним выскочили высокий золотоволосый парень, которого Лирка видела лишь однажды, Эдар и ещё пара смутно знакомых мужчин. Мадиш не стал орать, но зашипел так, что его голос прошелестел по всей улице:

– Убью идиотку!

Мастер Резвер весело подмигнул Лирке, и та вдруг ощутила, как в груди разливается тепло.

Глава 11. Да здравствует хайнес!

Толпы возмущённых стекались на главную торговую площадь Жаанидыя. Она бурлила так, как этого не бывало в самые рыночные дни, когда после сбора урожая со всех окрестностей, а порой и из дальних мест Салеи и других стран, сюда стекались торговцы. Вместе с мужчинами шли и женщины, и дети, которых негде было оставить. Воздух звенел от возмущённых криков, испуганного детского плача и причитаний. Но ближе к центру площади, у фонтана в виде огромного каменного бутона, окружённого широкими листьями, в которых ни один самый именитый травовед не мог признать известного растения, было потише.

В окружении слушателей стоял высокий оборотень, на широченные плечи которого опускалась грива волнистых чёрных волос. Говорил он неспешно, вдумчиво, чем производил впечатление мужчины знающего и к пустой суете не склонного.

– Хайнес до сих пор носа не кажет, – тяжело ронял он слова. – По городу идут погромы, а войска с мирными жителями схлёстываются. Подождём ещё немного, пусть народ подтянется, и пойдём к дворцу.

– Неужто свергать будем?

– Язык прикуси, – мрачно посоветовал предводитель. – Дело это не решит. Этого свергнем, кто потом на его место станет? Консервы между собой передерутся за трон, а больше всего мы пострадаем. Нет, к порядку его надо призвать. А свержение... – он нахмурился, – это уж на крайний случай.

– Так пусть сам уходит! – крикнул кто-то. – Добровольно вынудим отречься. Да в пользу тех же Вотых! У этих ни одна шваль не забалуется.

– Цыц! – рявкнул предводитель.

– А чё сразу Вотых?! – завопил кто-то из толпы. – Ашхьи ничуть не хуже!

– Да по твоим Ашхьям топор плачет!

– А ну умолкли все! Сейчас дойдём до дворца и будем решать! А пока головы-то не горячите!

– А чего не горячить-то? У меня всю лавку разграбили! Мне семью теперь на что кормить?

– У-у-у, разграбили! У меня вообще всё пожгли, даже жить негде!

Раздался надрывный женский плач: кое-кто потерял ещё больше.

– Да сбежала уже правящая семейка давно! Все в городе об этом говорят! Только зря к дворцу проходим.

– Не мог он так просто улепетнуть, – не сдавался предводитель. – После прежнего хайнеса в городе чуть ли не каждый день смута начиналась. Нынешний ни разу не уехал, всегда к народу выходил.

– А сейчас где он? Нет! Сейчас-то жопа поглыбже будет, вот и струхнул!

– Да! Ни его самого, ни его приспешников не видать! Все попрятались!

– Куда прёшь, остолоп! – заорала какая-то баба в толпе.

– Простите, почтенная, но меня там очень ждут!

– Там сурьёзные разговоры ведутся! Тебя куда несёт?!

– Поверьте, дорогая, меня очень-очень ждут! Ох, простите, уважаемый... позвольте пройти... немного потеснитесь... ох, вы так добры!

Через толпу к центру площади протиснулся высокий мужчина в рваном плаще. Раскинув руки, он шагнул к оторопевшему предводителю, а затем, спохватившись, сбросил с головы капюшон. Лунный свет отразился от белых волос и зажгёт огоньки в жёлтых глазах.

– Я вас обыскался, – с широкой улыбкой заявил хайрен. – Весь город прочесал, ища место, где вы решили собраться. Вы уж хоть бы оповещали, а то и не найти вас.

– Да это ж хайрен! – узнал его кто-то.

– Где? Этот?

– Врёшь!

– Да быть не может...

Узээриш покрутился на месте, показывая всего себя, и толпа взорвалась паническим шумом.

– Нас войска окружили! Во скляды! Как просмотрели?!

– Бежим!

– Дави его, ребята!

Толпа, раздираемая противоречивыми желаниями, схлестнулась сама с собой.

– А ну успокойтесь!!! – заорал предводитель, а хайрен тем временем вскочил на каменный бутон фонтана и закричал:

– Я с миром пришёл, без военных! Вы же поговорить со мной хотели, разве нет?

– Да-таки сунется сам хайрен к нам без охраны!!!

– Ну охрана где-то есть, – наследник виновато развёл руками. – Совсем уж один без приказа хайнеса я ходить не могу. Но вы ж меня порвёте раньше, чем они вмешаются.

– Братцы, нет войсков! Пусты улицы!

– Бей его!

Толпа поддержала последний крик одобрительным шумом, но в сторону хайрена никто не колыхнулся. Всё же одно дело требовать от хайнеса ответа и совсем другое – бить его сына. Хоть саму толпу в целом и раздирали ярость, но каждого его члена ещё мучили робость и страх перед властью имеющими.

– Тихо! Никто никого бить не будет! – горланит предводитель.

Узээриш спокойно осматривал беснующуюся толпу, словно это не его жизнь была в опасности. Сколько раз он уже стоял перед взбешённым народом? Отец часто посылал его в отдалённые регионы Салеи успокаивать волнения. Он множество раз видел перед собой лишённую разума толпу, с которой, казалось бы, невозможно договориться. Которая не желает что-то слушать.

Самое сложное – привлечь её внимание.

Заставить слушать.

Поймать и воспользоваться моментом, чтобы открыть для своих слов сотни ушей.

Невольно припомнилось, что это не всегда удавалось. И он даже бывал бит.

– Говорить?! – пронзительно завизжала растрёпанная заплаканная женщина, выскакивая вперёд. – Говорить с ним?!! Да они ублюдки, не способные и пальцем пошевелить, чтобы спасти свой народ! Жрут и спят на наши деньги, а кто защитит моих детей?! Кто?!!

– Мама, мамочка, – сзади к ней подбежала перепуганная девочка и обняла её за талию.

– Своего ребёнка он отдавать не захотел, значит, мои детидохнуть должны?! – женщина взвизгнула, когда дочь коснулась её локтя, и едва не отшвырнула собственное дитя. – Когда действительно понадобилась его помощь, где он был?! Где?! Я и должна его простить?! Пусть сдохнет!!!

Никто и опомниться не успел, как наследник спрыгнул на мостовую и, в два прыжка добравшись до женщины, замер напротив неё и выдохнул прямо ей в лицо:

– Отдай своего ребёнка. Отдай. Его убьют. Но вся Салея будет спасена.

Он замер, смотря своими желтющими глазами в широко распахнутые глаза горожанки, зрачок его дрожал и ширился, и бедная женщина почувствовала, как струится холодный пот по спине. Дрожащими руками она вцепилась в худенькие плечи дочери и судорожно прижала её к своему животу. Жутковатый взгляд наследника переместился на испуганное личико девочки.

– Прелестное дитя. Так отдашь? – взгляд его вновь переместился на женщину, и та, зарываясь, с силой толкнула его в грудь.

– Прочь! Катись прочь, скляда! Ничего не отдам! Никого не отдам... Ишь чё удумал! Мою кровь на смерть посылать!!!

Толпа возмущённо зароптала, опасно качнулась на наследника, и на крышах домов в лунном и волчьем свете настороженно зашевелились тени. Но сам Узээриш как ни в чём не бывало повернулся к предводителю и спросил уже у него:

– Так, может, ты отдашь сына? Или, может, племянники есть. Их, наверное, не так жалко.

Лицо оборотня побагровело.

– Насмехаишься, тварь...

– Так что? – Узээриш обратился к толпе. – Никто не хочет отдать своих детишек ради спасения страны? Ну же! Вы спасёте всю Салею, о вас будут говорить как о героях, слава и почёт придёт с вами до конца дней. И... – лицо хайрена исказилось, – каждый будет считать своим долгом выразить искреннее сочувствие вашей утрате. Неужели никто не хочет?

Толпа безмолвствовала, шокированная жестокой насмешкой хайрена. А до кого-то вдруг стало доходить, что, может, наследник и не насмехается, а пытается что-то сказать. Что-то показать.

– Нет героев? – хайрен весело приподнял брови, а потом его лицо вдруг исказилось, и разъярённый рык заставил всех, кто стоял в передних рядах, отшатнуться: – Так что вы от меня требуете?! Чтобы я отдал своего ребёнка на смерть? Позволил прирезать как жертвенного барана и сносил бы потом до конца жизни ваше благоговейное отношение?! Да на кой оно мне, омытое-то кровью брата?

– Ты правитель, значит, должен! – прорычал предводитель, наступая на наследника, но тот и не подумал отступить, и мужчины почти упёрлись друг в друга грудью. – Не хочешь, так сигай прочь! На твоё место желающие найдутся.

Среди людей опять пошёл одобрителный гул.

– Надел ярмо, так тащи! – проорал кто-то.

– Небось денежки страны всеми лапами загребаете!

– Жируете!

– Таки платите!

Словно не слыша грозных криков, не видя подступающих всё ближе людей и оборотней, только один раз дёрнув головой, чтобы уклониться от брошенного камня, Узээриш, усмехаясь одним краешком губ, смотрел на предводителя круглыми совиными зрачками. Тот в ответ глядел по-медвежьи тяжёлым взглядом и сжимал-разжимал пудовые кулачища.

– Кто найдётся? – вкрадчиво переспросил Узээриш.

– Если придётся, то и я, – угрожающе повёл плечами громила.

– Значит, готов всё-таки пожертвовать сынишкой, а? Что такое? – брови наследника вскинулись в наигранном изумлении. – И взгляд переменялся... Правитель же «должен», так? Раз надо сына в жертву отдать, значит, отдашь, верно?

Предводитель мрачно уставился на хайрена, желваки его угрожающе напряглись, но вот во взгляде появилась растерянность.

– Желающих-то занять трон, наверное, много наберётся, да? – хайрен с улыбкой осмотрел толпу и шагнул вперёд. Люди, как волна, наткнувшись на берег, отхлынули назад. – А вот детей в жертву принести не каждый желающий захочет. А те, кто захотят, того вы над собой видеть побрезгуете: ради власти малюток не пожалел. Порезал всех, сволочуга, лишь бы зад свой на месте хайнеса уместить...

– Эй, братцы, а давайте я займу! – закричал кто-то из толпы. – Резать мне некого, потребовать с меня нечего...

На него раздражённо зарычали соседи. Глухое роптание, неуверенное и немного испуганное, зашевелилось тяжёлыми волнами.

– Нечего слушать его! – заорал чернобородый оборотень из толпы. – Давит тут на жалость, мол, своих деток щадите, так и моих пощадите! Наши дети не его дети, и его не наши! Заняли трон, так берегите народ. Где была правящая семья, когда в школе наши робята задыхались? Где?!

– А право, где же они были? – хайрен, изогнув шею, выискал крикуна и вопросительно посмотрел на него. – Вы, похоже, лучше знаете...

– Да знамо где! – не стушевался тот. – Из города как крысы бёгли!

– Все убежали-то? – насмешливо поинтересовался Узээриш.

– Да вот тока ты, подлюка, и остался!

– А мне показалось, что за спиной твоей мой двоюродный дядюшка стоит... – наследник подслеповато прищурился, и мужик, круто развернувшись, охнул и присел, увидев позади себя высокого небритого мужчину с короткими серебристыми волосами и холодными голубыми глазами. Мужчина досадливо поморщился и неодобрительно посмотрел на племянника: чего творит этот мальчишка?

– Так вот тока такие и остались! – петухом заголосил чернобородый, опасливо посматривая на широкоплечего дядюшку хайрена. Выглядел тот сурово, и вокруг него уже образовалось пустое пространство: толпа, шокированная неожиданным появлением врага в самом сердце своём, растерялась и не поспешила рвать его. – Чтоб справедливое возмущение народа давить!

Осмелев, мужик грудью попёр на дядю наследника и толкнул его. Тот качнулся ему навстречу, но с такой силой, что бородастый полетел наземь. Толпа возмущённо всколыхнулась («Как? Нашего бьют?!»), и обидчик, понимая, что его сейчас могут просто порвать, попытался поймать падающего за грудки. За ворот ухватить не успел, но кончик бороды прихватил, и та под негромкий крик её владельца оторвалась.

Народ, стоящий вокруг, потрясённо умолк. Стоящие за их спинами и не видящие, что произошло, наоборот, зашумели. Одна из женщин испуганно ахнула, склонилась над беднягой, но, увидев вместо истекающих кровью щёк гладко выбритую кожу, разъярилась и всунула кулак между лопаток бывшего бородача.

– Нашёл время красоту наводить, пошлыга²! Едва Охранительнице³ душу не отдала из-за тебя, кривомордого!

Дядя хайрена растерянно повертел бороду в руках и, присев на корточки, аккуратно приклеил её обратно на лицо потрясённого и растерянного мужика. Кто-то рядом басовито хохотнул, но смех потонул в возмущённом шуме.

– Тута судьба страны решается, а он лицо волосьнёй обклеивает!

– О роже ли думать в такое время?

Спины возмущённых закрыли осрамившегося оборотня от взглядов хайрена и предводителя толпы, и те опять посмотрели друг на друга.

– Признаюсь, – тяжело обронил Узээриш, – что даже режь кто всю страну, всех вас, ни брата, ни сестру я бы не отдал. Себя бы убить позволил. А попытайся кто силой отобрать, сдох бы, но не отдал. Потому что моя кровь. Вырезать бы только вместе с сердцем позволил.

Предводитель развёл плечи, разжал кулаки и по-новому посмотрел на хайрена. Откликнулось что-то в душе. Глаз сам скоился на сынишку, скрытого за крепким станом супруги.

По толпе шёпотом разбегались слова хайрена. Лица людей мрачнели, кое-кто растерянно чесал голову, недовольное волнение тихо реяло над площадью, но в нём уже было что-то неуверенное. Вроде как бы и надо досадовать, только вот неправильность какая-то появилась.

² **Пошлыга** – презрительное название щёголей.

³ **Охранительница** – Охранителями, Хранителями в Салее называют богов, создавших ту или иную расу оборотней. Так ещё могут называть отдельных духов, которых семьи выбирают в качестве покровителей.

– Но в беде бы не бросил, – продолжил Узээриш. – Всё бы отдал, кроме семьи, но одних бы не оставил. Я не самый лучший правитель. Я не пожертвую ради народа всем, но я готов вместе с вами спуститься в самую бездну. Если вы хотите говорить, я готов выйти и выслушать. Хотите рвать – рвите, – он раскинул руки. – Охрана и вмешаться не успеет.

– Да на кой он нам нужен, раз он ради нас всего отдать не хочет? – опять заорал кто-то.

– А каким будет правитель, если ничто ему не ценно?

Голос прозвучал тихо, но, казалось, каждый на площади услышал его. Люди расступились-обернулись, и взгляды устремились к фигуре высокого мужчины, облачённого в жреческий плащ бога Ваирака. Из-под капюшона на грудь опускались длинные серебристые волосы и виднелся гладко выбритый подбородок и чётко очерченная складка губ.

– Каким будет правитель, если ему неважна собственная семья? Сможет ли он понять нужды своего народа, его желания, если у самого сердце не болит за то же?

– Не слушайте жреческое отродье! Храмовники все заодно с хайнесом! Не будет длани хайнеса над ними, и кто их защитит от разграбления?

– Да ты что, паскудник, говоришь?! – седой как лунь старик возмущённо вскинул клюку. – Мы за справедливость поднялись, а не дома божьи разорять!

Поднялся было ропот, но его перекрыл тихий, но очень проникновенный голос жреца:

– Жрецы бога Ваирака способны сами себя защитить.

Взгляды многих невольно прошлись по скрещённым на груди и вложенным в рукава рукам храмовника, а затем по очертаниям меча под тканью плаща.

– В гневе на хайнеса вы забыли, что тот, кто хотел погубить наших детей, до сих пор неузнанным ходит по городу, – продолжил жрец. – Вы ищете справедливости у хайнеса, а преступник спокойно разгуливает среди нас. Не наказанный. Не uznанный. Да и позабытый уже.

– А вот пусть хайнес и разбирается...

– Жрец прав, – тяжело бросил предводитель.

– В чём прав?! – сквозь толпу пробился невысокий русоволосый оборотень с окладистой бородой. – Правящая семейка вам бошки дурит, а вы и уши рады развесить! наших детей едва не погубили, потому что хайнес не смог их защитить! Так и весь город могли бы с лица земли снести!

– Верно говоришь! – из толпы выступил кряжистый рыжебородый мужчина с лысой головой.

– Жрец прав! – повторил предводитель. – Пока мы тут орём, эта тварь где-то ходит и что-то ещё замышляет.

– Так нам теперь что, за хайнеса его работу делать?! – выверился рыжебородый и, подскочив к предводителю, схватил его за плечо. – Да, тварь та подлюка! А это не подлюка?! – он мотнул башкой в сторону хайрена.

– Та тварь и рыла своего не кажет, – рявкнул предводитель, – а этот сам вышел! Сам пришёл и говорить начал. Да, подлюка. Но, – он повысил голос, – подлюка наша! – и уже чуть спокойнее добавил: – С ним хоть уговориться можно.

– Пентюх шелудивый! – взбешённо выпучил глаза рыжебородый. – Сбросим его, ребята! Не нужен нам такой голова!

Он замахнулся кулаком, но предводитель сам сгрёб его за бороду и рывком потянул к себе. Рыжебородый сдавленно охнул... и остался без бороды.

Всплеск возмущения, вскинувшийся после призыва рыжебородого, резко затух, сменившись растерянной тишиной. Толпа – зверь безумный, беспощадный и часто неразумный – всё же состояла из отдельных людей и оборотней, объединённых общей идеей или болью. Но сейчас она вдруг разбилась. Такой пустяк, всего лишь отклеившаяся борода... второй раз отклеившаяся борода. Даже самые глупые посчитали, что совсем уж странно, когда два раза под-

ряд... А те, что поумнее и злее, заподозрили, что их опять обманули. Но если хайнес обманул их, не оправдав надежды, то сейчас они чуяли обман тайный, подлый.

Подозрительные взгляды устремились на всех бородачей.

– А ну как подь сюды...

С разных сторон посыпались болезненные вскрики, но всех перекрыли два торжествующих:

– Ага!

– Ах ты скляда!

– Держи его!

Через толпу зайцем запетлял один из тех, кому оторвали бороду.

– Бе-е-ей! – заорал кто-то, и Узээриш отпрыгнул в сторону.

Тут же в то место, где он стоял секундой ранее, ударили два арбалетных болта и одна стрела.

– Не стрелять, не стрелять! – заорал предводитель.

Толпа вскипела, зашевелилась, раздались крики. А когда с крыши мешком грохнулся лучник с перерезанным горлом, в воздух взметнулся пронзительный женский визг.

– Где? – предводитель заозирался и замер, обнаружив хайрена сидящим на корточках на верхушке каменного бутона фонтана.

Ослепительная улыбка сверкнула на лице наследника, и он спокойно выпрямился, став прекрасной целью для всех стрелков в округе. Волчий месяц завис над его головой, обливая белым светом его плечи и спину, но оставляя в тени лицо.

– Шу-у-у, барышни, не пугайтесь, – певуче протянул Узээриш. – Это мои страстные поклонники, – наследник спрыгнул на мостовую, поморщился и устало добавил для предводителя: – Весь день от них бегаю. Подмётки скоро отвалятся.

– И всё равно сюда сунулся... – не очень одобрительно протянул оборотень.

– А что делать? – с наигранной тоской развёл руками Узээриш. – Не сунулся бы – на том свете предки бы заклевали. Так разговору всё-таки быть? – он хитро прищурился.

Предводитель посмотрел на него с сомнением, потом обвёл притихшую толпу взглядом и всё же выдал:

– Пройдох ты, потомок Сильнейшего. Но смелости выйти к нам хватило, да и на глупца не похож. Только где сам хайнес? Или он сам побоялся, а сына выпнул?

– Хайнеса в гости зазвал тот самый злодей, что школу едва в пепел не обратил. Да так невежливо зазвал, что ни свиту не допустил, ни о месте гостевания не отписался и ни о времени возврата повелителя.

На губах хайрена продолжала играть чуть насмешливая улыбка, но предводитель отметил малость пустой взгляд и дрожащий, очень уж широкий зрачок. И опустил глаза.

– Значит, безголовые мы, – протянул он. – Ну, уговоримся мы с тобой, потомок, а вернётся хайнес... коли вернётся, – по лицу хайрена пробежала судорога, – ...и по-иному решит. Как быть? Как нам довериться тебе, коли власти в твоих руках с крошку?

Наследник пристально посмотрел на него, словно обдумывая что-то. Или же решаясь на что-то.

– Эй, господа, мела или уголька не найдётся?

Замершая толпа опять пришла в движение. Нашлись и мел, и уголь.

Взмахом руки отогнав предводителя в сторону, Узээриш принялся в ночном свете вычерчивать на мостовой большой ромб. Закончив, он заключил фигуру в круг и начал кропотливо выписывать мелкие символы. Долго выписывал. Толпа взволнованно шушукалась, самые пугливые поспешили убраться с площади – а вдруг хайрен их всех сейчас взорвёт, – а предводитель начал нервничать и даже встал за спиной наследника, чтобы кто-нибудь не подстрелил.

Закончив, Узээриш отбросил мел, отряхнул руки и встал по самому центру печати. Могнул головой, расправил плечи и, широко расставив ноги, словно готовясь принять удар, решительно посмотрел перед собой.

– Я, Узээриш Ийехаидый, потомок рода Ийехаидый, беру на себя бремя повелителя всей Салеи, возлагаю на свою голову корону Сильнейшего и прошу своего отца, Иерхариды Ийехаидый, добровольно отказаться от власти и вверить её в мои руки.

Он умолк на несколько секунд, а затем опять заговорил, но в этот раз на древнем языке Салеи, произнося одну за другой клятвы и обещания, принимая на себя обязанности и соглашаясь с ограничениями. Он обещал заботиться о своём народе, обещал быть зрячим и слышащим, чтобы видеть проблемы своей страны, обещал знать и помнить законы предков...

Его негромкая речь звучала в кромешной тишине. Обомлевшая толпа молча внимала зрелищу, ранее недоступному взгляду посторонних: коронавание хайнеса всегда было таинством, куда допускались только сам будущий хайнес и жрец. Меловая печать, будто бы вбирая в себя лунный свет, едва заметно засияла.

Из воздуха вынырнула искрящаяся крылатая печать и с такой силой ударила хайрена в грудь, что прервала поток клятв и отбросила его на бортик фонтана. Не успел Узээриш вдохнуть, как на его волосы опустились золотистые очертания короны с острыми как пики наверху. Венец сдавил его голову так, что мужчина застонал, руки дёрнулись вверх, чтобы защитить его, но он исчез.

Потухла и печать. На площади опять воцарилась полная тишина. Узээриш зашипел, потёр ушибленную поясницу и вытер проступившую под носом кровь.

– Ну так что? – он отвёл в сторону ворот рубахи, демонстрируя известную всем печать хайнеса: весьма символическое изображение совы. – Теперь со мной можно иметь дело?

Предводитель молча протянул ему ладонь и помог встать.

– Ну ты и отчаянная голова, Сильнейший. Поговорим только в другом месте, а то ты здесь как голая девственница посреди борделя, – Узээриш хохотнул, оценив шутку. – Я таверну неподалёку держу, там можно и побеседовать. Тобий, Эзий, вы с нами. Остальные по городу пройдитеесь, утихомирьте остальных. Хватит воевать.

– Дядя, – Узээриш нашёл взглядом кузена отца, – проследи, чтобы военные не встряли. Нам тут не нужны стычки. Ну пойдём. Ох, Тёмные, отвалилась-таки, – он с досадой посмотрел на отпавшую подмётку и грустно пошевелил торчащими из сапога пальцами.

– Эй, – предводитель зычно окликнул толпу, – ссудите кто-нибудь хайнеса сапогами. А то в моих он утопнет.

– Чё, и всё теперь?

Народ растерянно и недоумённо волновался, но уже без агрессии.

– Да какой всё? – отозвался кто-то. – Они щас уговорятся, – кивок в сторону нового хайнеса, уходившего в сопровождении трёх оборотней, – а мы по улицам вместе с военными проходим, грабёжников погоняем. Всё как при папеньке его.

– Ага, – с неожиданной благожелательностью согласился кто-то. – Хайнес у нас, конечно, не лучше, чем у других, но и не хуже.

– Наш-то всегда поговорить выходит.

– Да толку-то от говоров-то? – зло сплюнул кто-то. – Самим всё и разгребать!

– Да он один как управится? Не живой он, что ли? Когда такая потрава на поле выползает, боги-то не всегда на помощь приходят.

– Эй, господин, – уходящего с площади жреца окрикнул старик. – А вы что же один? Без учеников? Может, проводить? Я сыновей сейчас кликну...

– Не нужно, – мягко отозвался жрец. – Если богам будет угодно, защитят.

Иерхарид, прислонившись спиной к стене и прикрыв глаза, прислушивался к ворчанию необыкновенных зверей. Они уже успокоились. Его присутствие всё равно злило их, но если не шевелиться, то можно было посидеть в тишине.

Он пытался думать о своём положении, старался вспомнить, где мог встретиться с этим странным стариком, и понять, что же тому нужно. Но мысли упорно вертелись вокруг семьи и города.

Удалось ли Ришу остановить мятеж? Сын был куда решительнее его самого, отчаяннее, даже легкомысленнее, но находить язык с простым народом ему было проще. Он был ближе к простым людям. Мог отбросить манеры при общении с ними, понимал и смеялся над простенькими шутками, не чурался бедняцкой еды и скромной одежды, знал народные танцы и кабачные песни.

Узээриш умел становиться своим.

Но поможет ли ему это сейчас, когда народ в такой ярости?

Подобное волнение Узээришу приходилось успокаивать только в районе Арванского городища, когда было объявлено, что на месте древнего города всё же заложат крепость, которая, возможно, станет родоначальницей настоящего поселения. Местные относились к развалинам как к святыне и долгое время не допускали строителей, грабили обозы с камнем, устраивали засады в развалинах. И это несмотря на то, что они каждый год терпели набеги степных соседей из-за того, что в этом месте не было оборонительных сооружений. Гарнизон разместить и то негде.

Но Узээриш разобрался. Самые главные святыни перенесли в местные храмы, и он лично заложил первый камень будущей крепости.

Но здесь и обида народа сильнее, и удар тяжелее. Справится ли?

А как там Лийриша с детьми? Удалось ли Изаэллае вывезти их города?

Зиш, наверное, сильно плачет. Он же так привязан к нему.

Птица внутри недовольно зашевелилась.

Иерхарид схватился за грудь, неожиданно ощутив жжение. Оттянув ворот, он уставился на налившуюся золотом печать хайнеса. Уставился, затем моргнул и прерывисто вздохнул. И, торопливо подцепив когтем край печати, отлепил её от груди и легонько пальцем оттолкнул её от себя.

Она исчезла тут же, и уже бывший хайнес устало прикрыл глаза.

Когда-то Узээриш пообещал ему, что не будет мешкать, если ему вдруг придётся сместь отца с трона.

Иерхарид заставил его дать это обещание. Его сын не повторит ошибку, которую совершил он сам.

Поражённая Йожира широко раскрытыми глазами смотрела на хайнеса, продолжая сжимать в руке обнажённый нож. Она стояла в тени дверной ниши и ждала момента, когда повелитель приблизится к решётке, чтобы вонзить ему в грудь нож и поставить крест на ещё одной части плана Наэша.

Но всё разрешилось без её вмешательства. Ей пришлось зажать рот, чтобы сдержать истерический смех. О боги, она ни за что не откажется от того, чтобы посмотреть на лицо Наэша, когда он поймёт, что хайнес уже не хайнес.

Радостное предвкушение исполнения одной из самых ожидаемых частей плана приятно волновало Дешия и заставляло его всё быстрее и быстрее идти по коридору.

Они уже здесь.

Прибыли.

Он завернул за угол в тот момент, когда в ворота прошла высокая женщина с ребёнком на руках.

– Изаэллая, дитя моё, – Деший протянул дрожащие руки к вошедшей.

Радостная улыбка осветила её лицо.

– Отец!

Глава 12. Нападение

В лагере за городом царили шум и гвалт. Ученики-маги вперемешку с горожанами; туда-сюда бегали уставшие преподаватели и лекари; вокруг тонкой линией с большими прорехами стояли стражники. Охрану выделили совсем небольшую и только чтобы до заставы сопроводить: в городе каждые руки были на счету. Из столицы подтягивались всё новые и новые группы, в большинстве своём горожане, в меньшинстве – ученики и учителя.

Директор бегал от одной группы-класса к другой, спрашивал, все ли подтянулись, и обеспокоенно хмурил брови. Больше всего пропавших было среди лекарей – самого многочисленного отделения школы. Не хватало части преподавателей, оставшихся в школе, чтобы ещё раз прошерстить территорию. Возможно, застряли в городе. Какая там сейчас ситуация, господин Аврезий знал только из уст вновь прибывших.

– Аврезий? – Жейш вопросительно посмотрел на директора, когда тот в очередной раз прошёл мимо.

– Ещё полчаса, потом собираемся и идём к заставе. Больше ждать не можем, – отозвался тот. – Я останусь здесь, направлю тех, кто придёт позже.

Лекарь кивнул. Он сам бы остался, но мастеров было и так мало, а нужно было ещё кому-то присмотреть за учениками в дороге.

Аврезий встрепенулся, увидев, что через ворота, которые со стороны города были заслонены кордоном военных, прошла довольно большая группа, и направился к ним. Глаза его радостно сверкнули при виде знакомых лиц.

– О, боевики! Пятый и четвёртый классы собраны полностью!

В свет костров вступил почерневший от дыма отряд из восьми мужчин, одной девушки и зверя. Призрачный кот, переливаясь блеклым серебром, исчез в ночной тьме и призраком явился уже в другой части лагеря. Оттуда донеслись взволнованные крики.

– Резвер, рад видеть, – директор похлопал мастера по плечу и уставился на Виидаша. – Ученик?

Тот отрицательно мотнул головой. Остальных Аврезий и спрашивать не стал, да и отвлёкся на новую группу прибывших.

– О, Резвер, ты притащил этих оболтусов? – мастер Илиш поприветствовал оборотня усталой улыбкой.

– Не поверишь, это они меня притащили.

– Ну разве могли мы бросить любимого куратора, – отозвался Мадиш. – Кто же нас будет потом гонять и тренировать до смерти.

– Так, шагом марш к своим! И не потеряйтесь по дороге. За подружкой присматривайте.

– Глаз не спустим, – пообещал Мадиш и сурово взглянул на Лирку, которую крепко держали за руки он сам и Эдар.

– Я вижу Майяри.

Виидаш кивнул в сторону, куда ускакал кот, и друзья тоже увидели девушку. Бледная, с всё ещё тёмным лбом и жуткими кругами под глазами, она держалась за плечо Редия и с жадным блеском во взоре смотрела на них.

– Боги, вас словно Тёмный дух на пороге преисподней встречает, – нервно хохотнул господин Вирай.

Рядом с Майяри появилась Род. На личике девчонки отражались страстное ожидание и страх. Увидев друзей, она радостно улыбнулась, но улыбка быстро исчезла, и Род торопливо прошла взглядом по всем членам отряда. И часто-часто заморгала, едва сдерживая слёзы.

– А мастер Дагрэн здесь? – в груди Мадиша натянулась струна плохого предчувствия.

Ему никто не ответил, и весь отряд поторопился к костру.

Майяри, таща за собой не очень охотно идущего Редия, шагнула им навстречу. Сил, чтобы идти и волочить за собой охранника, у неё хватало, а вот прямо держаться было сложно.

– Вы видели папу? – Род посмотрела на Мадиша умоляющим взглядом, и тот едва сдержался, чтобы не соврать, мол, видел, выглядит хорошо.

– Нет... он нам не попадался, – виновато отозвался парень и ответил уже на вопросительный взгляд Майяри: – Харена тоже не видели. Наверное, руководит где-то подавлением мятежа. А старик твой где?

Майяри кивнула чуть в сторону, и парень наконец нашёл господина Шидаю. Он сноровисто зашивал руку хнычущего ребёнка. Взгляд Мадиша скользнул ещё дальше, и парень вздрогнул, увидев ряд прикрытых рогожей и соломой тел. Среди них было так много совсем маленьких... Мадиш сглотнул и торопливо отвёл глаза. Только лучше не стало: взор упал на господина Зээхея, и выражение лица у того было таким, что Мадиш сразу понял, куда он смотрит.

– Боги... Зээхей, не гляди! – Вирай встал перед братом, но взгляд того не изменился. Он словно продолжал смотреть и видеть прямо сквозь Вирая.

Майяри лишь поморщилась, проследив за взглядом дяди Виидаша. Ей, обессиленной и уставшей, происходящее казалось сном. Разумом она понимала, что, увы, не спит. Выросшая в весьма суровом мире хаги-сумеречников, Майяри свыклась со злом, но то зло было направлено либо на неё, либо на отдельных хаги. Никогда ещё она не видела, чтобы жестокость проявлялась так массово. Но переживать из-за этого не могла: своё горе было ближе. Где-то в городе находится её Ранхаш, друзья вот только вернулись, брат... У неё появилось так много знакомых, которые отнеслись к ней по-доброму, приняли с лаской и теплом, что девушка мучительно переживала за каждого из них, перебирая лица в памяти. Викан, его родители, господин Ирриван, господин Вахеш, мастер Дагрэн... мастера... Она не видела мастера Милима и мастера Лодара. Ученики санаришской школы все до единого были здесь, а вот их мастеров не было.

– Что... в городе? – сипло спросила она.

– Да вроде потише становится... – неуверенно протянул Эдар и посмотрел на Мадиша.

– То ли затихает, то ли утром опять разгорится, – пожал плечами тот. – Мы особо ни с кем не разговаривали. Тёмные знают на кого нарвёшься. Но нам пару раз попадались толпы, орудие «Здравие хайнесу!». Один раз они столкнулись с другой толпой, ор такой стоял...

– Мы уж не стали ждать, но, кажется, они драться начали.

– Недовольных много, ближе к западным воротам дома погорели. Трупы по улицам лежат...

– Это в западной части ещё чисто, – опять вступил Эдар. – Храм бога Ваирака открыл свои двери для женщин, детей, стариков и раненых. Главный жрец распорядился. Сами жрецы на улицы вышли, детей, женщин и раненых собрать.

– И мародёров погонять. На наших глазах храмовник зарезал троих. Лавку подожгли, хозяину голову оторва... – Мадиш сбился, – проломили, хозяйку его до пояса раздеть успели, – парень надеялся, что только раздеть. – Вот он им всем горло перерезал, спокойно руки им сложил... ну жрецы Ваирака же как-то там по-особенному руки у убитых кладут, чтобы родственники покойного знали, что за справедливостью в храм надо идти... бабу забрал и ушёл. Нам только поклонился, внимания-то особого не обратил.

– И боги с ним! – облегчённо отмахнулся Эдар.

– Но четверть города они, наверное, очистили. Я про жрецов. Пока шли, ни одного ребёнка, ни одного раненого. Сейчас, наверное, и трупы уберут...

Род не выдержала и, присев на корточки, спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

– Где мой папа? Где он? Почему он до сих пор не пришёл? Я к папе хочу!

Мадиш испуганно присел рядом с ней и сграбастал в охапку, прижимая разревевшуюся девочку к груди.

– Ну ты чего, в мастера не веришь? Да он наверняка сейчас городскую защиту проверяет, смотрит, что может сделать. Сейчас каждый знающий оборотень у города на счету. Да и вылетит, если что. Он же у тебя птица!

– Он не птица! – Род завыла. – Он пума!

– Тогда тем более, – не растерялся Мадиш. – Проскользнёт. Лироя даже никто не заметил, а он тоже кот.

– Папа не призрачный...

Затуманенное внимание Майяри привлёк странный звук. Она покрутила головой и наконец заметила, что в оттопыренных карманах господина Зээхея кто-то шевелится и тонко, жалобно мяукает. Котята? Мужчина обогнул брата и шагнул к соседнему костру, где, прижавшись друг к другу, сидели зарёванные детишки. С мамами были не все. Майяри не следила за ними, но вроде большинство пришло с родителями, просто те сновали по лагерю, выискивая вещи: к ночи похолодало, а из домов бежали в чём были. Присев перед ребятами на корточки, господин Зээхей ласково улыбнулся им, погладил по головкам, а затем по одному достал из своих карманов четырёх котят: двух пёстреньких, одного рыжего с чёрными пятнами и одного совсем рыжего. Малыши плохо стояли на лапках, но глазки уже были раскрыты. Каково это – впервые в жизни открыть глаза и увидеть ужас? Поняли ли они, что это действительно ужас, или посчитали, что это привычная картина мира? Поняли ли вообще что-то?

Грязные ручки робко потянулись к дрожащим комочкам и погладили их по мягкой шерстке.

– Ты как? – Виидаш придержал её под локоть.

– Он удивительный, – Майяри не отрывала глаз от господина Зээхея. – Сколько детей осталось у него в городе? Сколько привязанностей? Сколько страхов? У меня... – её голос позорно сорвался, – нет сил, чтобы пожалеть хоть кого-то, кроме себя. А у него... у него даже... на котя... – не договорив, Майяри сцепила зубы и вытерла мокрые щёки. – Почему я не могу...

– Если бы все были такими, как дядя, то богам было бы стыдно за свои пороки, – Виидаш приобнял её. – Давай ты присядешь и отдохнёшь. Ты едва на ногах стоишь.

– Может, поспите? – предложил Редий. – Полчасика, я вас разбужу, – врал оборотень без зазрения совести. Лишь бы действительно уснула, а там он её на руках куда нужно отнесёт.

– Я привычная, – Майяри глубоко вздохнула, усилием воли вытягивая себя из отчаяния.

– У тебя голова... – Виидаш обеспокоенно посмотрел на её синяк и шишку.

– Пустяк.

Девушка невольно вспомнила свои куда более тяжёлые травмы. За побеги дед наказывал сурово. Пока не понял, что бесполезно и к наследнице надо искать другой подход. Голова... Ей даже смешно стало.

– Так... – господин Шидай поднялся и направился в их сторону.

На его пути появился Аший и уже будничным тоном признался:

– Я вас люблю.

– И я тебя, милый, – устало отмахнулся лекарь, а стоило Редию открыть рот, добавил: – И тебя тоже. Так, и что сопли распустили? Мужики работают, а они их оплакивают.

Род немного пристыженно шмыгнула носом и, кажется, малость подуспокоилась. Майяри тоже. Если бы господин Шидай почувствовал, что с Ранхашем что-то не так, то не стоял бы здесь.

По лагерю прошлось шевеление, зазвучали громкие голоса мастеров и стражников.

– Эй, Жейш, что такое? – окликнул лекарь Шидай.

– Решили не ждать. Из города какая-то весть пришла, – мастер обеспокоенно хмурился. – У меня ещё четырнадцать учеников не хватает...

– А они вообще были сегодня в школе?

– Трое были. Остальные нет. Похоже, ещё до начала этой заварушки в город втихушку смылись. Аврезий, у меня ещё четырнадцать не хватает! – напомнил Жейш пробегающему директору, и тот отмахнулся, мол, помню.

– Господин, – Майяри вырвалась из рук Виидаша и Редия и с усилием перебросила себя на лекаря, – мы же не уедем?

– Я – нет. Далекó слишком.

Шидай не стал напоминать, что его и Ранхаша связывает печать.

– А вот ты уедешь.

Майяри даже не стала возмущаться. Только зло и упрямо поджала губы, а на глазах заблестели слёзы. Редий и Аший уставились на лекаря с разумным сомнением: неужели господин действительно думает, что она уедет? Она даже воду из его рук не берёт, боится, что сонным зельем опоит. А стоит ему ладонь поднять, так начинает отбрыкиваться теми каплями сил, что набежать успели.

Шидай устало закатил глаза и растрепал волосы.

– Ладно, остаёшься. Сам за тобой присмотрю. А вот эту... – он легонько ткнул Род в лоб, сверкнула голубая искра, и девчонка повисла на руках Мадиша, – забираете.

– А может... – парень воровато посмотрел на Майяри, но подруга зашипела и перебросила себя на Редия.

– Давайте собирайтесь, детишки. Присмотри за своими, малой, – напутствовал Мадиша господин Шидай.

– Майяри, давай с нами, – друг настойчиво посмотрел на девушку, но та спрятала лицо на плече охранника.

– Я останусь здесь, – сказал Виидаш. – Мы с дядями не собираемся на заставу.

– Да вы с ума все сошли! – разозлился Мадиш.

– Давай, тебе за них отвечать, – Виидаш похлопал его по плечу.

– Ну вы... Вот только не досмотрите за ней!

Взвалив Род на плечо, Мадиш за шкирку прихватил кота-Лироя и потащился вперёд, окликая Лирку и Эдара.

– Не отставайте! Вы-то здесь точно не останетесь!

Майяри, не отрываясь, смотрела на лекаря, боясь, что он всё же обманет и уйдёт один.

– Да не гляди ты так на меня, – поморщился господин Шидай, – не собирался я тебя оставлять.

Он вздохнул, помолчал и добавил, глядя, как поднимаются, выстраиваются и уходят горожане и ученики:

– Чует моё сердце, охотятся на тебя. Так что доверить кому-то присмотр за тобой я не могу. Но и от Ранхаша уйти далеко не могу. Остаёмся пока здесь, потом посмотрим по слухам как обстановка в городе и, может, до Шереха доберёмся. Он, наверное, всё семейство у себя собрал.

Поднялся сильный плач и крики: стража попыталась оторвать ревуших женщин и детей от закрытых рогожей тел, но те продолжали цепляться за умерших. На помощь пришёл господин Зээхей. Майяри почему-то отметила, что котяток он не отдал детишкам. Они опять шевелились в его карманах. Отстранённо отметила и уже в следующий миг отвлеклась.

Слуха коснулся короткий свист, господин Шидай стремительно отскочил в сторону, увидел за своей спиной поднимающихся женщин и скакнул назад. Прошла какая-то секунда, Майяри даже не успела осмыслить происходящее. Свист, стремительное движение, и лекарь отшатнулся. Майяри непонимающе уставилась на толстый, без оперения, конец арбалетного болта, торчащий прямо из центра его груди. От него по белой ткани рубашки начало расплзаться тёмное пятно, и Майяри медленно подняла глаза на лицо лекаря. Тот растерянно моргнул, губы его беззвучно шевельнулись, и он начал падать.

Редий сдёрнул её с места и, вскинув на плечо, бросился бежать. Опомнившись, Майяри закричала от ужаса, забилась в его руках, пытаясь вырваться и вернуться, вернуться к господину Шидаю.

– Его заберут! Заберут! – орал Редий.

– Он не мог умереть! Не мог! Дапусти ты меня,пусти!

Ужас осознания затмил всё остальное. До Майяри не сразу дошло, что толпа бросилась в бег, что поднялся испуганный крик, что от стен города качнулась какая-то тёмная масса, несколькими секундами спустя распавшаяся на орущих и размахивающих оружием мужчин. Коротко засвистели арбалетные болты, бегущие в панике люди начали спотыкаться и падать. Навстречу нападавшим вышли немногочисленные стражники, им на помощь спешили, пробиваясь через мечущийся народ, мастера, горожане-мужчины и молодые парни из учеников. Натужно заскрипели ворота, пропуская военных.

Майяри молила богов о том, чтобы это всё ей снилось. Пусть бы оказалось так, что господин Шидай всё же смог её усыпить. Она согласна пережить этот кошмар во сне, согласна сойти с ума от ужаса, но пусть это будет сон.

Это не могло случиться в реальности. Господина Шидая не могли убить.

Не могли!

Майяри яростно зарычала.

Он не может умереть! Он не может быть убит! У него нет права бросить их с Ранхашем! Он должен остаться здесь, с ними!

Она всё же смогла высмотреть, что двое мужчин из теней, забросив руки лекаря на плечи, уносили его подальше с поля боя. Вынырнувшие из-под стен города враги нападали с бесстрашным остервенением. Их было значительно меньше, чем защищающихся, но, похоже, целью их было не уничтожить лагерь под стенами города, а что-то другое. Они хватали оборотней, в основном магов, и утаскивали их во тьму, из которой явились.

– Пусти,пусти меня! – требовала Майяри.

Она яростно взывала к своим силам, пытаясь найти в себе что-то, чтобы дать отпор, чтобы стереть эту шваль с лица земли. Чтобы смешать их с землёй, размозжить, перетереть! Но всё, на что её хватило, – это слабенько тряхнуть землю под ногами оборотня, который слишком близко подобрался к сражающемуся директору.

– Пусти, мне нужно к земле!

Земля даст ей силы! Она их возьмёт.

– Сгорите! – Редий крепче вцепился в её бёдра. – Простите, госпожа, но моя забота – ваша жизнь.

Напавшие клином вбились в линию защитников, сразу трое налетели на Редия, сшибая его наземь. Майяри больно приложилась спиной, но села сразу же, как охранник перестал давить её своей тяжестью, и с яростью кошки вцепилась в ноги одного из нападавших, утягивая его на землю. Она ещё успела увидеть, как Редий прикрывается рукой от удара и сам всаживает меч в живот противника, затем на её лицо брызнуло что-то влажное, а на затылок опустился тяжёлый кулак.

– Магичка... – донеслось до её затухающего сознания, и мир канул в успокаивающую тьму.

– Слышал? Хайнеса приволокли.

Ранхаш замер, прислушиваясь к разговору двух оборотней, стоящих за углом дома.

– Господин, – в голосе говорившего звучал благоговейный трепет, – посчитал, что хватит с ним церемониться.

– И правильно, – звук плевка. – Давно пора было эту прогнившую шваль за волосы притащить. Ничего, господин порядок наведёт, и заживём по правде.

Хайнес? Здесь?

Выпитое вино забродило внутри раздражением, шепча и уговаривая довершить задуманное. Взрывной порошок он нашёл: местными запасами можно было весь подземный город взорвать, и ещё на дворец осталось бы. Так что же медлить? К Тёмным хайнеса...

Ранхаш задавил раздражение, напоминая себе, что скоро сюда может явиться Идрай с подмогой и пока он собирался заложить закладки только у плотины. А потом прогуляться по подземелью и осмотреться. Нужно же понять, кто именно здесь обитает.

Раздался топот, и кто-то закричал:

– Эй, где Агорий? Агорий где?!

– Да не знаю... А что случилось?

– Хайнес сменился! Эта скляда хайрен корону на свою башку напялил при всём народе! Чтоб ему с арбалетным болтом в заднице всю жизнь прожить! Насилу пробился сюда, едва на части не порвали. Скажите нашим, чтобы бороды не надевали. Сорвут с кого, сразу прирежут! И разбираться не будут! Да где же Агорий, мать его?!

Хайнес здесь, хайрен короновался, бородачей режут... Ранхаш заподозрил, что Идрая с подмогой можно и не дожидаться. Интуиция с ним согласилась.

Но всё же стоит начать с плотины. Лучше иметь возможность устранить гадюшник одним махом.

Ранхаш шагнул и запнулся, внезапно ощутив острую, но короткую боль в груди. Она прошла почти сразу, но оставила после себя гаденькое предчувствие плохого.

Агорий нетерпеливо миновал коридор со стонущими товарищами и завернул в тесное помещение, на полу которого вповалку лежали только что принесённые маги. Кто-то из них шевелился, что-то мычал сквозь кляпы, но большинство тихо лежали, а под кое-кем успели натечь такие тёмные лужи, что возникало сомнение: а живы ли они вообще.

– наших много полегло? – без интереса спросил он у возглавлявшего нападение товарища.

Потери его на самом деле не очень интересовали, но господин обязательно же спросит. И опечалится.

– Да немало, – беспечно отозвался товарищ.

Он так же, как и Агорий, до встречи с господином вёл разбойную жизнь, и чужие смерти его не печалили. В бандитских налётах всегда куча народа гибла, что ж теперь, по всем убиваться?

– Но зато самых отборных прихватили!

Взяли так-то первых, кто в схватке под руку подвернулся, но прихвастнуть хотелось.

Окинув взглядом пленников, Агорий понадеялся, что хватит. В городе они уже отловили пару десятков магов, но нужно было почти втрое больше. Времени ждать, когда очередной маг оправится и восполнит свои силы, нет.

– Ого, самого директора школы притащили! – развеселился оборотень и достал из кармана амулет.

Переступая от одного пленника к другому, он водил над их головами амулетом. Чаще всего тот вспыхивал розовым светом, и мужчина удовлетворённо хмыкал. Пару раз амулет никак не отреагировал, и Агорий знаком приказывал убрать ненужных пленников.

Над головой лежащей ничком девушки амулет тоже не загорелся, и Агорий ногой перевернул её, чтобы понять, жива ли она. Перевернул, всмотрелся в лицо и потрясённо распахнул глаза.

– Кто её притащил? – страшным голосом спросил он, и его товарищ, струхнув, замямлил:

– Да вроде Баляшка прихватил...

– Передай ему, чтобы ждал от господина награду.

По подземелью прокатил ликующий, торжествующий хохот Агория.

– Вот это подарок небес! Господин будет очень рад. Тащите её к нему. Давайте, живее!
А я пока за ошейником сбегаю.

Глава 13. Сестра и брат

– Осторожнее волоки-то, кабы не сдохла раньше времени. А то тощая, да и уже побитая... Ох ты стерва! Щас зубы-то повыбиваю!

Деший заинтересовано обернулся на шум и увидел широкоплечего крепкого мужика с гладко выбритой головой, осторожно вносящего на руках какую-то девицу. Какую именно, старик понял сразу, и сердце в груди взволнованно и радостно загудело. Эту худую фигурку и тёмно-русую косу он бы узнал из сотен. Она снилась ему в кошмарах и в сладостных снах. В последних он её всегда убивал.

– О боги! Откуда?

Жадно всмотревшись в лицо хранительницы, расцветенное тёмными пятнами («Откуда такой ужас? Вроде бы не свежие»), Деший обеспокоенно спросил:

– Что с ней сделали?

– Да Баляшка кулаком по башке приложил. Кость вроде цела. Нежная девица, небось из благородных...

Деший сам уже убедился, что ничего страшного с хранительницей не приключилось – хотя воображение рисовало заманчивые картины мести, но это после, после, – и, услышав шум за спиной мужика, вытянул шею.

В комнату втащили ещё одну девицу. С чёрными короткими кудрями, тёмными глазами и приметным шрамом на лице. Эта шла сама, лицо, правда, было разбито, левая сторона вспухала кровоподтёком, и удерживал её мускулистый, аж куртка на груди трещала, рыжий оборотень. Не без труда удерживал.

– А это кто?

– Они, видать, вместе. Мы как эту взяли, эта подорвалась и аж верёвки порвала. На баб-то мы цепи тратить не стали. Решили и её привести. Мож, раз эта нужна, то и эта пригодится.

Деший с удивлением уставился на девчонку, которая показалась странно знакомой. Может, видел её раньше, ещё до того, как шрам появился? Шрам-то ему был не знаком, но вот само лицо, само выражение глаз, даже кудри эти... А память на лица у него была прекрасная. Но нет, не помнил.

– Конечно, пригодится, – он ласково, по-отечески улыбнулся зверем смотрящей девчонке. – У нашей гостьи будет компания. Думаю, это поможет ей расслабиться и стать... более доверчивой.

Есть ещё и харен, но Деший не был уверен, что правильно понял истинные отношения между ним и хранительницей. Подозревал, что его могли обмануть. А тут такая возможность сделать девушку более сговорчивой.

Внутрь ввалился запыхавшийся Агорий и с торжествующей улыбкой продемонстрировал узорчатый железный ошейник, дожидавшийся этой встречи уже давно.

– Придержи ей башку, – велел он лысому.

– Чем? Третьей лапой?

– Я помогу.

Деший аккуратно повернул и придержал голову хранительницы, пока Агорий застёгивал на её шею ошейник. Кудрявая девчонка молча и с жутковатым упорством рвалась на помощь подруге. Не кричала, видимо, понимала, что пользы от этого никакой. Замок сухо щёлкнул, и старик почувствовал ещё одну волну удовлетворения. Ветвь ломкая, а проблемы от неё какие... Подкинули ему боги испытание, насмешники. Ну ничего, он справился и с этим. Харен в его руках, хайнес тоже, маленький хайрен мирно спит в его собственной постели, на членов правящей семьи объявлена охота, а теперь вот и хранительница здесь. Может, и с Вотыми переговоры вести не придётся.

– Господин, – в комнату заглянул обеспокоенный охранник, – там эта... ну которая хайрени... к хайнесу пошла. Мы пробовали оставить, но вы ж сами распорядились, чтобы аккуратнее и вообще как к самой ценной госпоже относились.

– Не ходить за мной.

Деший вылетел в коридор и бросился бегом в сторону зверинца. От стен эхом отражалось взбешённое рычание животных, охрана встретила его раздражёнными, смущёнными и виноватыми взглядами. Старик жестом велел им отойти подальше и тихо приоткрыл дверь.

Услышав шум за дверью, Иерхарид сперва напрягся, но, уловив больше раздражённые интонации, чем испуганные, опять успокоился. Кто бы там ни был, это явно не спасатели. Поэтому, когда дверь распахнулась, он бросил лишь мало заинтересованный взгляд и застыл.

На пороге стояла Изаэллая. Бледная, с высоко вскинутым подбородком и яростно сверкающими глазами.

– Иза? – поражённый Иерхарид отстранился от стены, а потом и вовсе встал и вцепился руками в решётку. Звери взорвались негодованием. – Иза... Что ты здесь делаешь?

Меньше всего он ожидал увидеть в этом страшном месте сестру.

Та, совершенно не обращая внимания на беснующихся тварей, неторопливо подошла ближе, не отрывая от его лица странно неподвижного взгляда. Словно бы сейчас для неё существовал один только брат, только он, и сильные, страшные эмоции разрывали её изнутри. Она остановилась в паре шагов от решётки, продолжая пристально смотреть в глаза Иерхариду, будто бы пытаясь отыскать там что-то помимо удивления.

– Как ты мог поступить так с нами? – голос Изаэллаи прозвучал сипло, и, сказав, она судорожно вздохнула и схватилась за грудь. – Как ты мог поступить так со мной и Алайрией?

– О чём ты? Как ты сюда попала? Боги, Иза, они схватили и тебя? – мысли путались в голове. Иерхарид жадно подался вперёд. – Иза, беги! Хотя нет, схватят и убьют. Не сопротивляйся, веди себя спокойно. Мы обязательно выберемся!

– Я всё знаю, Иерхарид.

Он окончательно перестал что-либо понимать.

Кулачки сестры сжались ещё сильнее.

– Знаю, – её лицо исказила ярость, а слова вырвались шипением сквозь зубы. – Я знаю, что это ты и дядя Игренаэш убили отца.

– Что? – Иерхарид отпустил решётку и невольно шагнул назад. В голову впервые закрадось сомнение: а сестра ли перед ним. – Я не по...

– Не надо мне врать! – крик Изаэллаи перекрыл даже рычание зверей. – Я верила тебе всё это время, всё это время я верила, что ты искренне горюешь о смерти отца! Что ты действительно любишь меня, что ты действительно пытался защитить меня, что ты... – голос её сорвался, губы задрожали и по щекам потекли слёзы, – что ты ищешь нашу сестру... что ты ищешь Алайрию.

Иерхарид приходил во всё большее и большее замешательство. Может, он спит?

– Но я не убивал... я ищу... Иза, что происходит? Я не понимаю тебя.

– Не понимаешь? – сестру затрясло от бешенства. – Не понимаешь?! Боги, как я не видела этого раньше? Почему позволила обмануть себя? Какой же ты... притворщик...

– Изаэллая! – Иерхарид опять вцепился в решётку и строго посмотрел на сестру. – Что происходит? Я тебя совсем не понимаю. Убил отца... Ты с ума сошла? Ты... это ты передо мной?

– Боги... – поражённо выдохнула Изаэллая. – Если бы я не знала... если бы я точно не знала, то усомнилась бы. Ты... у тебя даже в глазах нет вины.

– Иза, я не понимаю тебя. Объясни, что происходит, что... – Иерхарид почти умолял.

– Отец жив, Иерхарид, – голос сестры обрёл твёрдость. – Он. Жив. Вы не смогли убить его тогда. Он сумел обмануть вас. Точнее не он, а его преданные сторонники. Они многие годы скрывали его, выхаживали, пытались вернуть ему память...

– Наш отец мёртв, Иза! Он. Мёртв!

– Не-е-е-ет, – хайрени невесело улыбнулась, – папа жив. Ты и дядя не смогли.

– Да о чём ты?! – в запале Иерхарид яростно тряхнул решётку.

– Хватит притворяться!

От визга женщины испуганно шарахнулись даже местные твари. Шарахнулись и насто-роженно замерли.

– Ты! Ты и дядя сговорились и убили отца. Это дядя! Дядя был Сумасшедшим хайнесом! Не папа! А потом ты вместе с Шерехом убил и дядю. Устранил всех претендентов на трон. Боги, Иерхарид, неужели власть... власть стояла того, чтобы рушить нашу семью?

По щекам Изаэллаи потекли слёзы.

– Это какой-то бред, – мужчина запустил пальцы в волосы. – Ты не моя сестра... Иза... Такой бред!

– Неужели ты думал, что я никогда не узнаю? Бедная Алайрия. Отец, она... я... Мы все стали жертвами вашего заговора!

– Иза...

– Отец бы никогда не выдал нас с Алайрией насильно замуж! Никогда! – глаза Изаэллаи яростно сверкнули. – Я была так наивна и слепа и позволила вам обмануть себя. Вы специально избавились от нас с Алайрией. Вы боялись, что мы всё-таки поймём обман. Боги, как мы могли так обмануться? – она в ужасе зажала уши ладонями. – Как мы могли посчитать *его* нашим отцом?! Немыслимо!

Иерхарид был растерян. Кто мог рассказать Изаэллае правду о дяде? И кто мог так пере-вратить события? Его сестра всегда была образцом благоразумия, заставить её поверить в такую безумную идею... Он всё больше склонялся к мысли, что перед ним обманка.

Но интуиция, тот самый дар сов, нашёптывала, что нет, это не обманка.

– Ты поломал столько жизней... Ты запятнал всю нашу семью кровью, – продолжала Изаэллая. – Столько жизней унесла смерть отца, столько жизней унесло правление, – её лицо презрительно исказилось, – того сумасшедшего... Сколько жизней, Иерхарид! Разве власть стоит того?

– Как ты можешь верить в это, Иза?! Я любил отца! Я люблю тебя и Алайрию! Я бы никогда не посмел причинить вам боль...

– Тогда почему ты не заступился за нас, когда «отец» решил выдать нас замуж? Почему?

– Но... – Иерхарид беспомощно умолк.

Почему? Он мог бы сказать, что о свадьбе самой Изаэллаи узнал, только вернувшись из поездки в Нордас. Мог бы сказать, что сестра показалась ему счастливой, хотя некоторые сомнения всё же шевелились в его душе. Он мог бы напомнить, что в момент, когда новоиспечённый муж Алайрии разносил храм, он находился на восточной границе страны. Мог бы, но...

Все эти годы он чувствовал вину за судьбу своих сестёр. Они пострадали из-за его нерешительности, трусости и слепоты. Он не смог сместить с трона своего сумасшедшего «отца», взять власть в руки, хотя видел, что происходит. Он не смог пойти против «отца». Он не смог увидеть, что это был вовсе не отец.

Он действительно виноват. Он не защитил ни своих сестёр, ни свой народ, ни добрую память о своём настоящем отце – истинном хайнесе.

– Я виноват перед вами, Иза. Но виноват лишь в том, что был нерешителен и позволил сумасшедшему сидеть на троне. Я не убивал отца.

Он никогда не рассказывал Изаэллае правду о сумасшедшем хайнесе. Считал, что так будет легче. Он хотел в одиночку мучиться от осознания, что они – дети хайнеса Озэнариша – не смогли разоблачить самозванца. Он боялся, что это причинит сестре ещё большую боль.

– Я знаю правду, – устало произнесла Иза. – Отец мне сам сказал.

– Какой отец? Он умер!

– Замолчи, – тихо, но очень решительно велела сестра.

– Хорошо, допустим, он жив, – у Иерхарида голова кругом шла. – Где он? Кто он? Почему ты веришь ему? Иза, тебя обманывают...

– Он пришёл ко мне три года назад, – женщина вытерла мокрые щёки. – Нет, он не стал говорить, что он мой отец. Он знал, что я не поверю. Мало бы кто поверил. Он просто хотел посмотреть на меня, увидеть, как я живу... чем живу, о чём думаю... – в её голосе прозвучали нотки нежности. – Я наняла его привести в порядок библиотеку. А потом... – видимо, спазм сжал её горло, и она умолкла, – ...потом я стала находить свои самые любимые книги на столе... на видных местах полок... Помнишь, отец всегда так делал? Он знал мою страсть к чтению и баловал меня. Так мог сделать только он. Но даже тогда я этого не поняла. Устроила допрос... откуда он знает мои пристрастия, причём детские. Он долго мялся, а потом расплакался и признался. А я... Мы всё-таки неблагодарные слепые дети. Я не поверила ему. Высмеяла! Потребовала доказательств..., и он рассказал мне много-много историй обо мне самой, которые мог знать только он. Один только он!

– Иза, тебя обманули! Как... как можно поверить в это...

– Когда мне было двадцать пять, я призналась в любви Иргад.

Иргад? Иерхарид непонимающе уставился на неё. Причём тут Иргад?

– Я поймала его в укромном уголке парка и, дрожа, запинаясь и краснея, рассказала о своих чувствах. Он меня отверг. А папа в это время был рядом и всё слышал. На его груди я потом и рыдала от обиды. Так вот он в точности передал слова, которые мне в тот день сказал Иргад. Свидетелем этой встречи был только отец. Только он! И он никому не рассказывал о ней. Ведь даже ты не знал.

– Подожди... Кто-то всё равно мог услышать, тот же Иргад рассказать...

– Я верю ему, – просто ответила сестра. – Это тепло, это сочувствие, это понимание... Таким может быть только мой отец. Не пытайся меня убедить. Я пришла, потому что надеялась, что ты хотя бы немного раскаиваешься. Я хотела знать, что мой брат... брат, которого я так любила, не так жесток... Такая наивность, но я надеялась, что это было твоей ошибкой, в которой ты раскаялся. Я хотела знать, что мой брат... что не всё было обманом.

– Иза, да услышь меня! – зарычал Иерхарид, отчаявшись достучаться до неё.

– Но я вижу лицемерие. Если бы я не говорила с отцом, если бы я не знала, что он жив, если бы я не была уверена в этом, я бы усомнилась в твоей вине, но, Иер, я знаю правду.

– Ты с ума сошла?! – вышел из себя брат. – Наш отец давно мёртв! Я бы очень хотел, чтобы это не было правдой, но он мёртв! Мёртв!

– Это наша последняя встреча, – Иза слабо улыбнулась и шагнула к двери. Звери опять завyli. – Я тебя очень любила, Иер, и люблю, но ты принёс столько горя нашей семье и стране и продолжаешь приносить. И ты понесёшь наказание. Сердце отца болит за то, что он не смог воспитать тебя должным образом. Он считает, что в этом его большая вина перед всеми. Он считает, что он один виноват и должен исправить сотворённое. Власть, которой ты так хотел, больше не будет твоей. Ты умрёшь. И я прошу у тебя прощения за Узээриша. Да, прошу. В отличие от тебя меня мучает боль за чужие смерти. Но Риш слишком похож на тебя, он будет бедствием для страны.

Внутри взметнулась сова, глаза Иерхарида пожелтели, и он зарычал:

– Что с моим сыном?!

– Лийриша, Зиш и Иия никогда не узнают правду, – сестра с болью посмотрела на него. – Для них ты навсегда останешься героем. И ты, и Риш.

– Что с моими детьми?! Иза, что ты с ними сделала?!

– Они в безопасности. Не переживай, папа без ума от них. Он... и тебя до сих пор любит. Боги, – Иза закрыла лицо ладонями и разрыдалась, – как нам пережить всё это? Зачем ты это сделал, Иер, зачем?

– Изаэллая, ты дура! Посмотри на меня, живо! Ты соображаешь, что творишь? Ты поверила психу, который выдаёт себя за нашего отца и довёл город до смуты. Иза, даже если ты веришь, что я убил отца, что это я виновник всех бед, зачем опускаться до такой жестокости? Ты винишь меня в жестокости, в смертях, но сколько жителей сейчас гибнет на улицах города! Да этот псих едва не сжёг школу магии с сотнями учеников и горожан!

– До смуты город довёл ты, – уверенно заявила сестра, поворачиваясь к двери, – а школа... – она в последний раз бросила на него взгляд. – Это был всего лишь обманный манёвр. Отец бы никогда не поступил так с сотнями невинных.

– Иза, стой!!! Вернись!!

Но сестра уже скрылась из глаз, переступив порог.

На выходе она столкнулась с отцом. Тот как замороженный смотрел на ярящегося Иерхарида, который орал и тряс решётку, и по морщинистому лицу текли слёзы. Боль. Невыносимая боль заполняла его глаза, а плотно сжатые губы дрожали. Во всём его облике была такая беспомощность, такое отчаяние и горе... Изаэллая молча обняла его, и они, разрыдавшись, в обнимку зашагали по коридору.

Йожира, прячущаяся в густой тени ниши, смотрела им вслед с неуверенной усмешкой. Даже она на какой-то миг поверила в его искренность. А ведь когда-то он с такой же искренностью, стоя на коленях, заверял её, что никогда в жизни не сможет причинить ей боль и скорее умрёт сам, чем оцарапает её палец.

Пальцы он ей не царапал.

Но вот семью вырезал.

Глава 14. Спутанные нити планов

Менее чем через четверть часа господин высвободился из объятий рыдающей хайрени и, оставив её в выделенной комнатке, вернулся. Агорий встретил его встревоженным взглядом и знаком попросил выйти, чтобы не вести разговор при охранниках. Всё же не все были посвящены в детали плана.

– Господин, тут из города весть принесли. Говорят, хайрен Узээриш короновался прямо на площади.

– Что? – в груди похолодело.

– Произнёс фразу, что, мол, отец, от трона сам откажись и мне отдай, а потом появились печать и корона хайнеса. И всё это на нём.

– Печать?

– Ага, чин по чину. На груди, сова. Прямо на глазах появилась, даже мясом палёным запахло.

– М-м-м, – Деший схватился за голову.

Он даже подумать не мог, что здравствующий хайнес просто передаст корону сыну. И мысли такой не возникло!

Всё должно было быть по-другому! Всё!

Узээриша убивают, хайнеса доставляют сюда, приносят маленького хайрена и хайнеса тоже убивают. Потом проводят ритуал коронации и печать ложится на грудь ближайшего претендента на престол – маленького Зиша.

Всё в принципе должно было быть по-другому.

Сперва должен был быть взрыв на дне рождения Зиша и Иии. Все бы подумали, что дети погибли, а вместе с ними хайнеси и часть присутствующих. Рийван бы подросел на место раньше всех, спрятал шар шкатулки в потайной ход, а оттуда ребёнка бы забрал Агорий.

Потом в финальный день состязаний сгорела бы школа вместе с присутствующим там хайреном Узээришем. В происшествии обвинили бы орден Защитников Мира, члены которого верили, что маги отбирают у мира жизненную энергию. Он появился не так давно, каких-то двести пятьдесят лет назад или даже меньше. Деший уже точно и не помнил, когда создал первую общину, которая теперь разрослась и существовала без какого-либо содействия с его стороны.

И уже затем умер бы хайнес, не переживший ударов судьбы. Такая трагедия, вся семья мертва. Пустое гнездо.

Народ в гневе и растерянности, правящая семья в смятении, но тут неожиданно появляется маленький хайрен Зиш, который всё это время был в плену в ордена Защитников Мира и которого спас самоотверженный оборотень по имени Агорий.

Мальчика коронуют, но члены ордена очень плохо с ним обращались и здоровье малыша сильно подорвалось. Через год, или сколько там потребовалось бы для успокоения народа, мальчик бы умер. За этот год он бы как раз успел убрать кое-кого из сторонников, тех, кто верил, что хайнес Озэнариш жив. В будущем они могли сильно помешать. Особенно когда поняли бы, что события разворачиваются не по тому плану, что описал для них он, Деший.

И тогда бы появился он – неизвестный, но самый ближайший претендент на трон после детей хайнеса Иерхариды.

Но весь план переломался. Всё испортилось! Всё!

Этот старый упрямец Ахрелий всучил артефакты девчонке-хаги, и с этого начался разлад в плане. Артефактов нет до сих пор.

Ловушка-шкатулка не сработала так, как надо. Опять вмешалась девчонка. Но мальчика он всё-таки достал.

«Печь» под школой сработала раньше положенного срока. И ладно бы, он был готов смириться и с этим. В конце концов, в школе оставалось много его старых знакомых, которые могли узнать его. Но опять вмешалась девчонка, словно у неё на судьбе написано ходить за ним по пятам. И по итогу школа цела, Узээриш жив.

Хайнеса выкрали, но наследника упустили, и преждевременную кончину повелителя пришлось отложить. Деший принял и это. А теперь и сам повелитель сменился.

Все нити плана перепутались. Он получил только Зиша, но, не имея артефактов, не мог воплотить желаемое в жизнь. Он был готов смириться с тем, что получит артефакты позже, но он думал, что мальчишку всё же удастся хотя бы короновать. Но нет, боги будто бы бросили клубок его судьбы кошкам и с умилением наблюдали за их игрой.

– Так что делать с хайнесом? С бывшим, – опасливо спросил Агорий. – Прибить?

Деший прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Нет. Нам нужен новый хайнес. Прежний поможет выманить его.

– А с новым что? Тоже сюда?

– Нет, сразу убить. А следом за ним и отца. Тогда уж не нужен будет. А пока пусть посидит в клетке.

– А с девкой как? И её подружкой? Мож, отдельно запереть? Для сговорчивости хранительницы.

Деший задумался.

– Заприте вместе с хайнесом. Мне пока нужно заняться магами. Глаз со зверинца не спускать!

– Ты! К стенке отошёл, – рыжий оборотень просунул между прутьями копьё и заставил хайнеса отступать к стене.

Его товарищ торопливо распахнул дверь клетки и впихнул внутрь черноволосую кучерявую девчонку, а лысый оборотень не очень аккуратно зашвырнул следом бессознательную девушку. Дверца лязгнула, закрываясь. Кучерявая тут же подползла к подруге и перевернула на спину.

– Яри! – ахнул Иерхарид и опустился на колени.

Лирка узнала хайнеса, но не удивилась: внутри царила опустошённость, хотелось уже, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Мужчина прижал пальцы к шее Майяри, просунув их под ошейник, отсчитал пульс и затем осторожно нажал на точки на той же шее и затылке. Девушка поморщилась и тихо, почти беззвучно застонала. Лирка поспешила прислониться к стене и перетащить подругу с холодного пола к себе на колени. Прижав её к груди, оборотница начала ласково её укачивать. Очнулась, уже хорошо.

Майяри с трудом приподняла веки, посмотрела на лицо Лирки, затем взглянула на хайнеса и обвела взглядом зверинец.

– Мы где?

– Где-то под землёй, – хайнес удивлённо посмотрел на Лирку. – Нас затащили под городскую стену, пронесли подземными ходами сюда. Долго несли. Сюда потом ещё долго вели. Они зачем-то собрали магов. Когда тебя увидели, очень обрадовались.

Майяри лишь прикрыла глаза, и перед внутренним взором опять появился падающий господин Шидай. Сердце тяжело, с болью, шевельнулось в груди. Ей не было интересно, где они, почему здесь хайнес, что за странные звери в клетках напротив, зачем кто-то собирает магов и кто вообще этот «кто-то». Голова не болела, ничего не болело. Только сердце ныло и душу разрывало. Хотелось быть рядом с господином Шидаем. Если он умер, значит, и ей бы хотелось умереть.

«Нельзя умирать».

Майяри вздрогнула. Давно она не слышала этот голос. С тех пор, как сбежала из общины. Её собственный внутренний голос, который не позволял ей сдаваться даже тогда, когда она в очередной раз бывала сломлена. Властный, сильный, спокойный голос заставлял её подниматься, осматриваться и цепляться за жизнь. Ей в целом незачем было жить. У её жизни не было цели, не было смысла, а у самой Майяри – привязанностей.

«Нельзя умирать. У меня есть Ранхаш».

Ранхаш. Майяри шевельнулась. Желание умереть не пропало, но...

«Пройдёт. Проходило даже тогда, когда у меня ничего не было. Теперь у меня есть Ранхаш. Есть Ёрдел. Есть друзья. Теперь у меня много чего есть».

На глазах вскипели слёзы, и Майяри уткнулась в плечо Лирки. Падающий господин Шидай сменился улыбающимся господином Шидаем. Она вспомнила утро в тюрьме, когда впервые проснулась в его объятиях. Вспомнила его беззлобные шуточки, вспомнила их совместную пьянку... Захотелось завывать.

Боги, пусть он останется жив. Он крепкий, он сильный, и он совсем не старый, тут Мадиш не прав. Неужели он не сможет вытянуть себя? Ради Ранхаша, ради неё? Да и болт вроде вошёл ниже сердца... Майяри поймала себя на том, что пытается убедить себя, что рана-то у лекаря не такая уж и опасная, и арбалетный болт в её воспоминаниях всё больше и больше смещался в сторону.

«Здесь Лирка. Мне нужно позаботиться о ней».

Майяри заставила себя вынырнуть из воспоминаний и обратиться к силам. Внутри по-прежнему ощущалась пустота. Похоже, времени прошло ещё очень мало.

– Что здесь? – она нащупала на шее какую-то железку. Подозрение зародилось в голове сразу же. – Хаггаресское?

Хайнес грустно кивнул. Майяри даже не расстроилась.

– Ладно, сил у меня всё равно не было. Как здесь оказались вы, господин?

Иерхарид посмотрел на неё, и Майяри отметила, что глаза у него были не голубые, а жёлто-голубые. Несколько секунд мужчина просто смотрел на них, а затем его прорвало и он начал рассказывать двум девчонкам, одну из которых совершенно не знал, обо всём, что произошло. О собственном похищении, о роли сестры, о своей вине, о событиях многовековой давности, касающихся Сумасшедшего хайнеса, – всё! Страх за детей, непонимание и ярость из-за поступка сестры, чувство вины, отчаяние лишили его привычной выдержки, раскололи, разбили, и он говорил, говорил, говорил... И с каждым сказанным словом ему становилось легче, мысли прояснились, правда, спокойствия за судьбу детей не прибавлялось.

– Ваш отец жив? – Лирка слушала хайнеса, широко распахнув глаза от изумления. Далёкая от политики, жизни верхушки общества и вообще от этой мутной истории, она была ошарашена и местами плохо улавливала суть.

– Мой отец мёртв! – твёрдо и уверенно произнёс Иерхарид. – Этот самозванец мне не отец. Я бы узнал его. Конечно, можно сказать, что время и морщины сильно меняют облик, но в этом... – мужчина запнулся, не зная, как назвать старика, – в нём нет ничего от моего отца. Это какой-то лишенец без зверя, а мы – снежные совы – без зверя жить не можем. Умираем сразу же. Я не понимаю, как он смог убедить Изу. Или отцом притворяется кто-то другой?

Майяри припомнила портреты хайнеса Озэнариша и его брата Игренаэша. Деший действительно не был похож ни на одного из них. Только если цветом глаз, но голубые глаза не так уж редки. А если брать выражение глаз, то по холодности они ближе к изображению хайрена Игренаэша, но вот мягкая улыбка, как понимала Майяри, была более свойственна хайнесу Озэнаришу. Нет, нет. Деший действительно не похож на них внешне. Даже если представить, что они постарели и покрылись морщинами. Нос не тот, подбородок другой...

– А кто такой Иргад? – неожиданно поинтересовалась Лирка.

– Иргад? – повторил бывший хайнес.

– Ну да. Ваша сестра утверждала, что её признание слышал только отец. И этот Иргад. Ваш отец мёртв, а он...

Иерхарид покачал головой.

– Нет. Иргад тоже мёртв. Он умер за три года до... официальной смерти моего дяди, а по факту моего отца. Он был одним из двух учеников хайрена Игренаэша.

У Майяри томительно засосало под ложечкой.

– Ученик хайрена? – повторила она. – Он... точно умер?

– Я видел тело.

– А как он умер?

– Участвовал в охоте на магов, практикующих запрещённые ритуалы. Попал в засаду и погиб, – помолчав, Иерхарид зачем-то добавил: – Ему голову отрезали.

Ранхаш окинул оценивающим взглядом свою работу. Чёрные пластины закладок прекрасно сливались с каменной поверхностью, но на самой кладке плиты быстро отсыревали. Впрочем, он щедро усыпал стену закладками по сухому камню, а от их огня займётся и влажный взрывной порошок. Теперь можно идти в поселение и найти место, где держат хайнеса. Скорее всего придётся вернуться из огромной пещеры в лабиринт коридоров.

Жители собрались на небольшой площади под огромным фонарём и что-то бурно обсуждали. Ранхаш отметил, что в толпе есть и женщины, и дети, и старики. Ему даже показалось, что где-то плачет младенец. Жители делились на несколько групп, стоящих немного отдельно друг от друга. Одного взгляда на самую большую из них хватило, чтобы понять: шваль бандитская. Другие посматривали на них с плохо скрываемым презрением и высокомерием. Вот среди этих других Ранхаш отметил и оборотней с военной выправкой, и горделивых господ явно из высшего сословия.

Прислушавшись, харен понял, что говорят в основном о событиях в городе и о новом хайнесе. А ещё о разборках, стычках с горожанами и погибших. Взгляд его зацепился за чернобородого мужчину, который пришёл со стороны лабиринта коридоров и, отловив в толпе двух дюжих мужиков, потащил за собой. Ранхаш неслышно, как тень, последовал за ними и вскоре приблизился настолько, что смог расслышать тихий разговор.

– ...к зверинцу. Там сейчас наша птичка с двумя барышнями. За одной из них особо присмотрите и на тщедушный больной вид не ведитесь. Опасная тварюха! Из этих, каменолобов. Из хаги. Мы на неё ошейник надели, но вы всё равно с ней поопасливее.

Ранхаш резко остановился.

Майяри? Сердце запнулось.

Всколыхнулась перепуганная жуть, паника горячей кровью бросилась в грудь, и Ранхаш пошатнулся.

Майяри здесь? Что они сделали с ней? Перед глазами помрачнело.

Он многие годы имел дело с преступниками разных мастей. А Майяри... его Майяри сейчас была слаба. А что с Шидаем? Почему он не защитил? Сердце опять споткнулось. Ритм нарастал, но сбивался, перед глазами поплыли круги, грудную клетку заломило.

Что с отцом? Липкий ужас пополз по венам.

Острая боль кольнула сердце, кровь бросилась в голову, Ранхаш пошатнулся, но заставил себя выпрямиться.

Майяри где-то здесь. Надо найти её. Он шагнул вперёд.

Ритм сердца стал ровнее, дышать стало легче.

Надо найти Майяри и вытащить её отсюда.

Зрение немного прояснилось, и мужчина тряхнул головой и безжалостно задавил паникующую жуть. Не время для страхов.

Сердечный стук опять сбился, ноющая боль прокатилась до брюшной полости и замерла там спазмом. Ранхаш упрямо стиснул зубы и сделал ещё шаг.

Грудь и спину обожгла новая боль. Боль от раскалившихся печатей. Тепло магии нырнуло внутрь, обволокло сердце и мягко встроилось в его работу, успокаивая и выравнивая стук. Облегчённый вздох сорвался с губ.

Отец жив.

По крайней мере пока.

Ранхаш поднял голову и мрачно уставился на уже поднимающихся по лестнице оборотней.

Глава 15. Три химеры

– Голову? – Майяри почудилось что-то знакомое.

– Да, он был химерой. Наверняка вы знаете, что у них несколько сердец и проще отрезать голову, чем искать все.

– То есть как химерой? – девушка напряглась ещё больше. – Как хайренИгренаэш?

– Нет, – господин Иерхарид отрицательно покачал головой, – они из разных родов. Иргад был из рода Харый, облик их зверя восходит к Зиблу. А зверь дяди восходил к Юаибе, его мать, моя бабушка, была из рода Южвый. И его второй ученик был из рода Южвый. Их называли тремя химерами.

Иерхарид невольно припомнил дядю и его учеников. Вместе. Что это был за день, бывший хайнес уже выцепить из памяти не смог, но светило солнце, от земли шёл жар, а над головами шумели дубовые кроны. Они стояли рядом, парни смеялись, а хайрен взирал на них с едва заметной улыбкой.

Иргад – высокий, широкоплечий, с тонким гибким станом, иссиня-чёрными волосами до плеч, горбоносый, с длинноватым лицом и крепким, выдающимся вперёд подбородком, – внешность, характерная почти для всех представителей рода Харый. От других членов своей семьи он отличался только очень белой кожей, вызолотить которую не могло даже самое жаркое солнце, и насыщенно-голубыми глазами. Яркий, смелый, решительный, добродушно-насмешливый, он подал женские сердца одной только белоснежной улыбкой. Когда его убили, на дворец опустилась завеса искреннего траура. Талантливый, красивый, стремящийся к жизни... У Иерхариды вновь тоскливо сжалось сердце.

Орид был куда ниже ростом, более тонок телом, не так красив, как Иргад, но притягивал взгляды не меньше. Юркий, подвижный, как вода, с длинными светлыми волосами, разлетающимися на ветру тонкой паутиной, и ехидными серыми глазами, он покорял окружающих своими рассказами, язвительными шутками и порой злыми выходками. Сорвиголова, он никогда не сомневался, ныряя в очередную авантюру или вступая в схватку. Скольким женщинам при дворе он разбил сердца!.. Дяде раз за разом приходилось проводить с ним суровые воспитательные беседы, пока эта погибель женских душ не женился. После свадьбы он стал меньше появляться во дворце, а после смерти жены во время родов и вовсе полностью посвятил себя сыну.

И дядя, хайрен Игренаэш. Высокий, с широкими плечами, длинными белоснежными волосами и такой же белой кожей, он производил впечатление очень строгого учителя. Красивое лицо с правильными чертами, насыщенно-голубые глаза, почти бескровные не улыбочивые губы и нежные пальцы. Иерхарид передёрнулся, вспомнив, какими ласковыми могли быть его руки. Он ведь любил дядю. Любил и верил, что тот является самой надёжной поддержкой отца. Сочувствовал, когда видел тоску, мелькающую в глазах хайрена при взгляде на женщин.

Три химеры – учитель и два ученика. На них было радостно смотреть. Полный любви к жизни Орид, красивый и влекущий Иргад и строгий, рассудительный, пусть и немного холодноватый хайрен Игренаэш. Способные, талантливые и очень смелые.

По образам трёх мужчин побежала трещина, и они померкли, помрачнели.

Все трое мертвы.

Сперва Иргад, потом якобы «хайрен Игренаэш», следом Орид, а затем уже по-настоящему хайрен Игренаэш. Всем отрезали головы. Для химер такая насильственная смерть вполне обычна.

На сердце стало ещё тяжелее. Так прекрасно было прошлое и как отвратительно всё завершилось.

– И они хорошо ладили между собой? – Майяри никак не могла понять, что же её зацепило в рассказе хайнеса. Смутное волнение, предчувствие разгадки тревожило её.

Иерхарид вздрогнул, выныривая из воспоминаний, и, видя искренний интерес девушки, покорно ответил:

– Очень хорошо. Иргад пользовался особым покровительством хайрена Игренаэша. Только перед самой смертью Иргада в их отношениях появилась какая-то напряжённость, но вроде бы дядя не одобрял рвение своего ученика на поприще борьбы с преступностью. Он его берёт. Аизела, жена дяди, тоже была из рода Харый.

– Жена?

– Они развелись.

Иерхарид стянул верхнее одеяние и набросил его на девушек, как одеяло.

– Она слишком любила лезть в дела дяди, а ему это не нравилось. Я предполагаю, что она что-то узнала о его планах... возможно. И сама это не поняла, иначе бы дядя стал вдовцом, – помолчав, мужчина добавил: – Но сам он как-то сказал отцу, что она слишком амбициозна и хочет того, что получить невозможно.

– И она жива?

– Нет, умерла более трёхсот лет назад. Не знаю, что там случилось, но у неё не выдержало сердце. Вроде что-то ужасное. Я всего несколько лет как стал хайнесом и разбирался с беспорядками. Но она не поддерживала связь с дядей. Была очень обижена на него. Он же за её судьбой следил. Тогда мне казалось, что это оттого, что он чувствовал что-то к ней, сейчас же считаю, что он просто боялся. Но не думаю, что те события связаны с нашей историей, – мужчина окинул взглядом зверинец и замер, смотря на огромного хищного зверя, не сводящего с него пламенеющих звёздчатых глаз.

– Но есть кто-то из вашего прошлого, кто знает так много о вашей сестре. Или кто-то из вашего окружения много знает и много болтает.

– В моём прошлом было много тех, кто любит болтать.

Майяри выбралась из объятий подруги и, усевшись, осмотрелась уже с большим вниманием. Ярость тварей её ничуть не пугала, а они сами вызывали удивление. Причём не очень-то сильное: с гавалиимской живностью им не соперничать.

– Кто это? – девушка вопросительно посмотрела на хайнеса как на самого взрослого и знающего в их компании.

Тот отрицательно мотнул головой.

– Ни с чем подобным ранее не сталкивался.

– Здесь есть и малыш, – Лирка кивнула на клетку, где шипел и плевался от ярости детёныш с глазами разного цвета: красным и голубым. Озноб прошёл по спине, и девушка потопилась отвернуться, но потом вновь, словно её что-то манило, посмотрела на зверёныша.

– Что-то с ними не так.

Иерхарид втянул носом воздух, глаза опять слегка пожелтели. Майяри попыталась нащупать магию – а она здесь должна была быть, – но лишь ошейник слегка потеплел, что тоже неплохо: значит, есть что сдерживать.

– Господин, – взгляд девушки упёрся в пол, в многочисленные письмена, покрывавшие его, – вы...

– Я видел.

– Но ведь это символы алфавита хайрена Игренаэша, – Майяри возбуждённо подалась вперёд, жадно приныкая лицом к решётке. – Господин Иерхарид, почему вы считаете, что прошлое, история с Сумасшедшим хайнесом, никак не связано с нынешними событиями? Везде, его символы встречаются нам везде.

– Яри, мой дядя не имеет отношения к... – бывший хайнес осмотрел помещение, – к этому. Мой дар... – оборотень на несколько секунд умолк и напряжённо взглянул на Лирку, –

мой семейный дар позволяет мне видеть будущие события. Весьма туманно и при соблюдении множества условий... Он несовершенен... Нет, я не прорицатель, это скорее можно назвать обострённой интуицией. И этот же дар позволяет мне понимать, кто замешан в каких-то событиях. Если правильно задать вопрос. Впрочем, помогает он не всегда... – мужчина помрачнел, затем нервно улыбнулся. – Когда я задаю себе вопрос, мёртв ли хайрен Игренаэш, я чувствую, что он мёртв. И мой отец тоже. Они не могут быть участниками этих событий. Но я согласен, что это кто-то из старых знакомых, который знает очень многое и пользуется этими знаниями.

– Давайте подумаем, – Майяри прижалась лбом к решётке. – Есть кто-то, кто хорошо знает ваше прошлое, отношения в вашей семье и различные события. Вероятно, он хорошо знал хайнеса Озэнариша, иначе как бы он обманул вашу сестру. Этот кто-то также может использовать алфавит хайрена Игренаэша. Сам хайрен был очень скрытным и никому свои знания не передавал... Тёмные! – девушка сердито зашипела. – Я не могу поверить, что он совсем ничего не рассказывал своим ученикам. Зачем тогда вообще брать учеников? Кто ещё имел доступ к его разработкам? После смерти хайрена же пытались разобраться с защитой дворца.

– С защитой дворца пытались разобраться уже при мне. И я попросил помочь учителя дяди, господина Ахрелия, с которым ты имела знакомство.

Главный хранитель санаришской сокровищницы? Майяри удивлённо приподняла брови. Хотя действительно, кому, как не бывшему учителю, разбираться в творениях ученика.

– Но он не смог подобрать ключ к алфавиту. А больше никому я это дело не доверил.

Майяри опять вперила взгляд в печати. Видя готовые работы с использованием алфавита хайрена Игренаэша, она могла бы уловить принцип совмещения символов между собой, если бы знала о предназначении печатей. Отметила знаки из других алфавитов, которые выступали связующими звеньями. Всё же хайрен Игренаэш был гениален. Создать такую сложную, но гибкую систему... Только вот как эти печати активизируются?

– Я тоже был удивлён, когда Орид заявил, что ничего не знает о разработках дяди. Его тогда вызвал на приём... Сумасшедший хайнес.

– Сумасшедший же был вашим дядей, – нахмурилась Лирка. – Зачем он вызывал своего ученика и спрашивал у него, знает ли тот что-то? Он сам не помнил?

Иерхарид пожал плечами.

– К тому времени он уже был не в себе. Может, он действительно что-то не помнил. Может, опасался, что Орид всё же что-то знает. А может, знал, что Ориду кое-что известно, но тот не захотел говорить. В любом случае он уже мёртв.

– Но в его доме могли быть какие-то бумаги хайрена, – заметила Майяри. – Если у хайрена начались проблемы с памятью или он опасался, что Орид воспользуется его наработками, то вполне понятно, почему он захотел ими завладеть. А потом эти записи могли попасть в другие руки. Кто же этот Деший? Я прожила в Салее слишком мало... Мне он не мог кого-то напомнить.

– Я видел его один раз, но и мне он не показался знакомым. И вообще, Яри, ты слышала, что хитроумные преступники, как художники, жаждут признания и поэтому делятся своими замыслами, когда те успешно воплотились или, наоборот, провалились? – дождавшись кивка, Иерхарид продолжил: – Так вот, этот Деший не художник.

Дверь зверинца бесшумно шевельнулась, но Лирка и господин Иерхарид тут же перевели на неё взгляды. Внутри вошёл недовольный черноволосый мужчина с криво посаженной бородой. В одной руке он держал большой кувшин с водой, а под мышкой зажимал каравай хлеба. Следом зашёл рыжий верзила с копьём в руке.

– К стене, склады, – просунув оружие между прутьев, он заставил Лирку и бывшего хайнеса отступить подальше от дверцы, а вот Майяри лишь пальцем отвела от своей груди остриё и обессиленно привалилась к решётке.

Чернобородый дёрнул дверцу на себя, та покорно отворилась, и он, быстро поставив внутрь кувшин и бросив хлеб, захлопнул её. Майяри успела заметить, как он зигзагообразно провёл ногой по одной из печатей.

– Уважаемый, – она устало посмотрела на брюнета, – а животные крепко заперты? А то нервно как-то...

– Да ты не бойсь, краля. Если эту хренотулину не трогать, – рыжий, насмешливо осклабившись, кивнул на одну из печатей, – то сидеть будут, пока не сдохнут. А уж если все разом выскочат, то... – он зловеще хмыкнул и щёлкнул пальцами по решётке, – разнесут за секунды. У-у-у, Тёмные духи!

– Молчи, – мрачно осадил его бородатый. – Пошли отсюда.

Оборотни направились на выход, но рыжий, издеваясь, делал вид, что вот-вот наступит на те самые открывающие печати.

– До встречи, барышни. Ещё свидимся, сильнейшество!

Дверь захлопнулась, и Иерхарид ошеломлённо моргнул.

Сильнейшество?

– Господин? – Лирка обеспокоенно посмотрела на него.

– Услышал кое-что знакомое...

– Что? – мгновенно насторожилась Майяри.

– Мелочь...

– В мелочах скрыто самое важное. Меня ловили из-за мелочей.

– Ловили? – удивился бывший хайнес, но сразу же понятливо поморщился. – Сильнейшество... Это обращение. Кто-то ко мне уже так обращался в прошлом. Не могу вспомнить кто...

– Вспоминайте. Лирка, подвинься.

Майяри расчистила место и осмотрелась в поисках чего-нибудь острого. Но не нашла даже камешка. Взгляд её упёрся в кувшин.

– Воду нужно выпить, – правильно истолковал её взгляд господин Иерхарид. – Силы нам ещё понадобятся.

Он разломил хлеб на три части, самую маленькую протянул Майяри – та всё равно не смогла бы съесть много, а они с Лиркой почти целы и им потребуются силы, чтобы пробить путь к свободе. Если выпадет шанс. А вот вода...

– Тебе нужно выпить побольше, – мужчина посмотрел на Майяри. – Выглядишь, Яри, совсем печально.

Через несколько минут бывший хайнес голыми руками разломал кувшин – так было тише, чем если бить его о пол, – и Майяри начала сосредоточенно карябать линии.

Кажется, она всё же смогла понять принцип работы Игренаэшевского алфавита. Ей же теперь известна одна печать, предназначение которой она знала.

– Кого первым-то взять? – охранник пошкрябал лысую голову грязными ногтями и уныло осмотрел слабо шевелящихся магов: верёвки им затянули безо всякой жалости.

– Может, вон ту? – товарищ указал на тоненькую женщину, лежавшую, скукожившись, на боку. – Господин с ней закончит, а мы потом её... – он похабно подмигнул.

– Тш-ш-ш-ш! – на него сердито глянули. – Господин же разозлится, если узнает.

– Если узнает.

– Эй, – среди лежащих вповалку магов зашевелился и попытался сесть худой мужчина с залысиной на голове. Ему это удалось, хоть и не с первого раза. – Я директор жаанидыйской школы. Если вы собрались куда-то тащить моих учеников, то я пойду первым.

– Ну раз сам напросился...

Охранники шагнули вперёд и подхватили главу школы под локти.

Глава 16. Пути в подземный город

Налетел порыв свежего ветра, и Лоэзия, ещё плотнее стянув ворот шубки, теснее прижалась к боку сидящего рядом мужчины. Они с господином тёмным сидели на гребне крыши и смотрели на город, на текущие по его улицам в свете фонарей и ночных светил толпы. Слушали крики, гневные и радостные, песни, плач... Порой на глаза девушки ложилась крепкая мужская ладонь, и она была искренне за это благодарна. Два раза они меняли место, так как господин считал, что открывавшийся вид неблагоприятен для взора маленькой девочки. Изредка улицы сотрясала дрожь, спугивающая личностей, привносящих в городской облик «неблагоприятное».

Они пришли в город пару часов назад и сразу же у ворот столкнулись с дракой. И это была страшная драка. Видела сражения Лоэзия редко, чаще просто слышала, как в ту ночь, когда они с Майяри попали в неприятности, но ещё ни разу ей не доводилось видеть битву одной толпы против другой. Господин Ёрдел что-то сделал (Лоэзия была уверена, что это он), сражающиеся попадали на землю, а сам тёмный со своей ношей нырнул в одну из подворотен, уходя подальше от шума.

Лоэзия очень испугалась, даже пожалела, что они вернулись в город, но, вспомнив о Марише и Юдрише, забеспокоилась уже о них. И теперь высматривала с крыш их.

– Господин, вам не кажется, что люди начинают успокаиваться? – девушка с надеждой посмотрела на Ёрдела.

Тот не отозвался. Но да, народ начинал вести себя спокойнее. Уже можно было отличить отряды, которые отлавливали мародёров, от собственно мародёров. Улицы начали очищать от пострадавших, вокруг горящих домов суетились фигурки, по мостовой с громким дребезжанием неслись телеги борцов с огнём, всё чаще и чаще попадались на глаза фигуры, облачённые в длиннополые серые плащи с капюшонами. Ёрдел подумал было, что это какие-то особые стражники, но Лоэзия с удивлением признала в них жрецов какого-то Врака.

Ёрдел в очередной раз прислушался к ощущениям. Сестра до сих пор была где-то во дворце, видимо, в подвале. Он не беспокоился: харен был рядом. Он слышал это от коренастого оборотня, который вёл в сторону дворца внушительную толпу воинов. Ёрделу они не показались обычными стражниками.

«Харен туда сунулся, уже больше четырёх часов прошло. Пока вылез, пока нашёл...»

Кряжистый очень злился на задержку.

Но Ёрдел был уверен, что с хареном всё в порядке. Сестру он чувствовал очень хорошо, значит, она жива. А раз жива она, то и муж её должен быть жив. Похоже, они сидят на одном месте и терпеливо ждут подмогу.

Наверное, ему не стоит вмешиваться в дела сестры так часто. С ней муж. Плохое случается, когда его нет рядом. Он как артефакт от неприятностей.

На перекрестье двух улиц опять сошлись две толпы. Судя по всему, горожане. Чуткий слух Ёрдела с лёгкостью улавливал их голоса, но слов было много, сложить их в связный текст не всегда удавалось.

– С хайнесом уговорились...

– ...бросайте воевать...

– Да это потаскуны хайнесовы!

– Смотри, смотри, Леш! Да это ж та хляда, что дом наш жгла!

– Не слушайте их, мужики! Раздор сеют!

– А ты ж гляди, и верно!

В обеих толпах нашлись оборотни, опознавшие мародёра, и всем стало не до хайнеса и уговоров с ним. Зрелище опять грозило стать неблагоприятным для «глаз ребёнка». А «ребёнок» смотрел очень внимательно.

– Забирайся.

Ёрдел повернулся к Лоэзии спиной, и та, бросив разочарованный взгляд на шумящих горожан, навалилась на его спину и крепко обвила руками. Тёмный спокойно добрался до края крыши и, ловко и быстро перебирая руками, спустился вниз. У него это получалось так легко, что Лоэзия невольно залюбовалась. Внизу живота ёкнуло, и по ногам побежала волна тепла. Захотелось прижаться чуть сильнее, уткнуться носом в горячую шею (окаменевшей она была лишь частично), и Лоэзия не стала себе отказывать. В конце концов, она сегодня даже целовала господина тёмного и вообще вела себя очень вольно. Может быть, ей уже не суждено вернуться к прежней размеренной жизни.

Спустившись, Ёрдел подхватил Лоэзию под колени и спокойно пошёл дальше, неся её на спине.

– Нетяжело? – робко спросила девушка.

Ёрдел не стал отвечать. Разве требуется ответ?

Внутри – Кающийся называл это душой – было легко. Странное чувство... словно ты становишься живым сильнее, чем раньше.

– А мы куда?

– За едой.

Тщательно пригладив вислые усы, хозяин окинул взглядом пустое помещение таверны и принялся чистить стаканы. Обычные завсегдагаи «Рьяного Игга» полезли на городские улицы как пырь, и в этом труппном местечке стало безопаснее, чем в любой уважаемой части города. Оборотень любовно отёр закопчённую фигурку духа-покровителя.

– Скучота, – один из вышибал у двери зевнул, и хозяин недовольно на него цыкнул.

Скучота лучше погрома. Их-то, конечно, не каждый рискнёт громить, но мало ли что в запаре случится.

Дверь хлопнула, вышибал обдало ночной весенней свежестью, но никто не зашёл. Хозяин напрягся. Вроде и за дверью никто не стоял, но вот нутром он чуял, что не просто так она хлопнула.

Тёмный появился уже на середине пути от порога к стойке. Просто из воздуха вынырнул уже шагающим. Так он ещё не появлялся, и хозяин с непривычки обомлел и не сразу заметил, что хаги пришёл с грузом. Обоняния коснулся нежный цветочный запах, немного молочный, детский, а затем оборотень обратил внимание на тонкие руки, обвившие шею тёмного.

Гость молча подошёл к стойке и выложил на неё истёртую с одной стороны монетку. Как всегда, чтит традиции.

– Еды. Для ребёнка.

«Ребёнок» зашевелился, откинул капюшон, и у хозяина сердце захолонулось. На него смотрело серыми глазами нежнейшее создание с серебристыми волнистыми волосами и прелестным личиком, кои ему доводилось видеть только в окнах проезжающих по улицам богатых карет, но никак не в своём заведении. Создание огляделось с испугом и интересом и доверчиво прижалось личиком к плечу хаги. Только большие глаза и остались видны.

– Молока? – голос осип, пришлось прокашляться. – Кашки?

– Молоко. Мясо. Хлеб, – заказал уже привычное тёмный. И, задумавшись на секунду, добавил: – Кашу.

А хозяин уже успел бегло осмотреть платье госты, отметить его отменную дороговизну, убедиться, что перед ним не какая-то там продажная девка (пусть даже из самых дорогих), и кое-что припомнить.

– Эй, Лашка! – зычно позвал он.

– Чего ещё?! – парень высунул недовольную рожу из кухни. – Ох...

Глаза его потрясённо округлились, но глупость сморозить парень не успел: вышибала, тот, что посообразительнее, показал ему кулак за спиной гостей.

– Неси молоко, кашу, мясо и хлеб. И прибор, – хозяин многозначительно приподнял брови.

Тёмный тем временем забрал монетку, сгрузил свою ношу на скамью рядом с печью и помог выпутаться из меха. Красота «ребёнка» стала очевидной всем, и вышибалы завистливо заворчали, но умолкли сразу же, стоило хаги посмотреть на них.

– Тут один уважаемый оборотень искал недавно тёмного хаги, – хозяин нервно облизнул губы. – Уж не обессудь, сказал, что бываешь здесь, а кого он точно ищет, я и не знаю. Вроде бы что-то тот тёмный у него стащил... – оборотень нервно взглянул на девочку, осматривающуюся с искренним интересом. Видать, в таких местах бывать ей не доводилось.

– Кто?

– Да некто на «М», – уклончиво отозвался хозяин.

– Мариш, – тёмный понял сразу.

– Мариш? – девушка радостно встрепенулась. – Он был здесь? С ним всё в порядке?

Что станет с такой бедой? Но это хозяин благоразумно придержал при себе.

– Он сейчас занят, – совершенно спокойно заявил хаги, усаживаясь.

Чем занят Мариш, имя которого не всем смелости хватало произнести, почтенный Игг уточнять не стал. Только подал знак вышибалам, чтобы прикрыли двери, мол, закрыты они сегодня. Хватит с него посетителей. Приволочётся какая-нибудь пьянь, прицепится к девчонке, и поди пойми, как на этот отреагирует тёмный. Мыслит-то он совсем странно. Такую аппетитную кралю за дитя считает.

Из кухонной двери с подносом в руках вынырнул Лашка. Хозяин сперва оглядел посуду, лучшую ли выбрал, и только потом глянул на подчинённого. Лицо от воды блестит, кудри приглажены, даже рубашку чистую надел, подлец! С широкой улыбкой подавальщик выставил перед гостьей кушанья, а затем с великим почтением положил серебряный прибор: ложку, вилку и нож.

– Десерт когда изволите видеть?

Игг с трудом сдержал грубое «Пшл отсюда, мерзавец!».

– Иди на кухню. Господин сам позовёт, если госпоже будет что-то угодно.

Эх, ну всё же тёмный не дурак! Какую красоту уволок... Только вот у кого... Игг помнил, что о дочери Бодья говорят как о красавице. А кто-то бает, что Мариш ей отец. Не по крови, но из обидчиков мстительный дворецкий всю кровь вытянет вместе с жилами.

Лоэзия с удивлением вертела в руках ложку. Впервые господин тёмный добыл еду вместе с прибором. Такая роскошь!

Ёрдел истолковал замешательство девушки по-своему.

– Наловить мышей? – совершенно серьёзно предложил он.

– Нет!!! – Лоэзия рывком притянула к себе кашу.

– Господин... господин... умоляю... это здесь...

Мариш с холодным презрением взглянул на переломанного оборотня, которого под руки тащили его подчинённые, а затем осмотрел обросшую лишайником стену. И поманил к себе мага. Тот торопливо, но тщательно ощупал кладку и уверенно мотнул головой. Отрицательно.

– Господин, нет! – завопил перепуганный оборотень. – Ворота здесь, здесь! Надо просто по-особому тронуть. Я открою, я сам открою!

Мариш взглядом велел подтащить пугливую тварь ближе к стене.

Выловить в городе четверых подозрительных оборотней труда не составило. Тем более уже распространился слух о фальшивых бородачах, а кому, как не отъявленным злодеям, с одного взгляда распознать фальшивку?

Говорить, правда, захотели не все. Но последний, насмотревшись на допросы товарищей, всё же разоткровенничался. Но тоже не сразу. Даже странно. Мариш видел в них обычных бандитов, а те редко бывают отягощены моральными принципами и преданностью. И этот напрямую ничего не говорил, знаками всё показывал, за что его и поломали.

Сломанными руками много не понажимаешь, и пленник просто кивал, куда давить. Внутри стены глухо заворочалось, появилась дрожь, и прямоугольная плита ушла внутрь. Туда сразу же нырнули двое оборотней, и через минуту донеслись отдалённые стоны. Ещё через минуту вернулся один из разведчиков и показал, что путь свободен.

Мариш знаком велел убрать пленника.

– Нет, стойте... стойте...

Но дворецкий уже шагнул в проём, а следом за ним потянулись подчинённые. Тёмные молчаливые силуэты заполнили улицу, появились на крышах и стенах. Множество чёрных фигур с жутковатой неотвратимостью втягивались в отворившиеся ворота.

Мариш хотел разобраться с проблемой как можно быстрее.

– Дворец почти пустой, все разбежались, – Вахеш покачал головой и оглянулся.

Свет факелов отражался на волосах следующих за ними оборотней, по большей части сероволосых. Консер Хеш отправил с ним своих лучших бойцов, ещё и пара кузенов присоединилась. Остальные были в городе, разбирались с мятежом, не позволяя ему вырваться за пределы города. Тюрьма уже была переполнена.

– Да не только дворцовые, – идущий впереди Идрай зло сплюнул. – Стражи доискаться не смог. В сыске пожар вообще занялся, ребята кто где...

– За Ранхаша не переживайте, – попытался успокоить его Вахеш, – он из крепкого теста замешан.

– Да плевать я хотел на харена! – фыркнул Идрай. – Если его схватят, эти твари нас ждать будут, вот что неприятно. Э-э-э... ну что я говорил? Вот же суки!

Он встал перед разломанным проходом, который вновь оказался засыпан. Вахеш оттеснил его плечом и распорядился:

– За работу.

– Подсунь сюда! Да живее, живее!

Стража вместе с магами и военными суетилась под стенами города в месте, где исчезли нападавшие с похищенными. Открыть проход так никто и не смог, да и времени разобраться с ним не было, поэтому кладку сразу же начали ломать.

Огромная плита с хрустом под натужные крики выломалась из стены и поползла по насыпи вниз.

– Есть, нашли!

– Так, сперва разведаем.

Пара военных нырнула во влажную темноту.

– Все мастера, которые не ранены, ко мне! – распорядился мастер Резвер. – Мадиш, даже не смотри в эту сторону! Ученики боевого отделения присматривают за остальными, и все двигаются к заставе!

– Чисто!

– Ну пошли! Давайте, времени уже много прошло!

Глава 17. Смерть Хайнеса

Когда дверь зверинца шевельнулась в следующий раз, внутрь вошёл уже сам Деший. Мгновенно всполошились и разъярённо завыли звери в клетках. Встрепенулась успевшая задремать Лирка, настороженно подобрался Иерхарид, только Майяри казалась спокойной и чинно сидела на коленях, разложив вокруг себя юбки. На неё и посмотрел Деший. Ласково, почти по-отечески, и, самое противное, в его взгляде чудилась искренность. Майяри бы, может, даже поверила, что старик задумал действительно нечто, способное изменить мир к лучшему. По его мнению. Но она помнила эту же ласковую улыбку и холодный взгляд в день их первой встречи. Когда умерла Рена. В душе занялась ненависть, руки затряслись от негодования, и спокойствие всё же изменило ей.

– Как можно обращаться к господину? – едва сдерживая ярость, спросила она.

Перед внутренним взором стоял Виидаш, сжимающий в объятиях Рену. Убитую им самим Рену.

– О, как будет угодно, моя дорогая, – кротко пропел старик, подходя ближе и опускаясь перед клеткой на колени. – Я ношу много имён, если вы наградите меня ещё одним, буду с радостью носить и его. Как ваше здоровье?

– Вашими стараниями с осени поправить не могу.

– Что вам нужно? – в разговор вступил Иерхарид. – Надеюсь, вы пришли наконец-то высказать свои требования.

– Увы, но я пришёл поговорить с госпожой Майяри, – во взгляде Дешия мелькнул холод и, как показалось Майяри, сдерживаемая ярость. Нечто подобное она иногда видела в глазах деда, когда выдержка изменяла ему. – Так уж вышло, что у неё есть кое-что, что мне очень-очень нужно. Артефакты, моя дорогая хранительница. Несколько милых безделушек, что передал тебе старик Ахрелий и которые ты так бездумно приняла.

– Разве они не в сокровищнице? – Майяри чуть удивлённо посмотрела на хайнеса.

– О, какие прекрасные лицедейские таланты, – умилился Деший. – Мы оба знаем, что нужных артефактов там нет.

Хайнес удивлённо посмотрел на девушку.

– Я отдала все украденные из санаришской сокровищницы реликвии, – не согласилась с упрёком девушка.

– И ещё два артефакта уважаемый господин Ахрелий добавил от себя. Дитя, к сожалению, я не располагаю временем для долгих споров. Где они? Кое-что, похожее на перекрестье Хведа, и крупный изумруд.

– Перекрестье Хведа было отдано в сокровищницу, изумруд же среди украденного я не видела, – если с первым Майяри лукавила, то второе было чистой правдой. Для неё вообще стало открытием, что тот, неизвестный ей артефакт, был изумрудом.

– Вот как, – Деший перестал улыбаться. – Артефакты в сокровищницу хайнеса передал харен. Так, может, ему известно больше?

Майяри напряглась. Деший повернул голову к выходу и, перекрывая вой зверей, распорядился:

– Заводите.

Дверь опять отворилась, и внутрь в сопровождении двух оборотней зашёл Ранхаш. Сердце испуганно сжалось, и Майяри вскочила на ноги. С губ едва не сорвалось отчаянное «Господин», но, закусив губы, девушка лишь вцепилась в прутья, продолжая широко раскрытыми глазами смотреть на харена.

Душа обмирала от страха.

Если не боги, то пусть семья убержёт его. Вотые не должны оставить его. Даже в таком хаосе, когда привычный порядок рушится, они должны думать о своих потомках.

Крупницы здравого смысла ей вернуло только спокойствие харена. На мгновение его ровный холодный взгляд показался ей странным. Майяри уже привыкла, что при взгляде на неё взор Ранхаша меняется, оживает, становится ярче и жарче. А тут никакой искры.

– Харен сам решил нанести нам визит, – Деший доброжелательно взглянул на главу сыска. – А тут такая встреча с... воспитанницей. Я не ошибаюсь?

Майяри промолчала. Сам пришёл? Обманул её, сказав, что взял бы с собой, будь она здоровее, она-то решила, что раз так, значит, ничего опасного он не задумал.

Разозлиться на возлюбленного не получилось.

Но раз он сам пришёл, то, вероятно, у него есть какой-то план. Его спокойный, ничего не выражающий взгляд только подтверждал это. Ей следует тоже взять себя в руки.

Майяри отступила от решётки и опять опустилась на пол.

– Харен, у нас возникли разногласия с вашей юной воспитанницей. Увы, но она запомнила, где артефакты, а дальнейшее их хранение может быть опасно для жизни. Может, вы образумите её?

В жёлтых глазах ничего не дрогнуло, даже зрачок не шевельнулся. В голове Майяри промелькнули неясные подозрения.

– Смерть Хайнеса, так? – не глядя на Дешия, уточнил харен.

– Да, он более известен под этим именем.

Харен медленно повернул голову и спокойно ответил:

– Все три части артефакта были отданы вору, известному под именем Сюсюкающий Лой. Где он сам и кому он мог перепродать части артефакта, мне не известно.

На несколько секунд воцарилась тишина. Чернобородый мужчина, стоящий у входа, испуганно посмотрел на своего господина, а тот... побелел. Даже в неясном свете зверинца было видно, как стремительно исчезла краска с его лица, как выбелились его щёки, налились яркостью голубые глаза.

– Ты лжёшь! – рявкнул старик, вскакивая на ноги. – Ты бы не отдал артефакт какому-то вору! Ты Вотый, а вы, Вотые, не упускаете из рук ничего важного. Где артефакты, где?!

Харен молча смотрел прямо перед собой. Майяри показалось это странным. Не сам холодный взгляд, а то, что Ранхаш упускает из виду собеседника. Может, его опоили? Приложили ментальной магией?

– Агорий! – старик круто развернулся и уставился на помощника. – Кто этот Лой? Кто он?

Тот растерялся, нервно отёр лоб, но припомнил:

– Да из воря. Ходил слух, что он не так давно сорвал крупный куш в городской сокровищнице и подался на запад. Но тут уж скорее в любую другую сторону. Не стал бы он честно трепаться о своих планах...

– Кому и что он продавал?

– Боги его знают, господин, – перепугано прошептал Агорий. – Кто ж знал, что он крупная рыба? Мы и не следили за ним.

– Ты врешь! – разъярённый Деший навис над плечом невозмутимого харена. – Вотые не выпускают ничего из того, что попало им в руки! Борлан не выпустил, и ты такой же!

Глава сыска даже не вздрогнул при упоминании почившего деда, а вот господин Иерхарид вскинулся и уставился на Дешия широко раскрытыми глазами.

– Борлан? – повторил он. – Ты сказал Борлан? Причём здесь Борлан?!

Деший перевёл по-звериному затравленный взгляд на него и уже искривил губы, чтобы что-то приказать, но дверь распахнулась вновь, и внутрь ворвался запыхавшийся оборотень. Что он сказал, сквозь вой животных различить не удалось, но старик покинул зверинец бегом.

– Стой! – рявкнул вслед Иерхарид, бросаясь на решётку. – Вернись!

Агорий, помедлив, всё же оставил харена у клетки и выскочил за господином.

– Ранхаш, – Майяри тут же подалась вперёд и попыталась дотянуться до оборотня рукой, но не смогла, а он не подумал придвинуться. Только проследил за ладонью взглядом. – Ранхаш, иди ко мне, я развяжу тебе руки.

– Похоже на ментальное воздействие, – рассеянно произнёс бывший хайнес. Дышал он тяжело, глаза лихорадочно перебежали с одной клетки на другую, а пальцы судорожно сжимали прутья. – Борлан, Борлан... Он знал Борлана. А если я опять ошибся, если вновь не почувял...

Лирка пихнула его в бок, пробираясь к решётке и пытаясь тоже дотянуться до харена. Её рука была подлиннее Майяриной, но достать до мужчины не смогла и она.

– А если это опять Игренаэш? – в лице бывшего хайнеса появилось что-то безумное, и он обхватил голову ладонями. – Я не почувствовал тогда, мог ошибиться и сейчас...

– Господин, – Лирка беспардонно дёрнула его за рукав, – попробуйте вы.

– А? Ах да...

Иерхариду не хватило какого-то вершка, чтобы ухватить харена за плечо. И эта неудача будто бы подломила его ещё сильнее. Усевшись на пол, оборотень закрыл лицо ладонями и глухо застонал.

– Я опять ошибся... Вновь...

– Господин, о чём вы? – раздражённо спросила Майяри.

– Алфавит дяди, Борлан, прошлое моей семьи... Слишком много совпадений.

Майяри поднялась и, отступив, посмотрела на начерченную печать. Она хотела воспользоваться ею позже, но раз так вышло...

– Но я был уверен, что дядя мёртв!

– Господин, скажите, Ерых Волапый жив? – неожиданно спросила бывшего хайнеса Лирка.

– Что? Я не знаю Ерых Волапого.

– Но вы можете сказать, жив он или нет?

Иерхарид на секунду задумался, а потом всё же неуверенно выдал:

– Мёртв...

Лирка удовлетворённо кивнула головой.

– Ерых Волапый действительно мёртв. Но его дальние родственники узнали об этом только спустя двадцать лет. Они успели принять его в своём доме, ссудить деньгами и просватать за него дочку соседей. Я услышала эту историю в одной деревне, когда шла в Жаанидый. Вольный по имени Рёвый был изгнан из шайки за кражу общих денег. То есть не изгнан, а сбежал. И его прежние товарищи искали. Скрываясь от них, он убил встречного оборотня и, воспользовавшись внешним сходством, подался под его именем в деревеньку родственников убитого, где того как раз ждали. Там он двадцать лет и прожил, пока его прежние... «друзья» не нашли. Я это к тому, господин, что кто-то из вашего прошлого мог скрываться не под своим именем...

– Я понял тебя. К Тёмным имена! Только лица, только реальные звания... Майяри, стой, рано!

– Но харен...

– Мы сейчас не сможем вырваться. Нужно ждать более подходящего момента. Пока они не трогают нас, не торопись. Всё же отсюда только один выход, и я уверен, что снаружи нас поджидает толпа охраны. Лирка, ты слышала?

Оборотница с готовностью кивнула. Майяри не могла сама активировать печать – сил было слишком мало, да и те запечатаны, – поэтому помочь должна была Лирка. У невлюблённой в харена девушки голова была холоднее, её не терзали сомнения бывшего хайнеса, и она, откровенно говоря, так и не разобралась толком в происходящем. Поэтому она могла осматриваться с большей рассудительностью и вниманием, чем другие пленники. В один момент её

привлекло странное колыхание тени. Такое она уже видела, и Лирку одолели подозрения, что сюда пробрался Лирой.

– Почему ты оставил их наедине?! Здесь есть хоть кто-то, кто действительно делает что-то полезное?!

Разъярённый Деший влетел в зверинец вместе с парой оборотней, следующих по пятам, и замер, смотря на пленников.

– Господин, мы нашли в доме харена вот это!

В зверинец, неожиданно ставший комнатой совещаний, вбежал ещё один мужчина. Майяри вновь дёрнулась, увидев в протянутых руках знакомый чёрный короб в локоть длиной. Боги, где харен хранил его? Мысли суматошно забегали. Он оставил его в доме с рябинами или в доме с елями? Что с господином Ъвашием и госпожой Пандар? Они живы? Их не убили?

Схватив короб, Деший раскрыл его и замер, уставившись в глаза лежащей на самом верху куклы. Деревянная, хорошо сделанная игрушка в роскошном платье. Словно насмешка. Вышвырнув её на пол, старик уставился на содержимое короба и в сердцах бросил его.

– Их здесь нет!

Из перевернувшегося короба на пол выкатились три тёмных кристалла, два из которых имели повреждения.

– Ребёнка нет, артефактов нет, хайнес больше не хайнес... Что ещё?

– Господин, немного времени, – попытался успокоить его Агорий. – Кто бы ни стащил ребёнка, далеко он уйти не мог...

– У нас нет времени! Волнения уже утихают, наших... наших друзей отлавливают, и в подземном городе уже небезопасно. Если харен смог проникнуть сюда, то нужно ждать новых гостей.

– Господин, кто-то прорвался через ворота!

Крик донёсся из коридора и повис в воздухе, ложась на души одних отчаянием, а других – надеждой.

Деший сжал губы. Ярость исчезла с его лица, сменившись угрюмой сосредоточенностью. Он окинул взглядом беснующихся зверей, будто пытаясь решить какую-то задачу. Досадливо скривился и отдал приказ:

– Нужно уходить.

На лице Агория мелькнуло облегчение. Совесть за брошенных товарищей его-то уж точно не ела.

– Этих забираем с собой, – Деший указал на харена и Майяри, – а этих, – тяжёлый взгляд достался Иерхариду и Лирке, – убить. Как только уйдём, активируем взрывные печати.

– Да, господин, всё правильно. А за наших, – Агорий, переживающий о душевных муках господина, попытался его утешить, – не печальтесь. Вылезут.

Но по виду Дешия нельзя было сказать, что он хоть о ком-то печалился.

– Позови тех, кто снаружи.

Дверь бухнулась и послышался лязг.

– Эй, вы там! – Агорий метнулся к выходу. – Что творите? А ну отворяйте, олухи!

«Олухи» его услышали, но вот приказ выполнить не смогли.

– С вашей стороны заперто... – донеслось глухое.

– Да какое с нашей?! – рявкнул Агорий. – Лязг... – он резко осёкся, вспомнив, что с лязгом дверь закрывается только в одном случае. Когда закрывается тайный внутренний замок, встроенный на случай, если твари опять вырвутся из клеток. Изнутри его никак не открыть, а снаружи не всякий сможет.

Даже рычание тварей стало тише. Они будто бы почувствовали замешательство запертых вместе с ними оборотней и прониклись им.

По зверинцу тихим чарующим эхом прокатился женский смех. Все сразу посмотрели на запертых в клетке девушек, но те тоже выглядели озадаченными.

Воздух рядом с клеткой, в которой сидел огромный зверь со звёздчатыми глазами, шевельнулся, и из густой тени вышагнула женщина.

Глава 18. Прах замысла

Йожира.

Рот Майяри приоткрылся от изумления, а господин Иерхарид с криком отчаяния бросился на прутья.

– Зиш!!!

Нагло улыбающаяся женщина держала на руках сонно шурящегося белокурого мальчика. Хорошенького хрупкого малыша.

– Зиш, мой Зиш... – бывший хайнес перешёл на шёпот, словно опасаясь криком причинить вред сыну, глаза начали стремительно желтеть, а железо в пальцах – натужно скрипеть. – Отдайте мне сына... Мой сын...

Увидев отца, Зиш распахнул глаза и требовательно потянул к нему ручки, но Йожира лишь тихо рассмеялась и издевательски-нежно подула на его кудри.

– Ах, – женщина сладострастно прикрыла глаза, – такое томительное волнение я не чувствовала с самой юности. Тогда я ещё была глупой девчонкой, верила в сказки и доверяла безумцам, – тёмно-синие, почти чёрные глаза из-под ресниц лукаво посмотрели на выпрямившегося и застывшего Дешия. – Вкусный, терпкий, возбуждающий аромат мести. Я даже не надеялась, что мне выпадет удача свести с тобой счёты.

Ни один мускул не дрогнул на лице старика. Шевеля только губами, он ровно спросил:

– Кто это?

Йожира засмеялась, а мальчик, испугавшись, заплакал.

– Я хочу к папе...

– Тише, Зиш, не плачь, всё хорошо, – Иерхарид чувствовал, что женщина безумна, и боялся, что детские слёзы выведут её из себя.

– Это Йожир, господин, – Агорий ошалело моргнул. – Точнее, Йожира. Помните, мы нанимали её, чтобы отловить ту скользкую барышню, Айяшию?

– Ты не говорил, что она женщина.

Агорий почувствовал холод в сердце.

– Я не счёл важны...

– Важны все детали, да? – издевательски пропела Йожира. – Не ожидал увидеть? Думал, я умерла, сгинула в большом мире? А я, – она ласково погладила Зиша по щеке, – выжила. Ручная кошечка сорвалась с выкованной тобой цепи, прошла под землёй и вышла в большой мир, где её больше никто не ждал и не мог защитить. Её должны были порвать, сожрать более сильные звери, но, знаешь, – её голос опустился до шипения, – ты подарил мне кое-что посильнее жажды жизни. Не-на-висть! Ты подарил мне всепоглощающую ненависть к миру и богам, которые позволили тебе существовать. Меня били, ломали, насиловали, и моя ненависть ширилась и ширилась.

– Дитя, о чём ты? – Деший взглянул на неё с печалью, как на неизлечимо больную.

– Сейчас мы её... – старик взглядом остановил своих подчинённых, а Йожира, прекрасно понимая причины такого милосердия, прижала ребёнка к груди.

– Ты можешь обмануть кого угодно. Всех. Но не меня, – тихо пропела она и оскалилась: – Твои глаза! Даже если я умру и появлюсь на свет заново, я всё равно буду помнить их. Помнить каждую минуту! Тебя невозможно забыть. Невозможно забыть мужчину, который силой забрал меня из дома, который первым показал мне, какими скотами могут быть мужчины, который почти убедил наивную дуру в своей любви, а потом спокойно вырезал всю мою семью. Всех близких! Всех друзей! Всех, к кому я могла бы обратиться за помощью и поддержкой, чтобы мне некуда было идти. Чтобы я оставалась рядом. Ты думаешь, это можно забыть? Твой взгляд высечен у меня в душе!

– Прости меня, – Деший опустил глаза, – я не знаю, кого напоминает тебе мой взгляд, но я не хотел причинять боль твоей душе. Ты можешь подойти ко мне прямо сейчас и убить, если тебе станет легче.

– Мне не станет легче, – с улыбкой отозвала Йожира. – Мне никогда не станет легче. Но я получу удовольствие, видя твоё отчаяние. Каково это, когда все твои планы развеиваются как дым? Больно? – с надеждой спросила она. – Горько? От ярости хочется стены грызть? А ведь как складно-то всё было... Лучше, чем в прошлый раз. Сколько ты всё это строил? Больше трёх с половиной веков? Солидный срок, блестяще разыгранная партия. Знаешь, за эти дни я даже почти простила прошлую себя, которая так наивно повелась на твои сказки. С каким блестящим мастерством ты втёрся в доверие стольким оборотням, – она уважительно прищипнула. – Старые придворные, служившие ещё Озэнаришу, почитатели Игренаэша, члены правящей семьи, обиженные произволом высокородных семейств, амбициозные чинуши и откровенное отребье... Такая разношёрстная компания, и к каждому её члену ты нашёл подход. Это ужасает, – женщина расхохоталась. – С такой лёгкостью подбирать ключи к душам, обманывать всех и ни разу не споткнуться на вранье. И ведь никто из них, – она обвела спутников Дешия издевательским взглядом, – не знает всех деталей *твоего* плана.

– Это наш план, – рявкнул Агорий. – Наш общий план, цель, ради которой мы все собрались.

– Тише, друг мой. Она... устала и изранена этим миром так же, как и все мы.

– Мир нуждается в изменении! – издевательски проорала Йожира местный девиз. – Сперва мы сожжём школу магов, этих приспешников несправедливости, которые кормятся благосклонностью хайнеса и непосильным трудом простых жителей Салеи. А вместе с ними и испортившегося в край наследника престола. Не нужен нам такой хайнес! На костёр его! И старый хайнес нам не нужен! Нужна нам неиспорченная душа, которая при должном воспитании и принесёт в этот мир справедливость. Слышал, – женщина доверительно склонилась к уху съёжившегося малыша, – это твоя роль. А несколько капель крови члена правящей семьи, опять твоей же, сладкий, и пара мощных артефактов, которые напитывались энергией похищенных магов, позволят очистить мир и от остальных представителей правящей семьи. Они прогнили насквозь, нельзя доверять им воспитание повелителя.

Агорий и остальные оборотни выпятили груди и с непреклонной угрюмостью уставились на женщину, показывая, что уж они точно ни о чём не жалеют.

– И за этим-то нужен известный артефакт. Здесь он куда известнее, чем там, – Йожира кивнула куда-то вверх. – Смерть Хайнеса! Ловко придумано: написать пару десятков книжек и раздавать смышлённым сторонникам, выдавая их за старинные сочинения. Да ещё и умоляя не терять редкие труды, собираемые в течение веков.

Майяри с жадностью слушала слова женщины. Так вот откуда та книга, найденная ею в санаришской библиотеке школы магии. Откуда она там взялась, другой вопрос, но фантазия могла подсказать ответ. В Санарише уж точно была одна парочка, у которой могла быть подобная книжка: Рена и её дядя. Её могли оставить в библиотеке случайно. Или даже специально. Для просвещения народа о средствах борьбы с властью. Но попала она в руки Майяри.

– И всё прекрасно вплоть до смерти хайнеса. Он умирает, и неприкаянная печать при проведении ритуала коронации ложится на ближайшего живого наследника, – Йожира звонко чмокнула ребёнка в щёчку. – А дальше начинаются самые странности... – женщина широко улыбнулась. – Мне что, позволят говорить? О, дорогой, – она с наигранным восторгом посмотрела на Зиша, – как ты ему всё-таки нужен.

– Она безумна, – покачал головой Деший.

Безумна, вне всяких сомнений. Но Майяри верила каждому её слову.

– Эта самая Смерть Хайнеса всего-навсего вытаскивает и отделяет снежную сову от двуголой половинки. Совершенно безвредно, – женщины издевательски улыбнулась. – Просто

разделяет две ипостаси так, что они больше не могут стать единым целым. Можно убить одну из них, а вторая останется жива. Невообразимо для снежных сов! Похоже, маг, создавший эту вещицу, хотел прикончить именно сову, чтобы разумная половина продолжала жить и страдать, ощущая сосущую и сводящую с ума пустоту внутри. Это то, что хуже смерти.

Рыжий мужчина отшатнулся и, побледнев, схватился за сердце.

– Очень изящная месть. Боль, растянутая на века. В моём вкусе, – Йожира причмокнула губами.

– Господин... – Агорий нетерпеливо переступил с ноги на ногу. – Бред ведь...

– Пусть выговорится, – мягко перебил его Деший. – У неё в руках наше общее будущее. Если тень сомнения падёт на меня, я безропотно позволю устранить себя. Но общее дело пострадать не должно.

И Агорий, вновь поверивший в честность господина, зыркнул на женщину с непримиримой ненавистью.

– И здесь раскрывается истинное предназначение готовившихся в течение полувека артефактов. Один из них позволит отделённому совёнку занять пустующее место в другом теле, а второй... – женщина замолчала, наслаждаясь ожиданием, – второй вытянет жизненные силы малыша и передаст их другому. И этот *другой*, – горячий тёмный взгляд упёрся в Дешия, – помолодеет, похорошеет и посмеет претендовать на трон. Я не поняла лишь, за кого он себя выдаст. За внебрачного сына одного из хайнесов? Но одно поняла совершенно точно: с прежними товарищами ему будет уже не по пути, и тогда весь этот замечательный город поднимется в воздух, а остальных убьют метки.

– Какие метки? – нахмурился рыжий.

Деший ответил ему озадаченным взглядом.

– Скажи мне, каково это, когда твои тщательно выверенные планы идут прахом? Развиваются как дом из песка. Ты стараешься, пытаешься что-то исправить, но ничего не выходит. Школа вспыхивает раньше времени; хайнес перестаёт быть хайнесом и появляется новый, которого в плане не было; толпа, которой так легко управлять, легко управляется не только тобой, а такой желанный совёнок, – Йожира пощекотала грудь Зиша, – может достаться богам, а не тебе. Опять. В очередной раз. Таково это, Наэш? Расскажи мне, я хочу упиться твоим отчаянием.

Глава 19. Два Наэша

– Ломай!

В дверь снаружи задолбили.

– Агорий, что у вас происходит? Нужно уходить. Тут из дворца ломаются, и, кажется, вход в западные ворота тоже нашли.

– Господин там?

– Чё-то эти твари примолкли? Страшно вато даже.

Деший, Агорий и двое их товарищей молча смотрели на женщину и плачущего ребёнка. Харен всё также безучастно глядел прямо перед собой.

– Ты ошиблась, женщина.

Йожира удивлённо посмотрела на бывшего хайнеса.

– Наэш – это ведь Игренаэш? – почти жёлтые глаза холодно взглянули на разбойницу. – Он не может быть Игренаэшем. Он совершенно, абсолютно не похож на моего дядю. Он не может быть Игренаэшем.

– И это мне говорит тот, кто не смог отличить родного отца от самозванца? – Йожира насмешливо вскинула брови.

Иерхарид продолжал смотреть на неё с прежней уверенностью.

– Лицо, телосложение – ничего похожего. Возраст. Даже лишённые зверя не стареют так быстро. Это не он. Ты отдашь жизнь моего сына ради пустой мести.

– Это он! – оскалилась Йожира.

– Нет средства, позволяющего так менять внешность.

– Раз он так изменился, значит есть!

Огромный зверь за спиной Йожиры шевельнулся, и она поспешила отступить влево. Деший мгновенно сделал пас рукой, дверца пустой клетки резко отворилась и ударила женщину в спину. Та качнулась, Агорий стремительно метнулся вперёд, выдёргивая ребёнка из её рук. Но женщина молниеносно распрямилась и попыталась достать и оборотня, и малыша когтями. Агорий уклонился, а вот Зиш взвизгнул от боли, брыкнулся, и оборотень его уронил. Иерхарид, дико зарывав, бросился на решётку, с ужасом смотря на расплывающееся на плече сына кровавое пятно.

Йожира кошкой прыгнула на малыша, но подоспевший рыжий пинком отшвырнул её на решётку клетки. Перевернувшись в воздухе, женщина оттолкнулась от прутьев и набросилась на рыжего. Они покатались по полу. Агорий и лысый оборотень поспешили товарищу на помощь, сверкнуло лезвие ножа, и Йожира отпрыгнула от дёргающегося в агонии противника.

Самое время действовать. Майяри просунула руку между прутьев, схватила ближайший кристалл, выкатившийся из короба, и бросила его в сторону Дешия. И перед стариком, лихо взмахнув юбками, приземлилась Развратница. По губам обманки скользнула томная улыбка, и Деший, вспомнив другую подобную обманку, в ужасе отшатнулся. Обезвредить артефакт он не успел. Плотно облизнувшись, лже-Майяри схватила его за грудки одной рукой и, рывком притянув к себе, впилась в губы поцелуем. Вторая рука неумолимо сжалась на промежности старика.

– Давай! – отрывисто приказала Майяри Лирке.

Печать под юбкой полыхнула, и дверца клетки щёлкнула, отворяясь. Хайнес стремительно выскользнул наружу, схватил Агория за шиворот и ударом колена выбил ему позвоночник в брюшную полость. Йожира, воспользовавшись небольшой заминкой, проскользнула под рукой лысого и бросилась к Зишу, но перед ребёнком чёрным росчерком встало препятствие, и грудь женщины пробила когтистая рука. Глаза её удивлённо распахнулись.

Кто?

Лирка хладнокровно стряхнула со своей руки женщину и, отбросив её подальше, подняла хнычущего хайрена.

В голове продолжала биться мысль: кто это? Сознание затуманивалось, и девушка перед ней смазывалась, силуэт её темнел и расплывался. Йожира даже не помнила, чтобы девчонка была здесь. Затухающий взгляд зацепился за уродливый шрам на щеке и застыл, скованный смертью.

Лже-Майяри исчезла, разлетевшись мелкими осколками и брызгами под ударом кинжала.

– Ранхаш!

Майяри дрожащими руками обняла харена и мягко его потрясла. Тот спокойно посмотрел на неё, но даже не попытался прикоснуться в ответ. Одежда под руками была холодной, словно ненастоящей, и это пугало Майяри ещё сильнее.

Лысый с проломленной грудной клеткой упал совсем рядом, и Иерхарид распрямылся, небрежно отряхивая окровавленные руки и смотря на Дешия.

Какие-то мгновения. Всё завершилось в какие-то мгновения.

Скрипнула дверца. Тонко, протяжно. Никто бы не обратил внимания, но Деший, стоящий у выхода и видящий всё, что творится за спиной Иерхариды, дёрнулся и торопливо, почти отчаянно провёл ногой по одной из печатей. Майяри повернула голову, и кровь в жилах похолодела.

Дверца клетки самого большого зверя медленно раскрывалась.

– Назад, в клетку, – коротко бросил Иерхарид и закрыл собой Лирку и сына.

Майяри боялась пошевелиться. Давний страх перед дикими животными сковал все члены, и она заворожённо смотрела, как зверь одну за другой неспешно выпростает за пределы клетки длинные тонкие лапы, высовывает узкую треугольную морду и распрямляет длинное тело. Туманный хвост или даже хвосты лениво оглаживают стены и решётку, большие рваные уши чутко подрагивают, а звёздчатые красно-голубые глаза неотрывно смотрят на Дешия.

– Не посмеешь, – отрывисто, но довольно уверенно бросил тот. – Не посмел тогда, не посмеешь и сейчас.

Зверь моргнул, и краснота начала затапливать его глаза, вытесняя голубизну. Губы приподнялись, словно оскаливаясь в ухмылке, и уверенность старика ощутимо поколебалась. Полностью выбравшись из клетки, зверь немного постоял, будто бы привыкая к простору, а затем ослабил в усмешке ещё шире и прыгнул. Деший попытался отскочить, но полетел на пол, а зверь исчез, едва коснувшись его.

Майяри растерянно моргнула, приходя в себя. Ей почудилось, что этот огромный зверь просто запрыгнул внутрь Дешия. И, похоже, так почудилось не ей одной. Господин Иерхарид не спешил бросаться на лежащего врага и настороженно наблюдал за ним.

Старик зашевелился, опёрся руками о пол, неуверенно поднялся и вскинул голову. Майяри поспешила закрыть собой харена. Глаза Дешия горели голубым огнём. Сидящие в клетках звери заскулили и прижимались к стенам. Яриться продолжал только бестолковый детёныш.

– Здравствуй, Харид, – слова приветствия сорвались с губ Дешия как дыхание.

Иерхарид вздрогнул, но ничего не ответил, продолжая настороженно наблюдать за стариком.

– Это кто-то другой, – высказала общее подозрение Майяри. – Господин, простите меня, но отец вас Харидом не называл?

По скулам бывшего хайнеса загуляли желваки.

– Нет, не называл, – отрывисто бросил он. – Харидом меня называл... дядя.

– Рад, что мне не пришлось долго убеждать.

Незнакомец – теперь он был именно незнакомцем – заложил руки за спину. Майяри не могла отвести от него поражённого взгляда. Деший совершенно изменился. Нет, у него было то

же самое лицо, но выражение этого лица, осанка, манера держать себя, – всё это так разительно отличалось от прежнего Дешия, что она видела перед собой совершенно другого оборотня, полного достоинства и не без благородства в облике.

– У меня мало времени. Не смогу долго сдерживать его, – во взгляде мелькнула и исчезла краснота. – Я хочу только поведать тебе, что же здесь произошло. Он осторожный и не оставил никаких записей, – по губам скользнула слабая улыбка. – Всегда оставляет путь для отступления.

– Что? – с трудом выдавил Иерхарид. – Кто он?

– Позволь представить, – в уголках губ незнакомца залегла скорбная складка. – Это мой сын, Харид. Аизела назвала его Игренаэшем. Как меня.

Повисла тишина. Иерхарид недоверчиво нахмурился, а девушки напряжённо и испуганно переводили взгляд с бывшего хайнеса на Дешия и обратно.

– У вас не было детей, – наконец выдохнул Иерхарид.

– Один ребёнок всё же случился. Вот глупый мальчишка, – «Деший» вытянул перед собой руку и с укором осмотрел сморщенную ладонь, – так издеваться над своим телом. Подожди, я приведу его в порядок.

По телу старика прошлась судорога, захрустели кости, как во время оборота, и облик «Дешия» начал меняться.

Майяри испуганно вцепилась в плечи Ранхаша. Подобного ей никогда не доводилось видеть. Менялось всё: раздавались вширь плечи, истончалась талия, худощавое тело обрастало мышцами, ломались и меняли форму кости лица, темнели волосы. Когда всё закончилось, от прежнего Дешия в мужчине остались только рост и глаза – ярко-голубые, всё ещё горящие потусторонним огнём.

– Боги, – поражённо выдохнул Иерхарид, девушки же лишь поражённо пялились на представшего пред ними мужчину.

Высокого, с широкими плечами и гибким тонким станом. Горбоносый, со слегка вытянутым лицом и решительным подбородком. Иссиня-чёрные волосы были почти на треть седы, а белоснежную кожу испещряли морщины. Но он не был стар так, как раньше.

– Иргад? – Иерхарид не мог поверить своим глазам.

– Нет, не Иргад, – спокойно отозвался «Деший». – Настоящий Иргад умер вместе со своими родителями в шестилетнем возрасте от болезни. Семья Харый, впрочем, объявила, что он жив и даже предъявила ребёнка. А Аизела взяла на себя заботу о сироте. Не знаю, как ей удалось скрыть от меня его рождение. Я... – он запнулся, словно хотел что-то сказать, но передумал. – Я был привязан к ней и продолжал присматривать. Но рождение сына пропустил, – помолчав, он добавил: – Моя жена была очень обижена на меня. Вероятно, она хотела таким образом отомстить мне... Я не буду оправдывать их, у меня действительно мало времени. Хотелось бы только сказать, что это в основном моя вина. Мне не следовало отпускать свою женщину, даже если она желала несбыточного.

– Я ничего не понимаю...

– Всё запуталось, – согласился с Иерхаридом дядя. – Я начну с того времени, когда Иргад стал моим учеником. Это важно. Талантливый мальчик, я заметил его сразу. Способный, сообразительный, в меру наглый и не в меру безголовый. Он легко схватывал всё, быстро нашёл общий язык с придворными... Он умел располагать к себе. Не нравился он только моему учителю, мастеру Ахрелию, но он к старости вообще стал много брюзжать. Всё было хорошо ровно до того момента, пока Иргад не стал задавать мне те же вопросы, что и Аизела.

– Что за вопросы?

Дядя как-то странно посмотрел на него, но всё же ответил:

– Его интересовало, почему я, сильнейший из двух братьев, оставался хайреном. Ты прекрасно знаешь, почему именно совы сидят на троне, но Иргад этого понять не смог. Я заподо-

зрил, что Аизела пытается через него влиять на меня, и мы сильно с ним поссорились. А через несколько дней его убили.

– И я сам участвовал в погребальной церемонии. Иргад был мёртв!

– Он не был мёртв. Иргад был невероятно талантлив, и среди его талантов имелся один совершенно бесподобный. Ты же знаешь, его зверем была переменчивая химера. Явление очень редкое, и многих интересовало, как такое чудо родилось в семье Харый. Его химера могла изменять облик лишь некоторых частей тела: головы, передних лап и хвоста. Но сама суть изменения тела была уже внутри него. И его увлекал этот процесс, он изучал его и даже достиг определённых успехов в изменении тел. Мёртвых тел. Мы похоронили не его, а какого-то безвестного вольного. В следующий раз я встретил его через пару лет у тела мёртвого Озэнариша.

– Неправда! – вскинулся Иерхарид. – Это ты убил отца.

– Меня можно назвать виновным в его смерти, – не стал спорить дядя, – но я никогда этого не хотел. Иргад пытался забрать у Озэнариша сову. Он сам разработал ритуал, но ошибся. Вместо того чтобы стать обладателем двух звериных ипостасей, он потерял химеру, а Озэнариш умер. Потеря зверя свела Иргада с ума, и идея о троне, которую ему внушила мать, стала навязчивой. Он изменил своё собственное тело, своё живое тело и стал Озэнаришем.

– Бред...

– Можешь не верить, но дослушай до конца.

– Если всё было именно так, то почему ты не вмешался, почему не помог? Где ты был всё это время?

– Я не сумел с ним справиться, – спокойно ответил дядя. – Не смог. Я был живым, Харид. Живым. А он был моим сыном. Я замешкался и попал в подземелья, где и провёл годы. Мне удалось сбежать через тридцать три года, и я отправился к единственному, кому мог доверять, – Ориду. Иргад быстро обнаружил мою пропажу и ринулся в погоню. И я умер в ту же ночь вместе с Оридом. Моё дальнейшее существование продолжилось уже в той форме, что ты видел здесь, – взгляд его упал на пустую клетку.

Отчаявшись выбраться, детёныш тонко завыл, и мужчина посмотрел уже на него. Затвор щёлкнул, и подвывающий зверёныш набросился на плащ «Дешия». Тот не стал его отшвыривать.

– Когда вы с Шерехом пришли к нему, в пылу схватки он успел набросить на себя щит-обманку верх тормашками, и Шерех отрубил ему ногу почти по колено вместо головы. Каким образом он потом смог найти подмену для себя и переделать её под Озэнариша в таком состоянии, я не знаю. Всё же Иргад очень силен, жаль, что всё так сложилось и я не смог должным образом его воспитать. Если бы его план прошёл так, как он его задумывал, то он пришёл бы как мой сын и занял трон законным образом...

Лицо «Дешия» вдруг исказилось, из горла вырвался хриплый крик-рёв, но уже через несколько секунд мужчина с лёгкой досадой тёр лоб.

– Совсем мало времени. Мой сосед очень нетерпелив. Одно из изобретений Иргада, – он кивнул на зверей в клетках. – Увлекался запрещёнными ритуалами. Я порой ловил, но думал, что это просто юношеское любопытство. И по итогу стал первым подопытным в его эксперименте. Все эти создания сотворены из мёртвых звериных ипостасей, душ и низших тёмных духов. Только мой сосед является высшим, разумным духом. Иргад пытался найти замену утерянному зверю, достаточно сильную, но вот с разумными духами он просчитался. Слишком своевольные. И так ненавидят своего создателя. Души – за прерванную жизнь, духи – за отнятую свободу... Оставь его, девочка, – мужчина посмотрел на Майяри, – это пустышка.

– О чём вы? – Майяри вцепилась в плечи Ранхаша.

Мужчина молча щёлкнул пальцами, и девушка завалилась вперёд. По полу покатился чёрный шар.

– Ранхаш, – не ожидавшая этого Майяри лихорадочно осмотрелась, но грудь уже заливала волна облегчения.

Боги, как она сама не сообразила? Почему не поняла? Это всё этот проклятый ошейник!

– Девочка, зайди в эту клетку.

Лирка опасно посмотрела на распахнутую дверцу клетки слева от прежнего узилища огромного зверя.

– Зайди и нажми на камни, на которые я укажу.

Девушка вопросительно посмотрела на хайнеса, но тот, тяжело дыша, глядел только перед собой и, кажется, вообще плохо соображал. Перехватив ребёнка поудобнее, она всё же осторожно шагнула внутрь, а затем, следуя указаниям, нажала на указанные камни. Раздался плеск, плиты зашевелились и разошлись в стороны, открывая проход.

– Этот путь выведет вас за пределы города. Не медлите, идите сейчас. Мы заберём Иргада с собой, но после в звере не останется ничего разумного. Вступать с ним в схватку равно самоубийству.

В дверь перестали долбить, раздалась гневные и испуганные крики, Майяри даже показалось, что она слышит свист лезвия.

– Я не могу уйти, – прорычал Иерхарид.

– Времени уже нет, – голос «Дешия» искажился и зазвучал хриплым многоголосым эхом. – В доме Орида... под полом... шкатулка... возьми... если не истлели... Закройте за собой ворота...

Глаза его вспыхнули красным, и мужчина, запустив пальцы в волосы, завопил. Тело его пошло волнами, и Лирка едва успела закрыть глаза малышу, а хайнес отдернуть Майяри, как «Дешия» разорвало на части.

У Майяри взор помутился, к горлу подступила тошнота, но хайнес тряхнул её и грубо зашвырнул в клетку.

– Живее!

С торжествующим рёвом на том месте, где только что стоял «Деший», появился огромный зверь. Глаза его больше не были звёздчатыми, теперь их полностью заливала краснота. Стремительно повернув башку, он хищно раздул тонкие ноздри и уставился на убегающих пленников. Хвосты его хлестнули по решёткам, переламывая их как тростинки, и из своих узилищ с радостным визгом полезли другие твари.

– Майяри!!!

Она сразу узнала этот голос. Ранхаш!

– Не заходи!

Тело само рванулось вперёд, но господин Иерхарид швырнул её обратно к воротам и захлопнул решётку.

– Как их закрыть? – он лихорадочно осматривал каменные стены, понимая, что свору этих тварей клетка не выдержит.

Огромный зверь оскалился в ухмылке и мазнул хвостом по полу.

Вспыхнула печать.

Иерхарид успел выбросить Лирку с сыном и Майяри за ворота. Вышвырнул, а затем глаза ослепила белая вспышка взрыва. Упругая волна толкнула пленников, низвергая их на землю, и только потом в уши влился грохот. Стены сотряслись, пол разверзся. Лирка отчаянно вцепилась в ребёнка и оглянулась, пытаясь найти Майяри, но вместо этого поймала взгляд зверя. Красные жуткие глаза с тонкими голубыми прожилками. Оскалившись ещё шире, тварь прыгнула, и Лирка полетела вниз, чувствуя, как на запястье смыкаются чьи-то пальцы.

Майяри отчаянно пыталась призвать свои силы, выпепить хоть несколько капель, чтобы удержать падающие своды. Или это не своды падали? Спина больно обо что-то ударилась, и девушка выпала из реальности.

Глава 20. Новое утро

Руки и ноги заоченели. Это первое, что Майяри ощутила, очнувшись. Ныла ушибленная спина, гудела голова. Подняв веки, девушка малость взбодрилась, испугавшись, что ей отшибло зрение, но уже через секунду она увидела слабо светящиеся глаза (и сердце в очередной раз ухнуло в пятки) и сообразила, что вокруг просто темно.

– Лирка, – сипло позвала она, – господин.

Отозвался только обладатель слабо светящихся глаз. Всхлипнул, совсем по-детски. И Майяри вспомнила о ребёнке.

– Сейчас-сейчас... подожди...

Ошейник затеплился (шея покрылась блаженными мурашками), и над головой девушки вспыхнул зеленоватый светляк. Сияние выхватило из темноты маленького заплаканного мальчика с грязными кудрями, гору чего-то рядом с ним и обломки, подобные которым Майяри видела, когда чинили мостовую. В «горе» она запоздало распознала медведицу. Мальчишка как раз прижимался к её мерно вздымающемуся боку.

– Господин?

Светляк поднялся повыше, охватывая своим светом бóльшую площадь, но хайнес так и не нашёлся. Да и стал бы маленький хайрен прижиматься к незнакомой медведице, если бы папа был рядом?

Майяри попыталась вспомнить, что произошло. При воспоминании об изменяющемся теле «Дешия» её бросило в пот. События недавнего прошлого казались бредовым сном, очень невероятным сном. Звери эти, Тёмные духи...

Перед внутренним взором замелькали картины. Вот её рывком затаскивают в клетку, бросают к стене, в которой уже зияют чернотой открытые ворота. Затем вспышка взрыва, её выносит в коридор, что-то ломается под спиной...

Майяри заставила светляк подняться ещё выше и обнаружила продолговатую дыру в потолке. Похоже, пол не выдержал и они провалились. Может, господин Иерхарид там?

Ранхаш!

Её словно молния пронзила. Она слышала голос Ранхаша! Боги, а если он полез в это скопище смесков с Тёмными духами? А если взрыв завалил коридор, в котором был Ранхаш? А если...

Уткнувшись лицом в колени, Майяри тихо завывала от страха. Боги не пожалели господина Шидая, не пожалели целый город... Сердце разрывалось от мучительного предчувствия страшного. Она уже не верила в милость высших сил, удачу и везение.

Тихий отчаянный всхлип привёл её в себя, и девушка посмотрела на перепуганного ребёнка, который что есть сил вжимался в медвежий бок.

– Прости, – Майяри дрожащими ладонями утёрла мокрые щёки. – Всё хорошо, всё хорошо, – горло сжал спазм. – Сейчас мы найдём твоего папу, найдём... – в груди стало так больно, что пришлось прерваться. – Всех найдём. Лирка.

Она подползла к подруге и хорошенько её потрясла. Та недовольно шевельнулась, тяжело вздохнула и неохотно повернула крупную башку. Её глаза почему-то блеснули красным и голубым, но потом осветились привычной звериной зеленью.

– Как ты, моя хорошая?

Медведица медленно извернулась и принялась к голове мальчика, который так доверчиво прижимался к мохнатому кудрявому брюху большого зверя. На спине её шерсть в двух местах влажно поблёскивала, но, видимо, раны были несерьёзными.

– Будьте здесь, я сейчас посмотрю, что наверху.

Руки и ноги дрожали, в теле царила слабость, но мысль, что где-то там Ранхаш, придавала силы. Наверх Майяри полезла прямо по стене, благо та была неровной, с выступами, правда, влажноватой. Вылезла на середине пролома, осмотрелась, пытаясь понять, с какой стороны вышли они, и обнаружила, что коридор завален с обеих сторон. Повисев немного, Майяри поползла влево. Там свод казался пониже, как раз под высоту ворот. Взобравшись на небольшой ровный пяточок, девушка осмотрелась, кое-как запалила второй светляк, но хайнеса – ни целиком, ни частично засыпанным – не нашла.

– Эй, есть там кто-нибудь? – позвала она, и эхо кануло вниз и гулко прокатилось по коридору, где лежали Лирка с юным хайреном. – Эй, на той стороне, слышите?

Умолкнув, девушка чутко прислушалась, посмотрела на другую сторону и окончательно убедилась, что выбрала верное направление.

Где-то там Ранхаш.

Она потянулась к своим силам, но, как ни старалась, ошейник лишь самую малость нагрелся. То ли он был слишком мощным, то ли сил было очень мало. Она пробовала раз за разом, напрягаясь до вспученных на лбу вен, до темноты в глазах и головокружения, но смогла подвинуть лишь пару самых мелких камешков. Отчаявшись, она решила разгрести завалы вручную.

Там Ранхаш, она не может отступить.

– В сторону. Я сейчас буду сбрасывать камни.

Убедившись, что медведица вместе с мальчиком ушли глубже в коридор, Майяри принялась за работу. С грохотом вниз полетели каменные обломки. Сдирая пальцы в кровь, напрягаясь до хруста в спине, девушка выпихивала тяжеленные камни, бухающие внизу от столкновения с полом взрывным порошком. Вскоре от напряжения перед глазами закачалась муть, дышать стало труднее, вернулась тошнота. В один момент Майяри не удержалась, оступилась и полетела вниз на груды камней...

Очнулась она уже на спине медведицы, которая неторопливо куда-то шла. Нос забивала жёсткая густая шерсть, от которой шёл крепкий звериный запах, а чуть выше в голову упирался попой маленький хайрен, сидящий чуть ли не на шее Лирки. Майяри закусила губы и тихо расплакалась, чувствуя себя совсем жалкой и никчёмной.

Ёрдел резко вскинулся и развернулся, заставив Лоэзию крепче вцепиться в его плечи.

Он явственно ощутил дрожь. Дрожь глубоко под землёй. Под дворцом. Там, где была сестра. Земля недовольно вспухла и осела совсем рядом с ней. А может, и зацепив, может, и накрыв собой как чашей.

Но как же так? Он же следил, он же сам смотрел. Почему ему не удалось защитить сестру и прийти на помощь?

– Господин? – Лоэзия сонно посмотрела на профиль тёмного.

– Погуляем, – коротко ответил тот.

Схватка с пришельцами в подземном городе очень быстро перешла из коридоров в сам город. Там и зажали мятежников три отряда, и теперь временно наступило затишье. Мятежникам больше некуда было отступать, а их победителям ещё предстояло решить их дальнейшую судьбу.

– Перерезать горло каждому в отдельности, сжечь и взорвать это место, – Мариш был сторонником вытравливания врага вместе с корнями. – Тщательно зачистить столицу, перерезать и сжечь всех зачинщиков.

– Нужно действовать осмотрительнее, – не согласился с ним Вахеш. Его немного напрягало присутствие главы одной из самых разветвлённых банд, но дед Шерех ещё пару лет назад велел Мариша не трогать. Сказал, что тот сам себя по рукам и ногам связал и не надо рубить

его пути. – Здесь много пленников. Мы не можем позволить погибнуть кому-то из них в пылу схватки.

Губы Мариша искривились в жёсткой усмешке. Пленники... Подобные расшаркивания он считал сентиментальностью.

– И нам нужно выискать среди них тех, кто знает больше. Вдруг подобные гнёзда есть где-то ещё...

В этот раз мстительный дворецкий передёрнул плечами, и усмешка сползла с его губ.

Вахеш терялся в догадках, почему Мариш вмешался в мятеж, да ещё и не на стороне мятежников, но спрашивать не торопился. По-видимому, кто-то умудрился отдалить ему все лапы и наступить на хвост. В пользу этого предположения говорил и крайне уставший, желчный вид самого Мариша. Может, сам планировал нечто подобное, а тут, какая досада, некто решил его обскакать? Да нет. Вряд ли тот, кто так долго выжидал и с таким умом встраивался в новую жизнь, сорвётся ради глупой мести сопернику.

– Надеюсь, мы договорились?

Мариш с крайней неохотой кивнул. Он привёл с собой очень много подчинённых, но и Вотый привёл не меньше. А устраивать ещё одну потасовку под землёй, когда силы с обеих сторон так велики, крайне глупо. Ему ещё нужно забрать Лоэзию.

Вахеш подозвал к себе одного из подчинённых, шепнул ему пару указаний на ухо и, бросив ещё один взгляд вниз, на настороженно затихший город, нырнул в коридор. И почти сразу оказался в толчее среди магов.

От стен отражались громкие приказы, пострадавших торопливо уводили-уносили в сторону западных ворот, где их дожидались лекари, подземные комнаты обшаривали. К Вахешу поспешил высокий седовласый оборотень с кустистыми бакенбардами.

– Дядя Лем, не знал, что вы с нами, – Вахеш пожал ему руку.

– Да тут такая толчея, – отмахнулся тот. – Мы нашли три комнаты с какими-то странными, очень мощными артефактами, пока от всех закрыли. Пострадавшие маги утверждают, что их водили по крайней мере в две из них и выкачивали силы.

– Подчистую?

– У кого как. Кто-то оправится, а кому-то уже магом не быть. Это в основном касается тех, что посильнее. Они держались дольше, и их почти подчистую. Остальные-то раньше чувств лишались.

– Погибшие?

– Ну, есть... Тут мы кое-кого нашли.

Лем поманил его вглубь коридора к носилкам, прислонённым к стене, и, опустившись на корточки, откинул чей-то плащ. Вахеш уставился на спокойное белое лицо хайрени Изаэллаи.

– Отравили.

Вахеш прикрыл глаза. Значит, ещё и хайрени. Как сказать об этом новоявленному хайнесу? Дед пока запретил говорить о хайрени Иии и госпоже Лийрише. Мол, Узээриш очень молод, инстинкты его сильны, могут возобладать над разумом. Надо выбрать более подходящее время, чтобы он смог предаться горю.

– А хайнеса нашли?

– Пока нет. Но вон там, дальше по коридору, Идрай и харен что-то раскапывают.

– Ранхаш? – Вахеш обрадованно встрепенулся и быстро зашагал по коридору.

Впереди показалась мощная кованая дверь, вынесенная вместе с хорошим куском стены прямо в коридор. За разломом в ярко освещённом помещении сновали многочисленные фигуры, звенели цепи, гремели перекатываемые камни. У самого входа Вахеш столкнулся с носилками и мгновенно остановился, всматриваясь в посеревшее лицо хайнеса. До подбородка он был закрыт собственным же плащом, на котором наливались краснотой многочисленные пятна.

– Жив?

– Дышит, – отозвался Идрай. Мужчина распрямился, утёр лоб и с тоской посмотрел на лежащих вповалку странных зверей.

– А выживет?

– Я лекарь? – грубовато ответил Идрай. – По мне, через полчаса сдохнет. А не нравится ответ, ждите, что лекарь скажет. Тьфу! – обозлённо зыркнув по сторонам, мужчина добавил: – Вот уж не думал, что доживу до подобного. Видали? – он приподнял ногой одну из мощных лап. – Экспериментаторы хреновы! Наплодили чудищ.

«Чудища» валялись по всему помещению, где-то заваленные камнями, где-то частями, а где-то вот такими на первый взгляд безжизненными тушами.

– Трое вроде не убились, и харен... – Идрай запнулся, явно борясь с желанием сказать всё, что он думает о начальнике, – распорядился смотать оставшихся трёх цепями и доставить в южный храм Ваирака. Там вроде после какой-то оказии вольеры остались.

– А сам Ранхаш-то где? – Вахеш обеспокоенно осмотрелся и подошёл ближе к одной из клеток, точнее, к её остаткам.

Обрушившийся потолок смял прутья, и теперь обломки торопливо растаскивали, проверяя, нет ли ещё кого под завалами. Покосившийся проход в стене клетки уже разгребли, и теперь он притягивал взгляд жутковатой чернотой.

– Помощницу свою побежал искать, – Идрай кивнул в сторону дыры. – Вот до чего везучая девка. В самое пекло залезет, а всё равно живой вылезет. В какую-нибудь щёлку, но вытечет!

На площади, где несколькими часами ранее грозно требовали хайнеса, теперь царило совсем другое настроение. Не праздник, и всё же в суе чувствовалось что-то радостное. Раздавались и плач, и горестные причитания, но в воздухе витало облегчение: всё закончилось. Те, кто почти ничего и не потерял, стыдливо прятали улыбки и суеились больше всех, помогая раненым, отыскивая тёплые одеяла и еду для детей и женщин.

Небо на востоке покраснело, и потерявших жильё начали определять на постой. Поэтому уже не было так многолюдно. Пострадавших приглашали в свои дома другие горожане, открыли двери казармы и даже тюрьма. С некоторым запозданием примеру жрецов Ваирака последовали и остальные храмы, отворив ворота прихожанам. Уставшие и испуганные, люди торопились укрыться за стенами, завернуться в одеяла и заснуть с надеждой, что после пробуждения всё произошедшее окажется просто сном.

Небо успело слегка порыжеть и пожелтеть, когда дверь небольшой таверны «Дремучий Жаанидый» распахнулась и на улицу, выдыхая клубы пара, вышли пятеро мужчин. Четверо из них посмеивались, а один – высокий, в добротном скроенном плаще – настороженно осматривался и старался держаться за спиной рослого мужчины в потрёпанных одеждах.

– О, красота какая, – один из мужиков, плюгавый оборотень с залысиной, обрамлённой поседевшими кудрями, и с чисто, видать, совсем недавно выбритым лицом обвёл взглядом почти пустую площадь.

Для столь раннего утра здесь было всё ещё слишком оживлённо – её то и дело пересекали группы горожан или небольшие военные отряды, выскивающие преступников, – но в сравнении с тем, что было чуть раньше, было почти тихо.

– Ну по чести и разуму всё решили, – черноволосый трактирщик всё ещё хмурился, опасаясь показать свою радость, а то решит новый хайнес, что он недостаточно сурьёзен. – Мы сами всех пострадавших обойдём, по ущербу запишем и проследим, чтобы никто лишнего не приписался и дармовщинники не пролезли, не попользовались казённой помощью.

– Надеюсь на вашу честность, – отозвался Узээриш из-под капюшона. – Следующие три месяца по городу будут шляться военные. Нужно отловить всю шваль. Ты уж предупреди

городских, чтобы на драки не нарывались. Собрание там собери... А то армейские тоже живые, засадят в тюрьму. Пока разберутся, все хвосты полысеют. Так что пусть на рожон не лезут.

– А полезут – сами виноваты, – желчно отозвался плюгавый. – Прову... прова... провакатишки!

Идущий позади дядя вдруг придержал Узээриша за локоть и молча кивнул на стоящего по центру площади высокого мужчину в плаще, несущего кого-то на спине. Ничего подозрительного Риш в нём не усмотрел и вопросительно взглянул на дядю.

– Он из воздуха появился, – отозвался тот. – Его не было здесь. Вышагнул непонятно откуда.

– Умаялся, бедолага, – на сову с жалостью посмотрел молчавший до этого рыжий оборотень.

Риш же отнёсся к заявлению дяди серьезнее и остановился.

Мужчина в плаще не отрываясь смотрел на мостовую, а вот его ноша сонно возилась и вяло осматривалась, крутя закрытой капюшоном головкой. Риш отметил дорогое платье «ноши» и очень бедную одежду «носильщика». Даже если это была госпожа со слугой, то у такой богатой барышни слуги одевались бы лучше. Хотя он сам сейчас в заёмных сапогах, а в прорехи в штанах ветер поддувает: плащ снять и то неприлично.

Странный мужчина переступил с места на место и осмотрелся. И всех, кто стоял ближе двадцати сажень от него, снесло назад упругой волной воздуха. Новоявленного хайнеса и его компанию в том числе.

Риш не успел упасть, а дядя уже навис над ним, прикрывая от возможного удара.

– Ах ты Тёмный! – выругался плюгавый.

Его рыжий товарищ выразился крепче и уже нашарил обломок кирпича, чтобы запустить в паскудника. Но не успел. Землю тряхнуло так, что Риш мгновенно вспомнил незабываемое путешествие в Сумеречные горы, когда его кортеж попал под сильнейший дождь и всю ночь они слушали, как по склонам с хлётким грохотом сходят сели.

– Покровители...

– ...взорвали...

Захлопали открываемые окна, засыпающие улицы огласил пронзительный женский крик, по мостовой зазвенели осколки стекла.

Риш с трудом перевернулся на подпрыгивающей земле и сразу же увидел мужчину в подранном плаще, всё так же спокойно стоящего на площади со своей ношей.

Дрожь прекратилась. Смолкли и крики, повисла настороженная тишина.

– Господин, вы что делаете? – тишину прорезал тонкий, почему-то знакомый голос ноши мужчины в плаще. – Дома... Вы их поломаете!

Девушка испуганно осмотрелась, и Риш увидел её лицо.

– Госпожа Лоэзия?

Что здесь делает дочь Триия Бодья? Менее всего Риш ожидал увидеть её. Столь неожиданная встреча так поразила его, что он, отпихнув дядю, поднялся и вовсе глаза уставился на девушку. Но она быстро отвернулась, так и не узнав его. Или не рассмотрев лицо под капюшоном.

И в этот момент где-то очень глубоко под ногами раздался жуткий утробный грохот. Словно в земных недрах лопнул гигантский пузырь. Под громкие вопли мостовая по центру площади просела, и по ней зазмеилась восьмисаженная трещина.

– Тёмный дух спустился, – плюгавый суеверно осенил себя охранкой. – Боги прогневались на нас...

– Да заткнись ты! – шикнул на него рыжий.

– Это кое-кто поконкретнее... – пробормотал Риш.

Он уже испытывал этот всепоглощающий восторг перед чужой мощью. Уже чувствовал ранее, как дрожит воздух от сгущающейся силы, как с хрупкостью печенья ломаются дворцовые стены и рушатся полы.

Хаги.

Очень сильный хаги.

Недавние события промелькнули в голове, Риш припомнил участие хаги в спасении школы и подумал, что вполне возможно, что перепуганные дураки-жители могли причинить кому-то из них вред.

Мало что сравнится по ужасу с мстящим хаги.

С очень сильным мстящим хаги.

Так, что есть под площадью? Что там можно разрушить и нанести серьёзный вред? Выпустить наружу подземную реку? Нет, перекрыть русло и заставить воду течь вверх не так просто, это требует подготовки, расчётов...

Трещина начала расширяться. Затряслись дома. Жители с криками спешили покинуть свои жилища. Что пытался сделать неведомый враг? Разорвать город на две части?

Трещина перестала расти, достигнув в ширину трёх саженей, и мужчина замер на краю, пристально вглядываясь в её глубину.

– Мы не со злом, – тихо бормотала Лоэзия, испуганно осматривая злые лица горожан, которые, впрочем, не торопились приближаться.

Кто-то вполголоса спрашивал про арбалет.

– Никому ничего не делать. Проследить, – распорядился Риш. – Очень сильный. Только разозлим...

Он осёкся.

Над краем трещины что-то появилось.

Сперва он не смог понять что. Мешанина пятен, расположенных так, что разум отказывался составлять из этого что-то вразумительное. Но, когда это «что-то» появилось из недр земли полностью, он с удивлением понял, что хаги «отрыл» довольно крупную медведицу, на спине которой кто-то сидел.

Зрелище настолько нереалистичное, что даже перепуганные горожане замерли в ошеломлении, заподозрив, что они всё ещё спят.

Медведицу аккуратно опустили на мостовую, и она совершенно спокойно обзрела вытянутые от удивления лица и села. Её седоки сползли на мостовую.

– Ёрдел?

С ещё большим удивлением Узээриш узнал Майяри. Перемазанную в земле, заплаканную, с разодранными в кровь руками. Лицо её искривилось, и она, расплакавшись горько, как маленькая девочка, потянулась руками к мужчине. Тот шагнул к ней и замер, когда девушка обняла его ноги и зарыдала.

Медведица тем временем деловито перевернулась набок и лизнула макушку своего второго седока.

Сердце Риша оборвалось, а внутри яростно встрепенулся сов.

– Зиш!!!

Мужчина бросился к брату.

Спокойная медведица в мгновение ока пришла в ярость, оскалила внушительные зубы и мощным ударом лапы отшвырнула мужчину, наградив его плечо тремя кровоточащими ранами. Перепуганный Зиш, вскочив, побежал к брату, ревя в голос и размазывая сопли по щекам. Его медведица останавливать не стала. Более того, посмотрев, как перепуганный и злой от страха брат кутает мальчишку в рваный плащ, потеряла к нему интерес и, вразвалочку приблизившись к Майяри, плюхнулась на бок, прижимаясь своим могучим тёплым телом к её дрожащей спине.

– Мой Ранхаш... мой Ранхаш... – сквозь зубы выла Майяри.

Ёрдел посмотрел вглубь разлома и положил на голову сестры тяжёлую ладонь, решив не говорить ей, что её Ранхаш уже ползёт вверх. Пусть плачет. От слёз становится легче. Пока он доползёт, ей станет совсем легко.

– Майяри, что произошло? – Лоэзия попыталась спуститься со спины Ёрдела, но тот, привязав её к себе силами, не сообразил, что это слабое копошение – желание освободиться.

На другом конце площади маленького хайрена уже закутали в более добротный плащ дяди, и Риш, сидя прямо на мостовой, укачивал его, бессвязно бормоча слова утешений.

Горожане, растерянные и оробевшие, мялись по краям площади. Кто-то вернулся в дом, обнаружил, что растрясло не так уж сильно – переночевать сойдёт, – и опять завалился спать.

– Да они оттуда аки тараканы! – воскликнул кто-то, когда из трещины вдруг показалась когтистая рука, а затем и лохматая серебристая голова.

Увидев Майяри, Ранхаш чуть ли не одним рывком вылез наружу и бросился к ней.

– Ранхаш! – отчаянно взвизгнув, Майяри обхватила его руками, едва не столкнув обратно в трещину (но Ёрдел заподозрил, что после такого падения муж сестры мог больше не подняться).

– Майяри! – Ранхаш крепко прижал девушку к груди, торопливо осыпая её голову поцелуями. – Боги, Майяри, как же я испугался... как испугался...

Лишившаяся опорки медведица с недоумением осмотрелась, понюхала место, где совсем недавно стоял тёмный, и легла уже на него.

– Господин, куда мы? – взволнованная и растревоженная Лоэзия крутилась на спине Ёрдела, пытаясь посмотреть, что там с Майяри.

– Спать, – коротко ответил он, проходя мимо невидящих его горожан.

Глава 21. Радости и печали

Майяри не помнила ничего из того, что случилось после встречи с Ранхашем. Вот она судорожно обнимает его, боясь выпустить из объятий, рыдает от облегчения, а вот она уже просыпается в полумраке спальни под толстым одеялом. Меж неплотно задёрнутых занавесей в комнату проливаются лучи заходящего солнца, а в памяти смутно брезжат воспоминания лёгкого покачивания, тихих голосов, бесчисленной череды блестящих стёклами окон, опять тихих голосов и запахов лекарств.

Тело вновь болело. Болела спина, болели забинтованные руки, болела голова, болела освобождённая от ошейника шея... Не болели почему-то только ноги. Майяри осторожно высунула нос из-под одеяла, принялась. Пошарила по постели ладонями, но Ранхаша или – сердце сжалось – господина Шидаю не нашла. Стоило ей пошевелиться, как из кресла у кровати поднялся высокий оборотень. Незнакомый.

– Госпожа, харен в соседней комнате, не пугайтесь.

Сердце немного отпустило. Но оборотень незнакомый, как можно просто так поверить?

С трудом выбравшись из-под тяжёлого одеяла, Майяри, как была в сорочке и босая, зашагала к двери. Мужчина её не останавливал, видимо, получил соответствующие указания. Только шёл след в след.

Соседней комнатой оказалась гостиная. Из неё доносились приглушённые мужские голоса, поэтому Майяри лишь слегка приоткрыла дверь и в щёлку полюбовалась на харена. Он тут же вскинул глаза и едва заметно улыбнулся ей.

Какое же это счастье – просто видеть его и знать, что он жив. Просто смотреть на него, просто смотреть. Майяри вдруг поняла, что могла бы прожить всю жизнь, просто зная, что он жив. И радоваться этому. Быть счастливой.

– Господин провёл с вами весь день, – прошептал незнакомец, – но дела вынуждают его иногда отрываться от вашего отдыха.

Какой предупредительный. Майяри всё больше убеждалась, что этого оборотня приставили к ней, чтобы он убеждал её, что всё хорошо. Он ещё ни разу ничего ей не запретил и не призвал лечь обратно в постель.

Но где Редий и Аший?

Вместо этого Майяри, обмирая внутренне от ужаса, тихо спросила:

– А господин Шидай?

Мужчина посторонился и молча указал на неприметную смежную дверь.

В душе робко затеплилась надежда, и Майяри торопливо подошла к ней.

– Только тихо, – успел прошептать незнакомец.

Господин Шидай лежал на кровати. Спальню заливало тусклое мягкое сияние желтого светляка, и Майяри прекрасно видела, что это именно лекарь. Лицо у него было сероватым, седые волосы имели несколько поникший вид, дышал мужчина тяжело и сипло. Могучую грудь охватывала тугая повязка с небольшим пятнышком крови по центру. Ноги ослабели от неожиданно накатившего облегчения, и девушка вцепилась в косяк.

Сила облегчения была так велика, что Майяри всхлипнула и расплакалась. Она пыталась кусать забинтованные костяшки, чтобы хоть немного успокоиться, но рыдания становились только сильнее. Лекарь недовольно нахмурил брови и, с трудом разлепив губы, спросил:

– И кто тут смеет меня оплакивать?

Покачиваясь, Майяри добрела до его кровати и, опустившись на колени, прижалась щекой к горячей руке.

– Господин Шидай, я вас так люблю.

– А, поганка, – узнал её лекарь. – А я тебя ненавижу. Глаза открываю, в груди торчит болт, а воздухе плавает длинное лицо твоего дружка. Вот не в такой компании я умереть мечтал. Потом ещё раз, и Ранхашик всю магию вытянул. Думал, прям там и окочурюсь. Даже удивился, когда вновь очнулся.

Плачущая Майяри поцеловала его ладонь, и оборотень смилостивился:

– Я тебя тоже люблю, не реви. Сколько уж можно? Давай рядом ложись. Только не на грудь, вот на руку.

Всхлипывая, Майяри осторожно перебралась через его тело и прилегла рядом. Даже не на руку. Сжалась комочком под мышкой лекаря и, тихо дрожа от накотившего облегчения, устала на плотные полосы повязки.

– Наградили же боги детишками, – лился сверху успокаивающий голос господина Шида. – Никакого покоя с ними. Лезут вечно в неприятности, спорят, не слушаются, болеют постоянно...

Он говорил что-то ещё, а может, и не говорил. Сон опять сморил Майяри, и она только почувствовала какое-то время спустя, как прогибается вниз постель, а макушки касаются чьи-то губы.

Где-то в гостиной мерно тикали настенные часы, разбавляя своим звуком плотную тишину. Узээриш, босой, в просторном белом халате на голое тело, стоял рядом с постелью и уже четверть часа смотрел на мертвенно-серое даже в полумраке лицо Лийриши. По тонкой линии носа, скулам, лбу, подбородку и щекам шли жирные чёрные линии, они же спускались по шее вниз и расходились по обнажённым плечам. Между линиями аккуратно, но в спешке, которая говорила, что у лекаря было совсем мало времени, были выведены округлые кляксы-тараканы лечебных символов. За четыре сотни лет Риш успел кое-что повидать, и эти чернильные «тараканы» о многом ему говорили.

Лийришу уже нельзя было назвать живой.

Её почернённые ноздри трепетали, грудь вздымалась, но это было не естественным усилением тела, а жалкой попыткой продлить подобие жизни.

Не было больше ярко-рыжих волос. Отрезанные локоны, завёрнутые в полотенце, лежали на тумбочке. Риш увидел их случайно, разворошив ткань. Он просто не знал, куда деть руки, и дернул за край, а там... они. Голову женщины теперь плотно облегал толстая повязка.

Подняв руку, Узээриш всё же подцепил край одеяла и приподнял его, чтобы увидеть то, на что боялся смотреть.

По обнажённой груди сетью расползались чёрные линии и символы, особенно сильно переплетаясь напротив сердца. Значит, само оно уже биться не может. Одеяло упало обратно, и Риш опять замер, не отрывая пристального немигающего взгляда от лица Лийриши.

Сегодня он одержал победу как правитель.

И сегодня же его собственная жизнь, его гнездо были разрушены.

Он словно стоял перед разворошённым гнездом и осматривал разбросанные тела. Тётя Изаэлла, Лийриша, умирающий отец и птенцы. Два птенчика, один из которых даже не мог кричать от страха и только поджимал перемазанные кровью крылышки.

Сова внутри уже не вопила от боли и ярости и лишь ошалело тарасила глаза в пустоту, как и сам Риш. Ещё час назад он метался раненым зверем, требовал от лекарей совершить и возможное, и невозможное, лишь бы маленькая тоненькая сестричка непременно поправилась. Кто-то убеждал его, что самое страшное позади, что Иия непременно выздоровеет, только он, объятый безумием и страхом, не верил. Он совершенно не думал о Лийрише, сестра куда важнее.

А потом привезли отца.

Перед внутренним взором опять предстало окровавленное тело: переломанное, покусанное... Десяток лучших врачей, которых только смог найти Шерех, в дом которого привезли бывшего хайнеса и который приютил раненую хайрени и её мать, роем мух кружили вокруг постели... умирающего?

Губы Риша дрогнули.

Со смертью отца перед ним словно распахивала свои объятия необозримая пустота. Отец был тем, кого он хотел сохранить в своей жизни на как можно больший срок. Риш не помнил матери. Болезненная хайнеси после родов начала болеть ещё чаще и умерла, когда он был совсем маленьким.

С ним всегда был отец.

Отец был всегда рядом.

Если не будет отца, то он останется... один?

Нет, не один. С ним остаются Зиш и Иия. Сестричка обязательно поправится. Она всегда была бойким птенчиком, напоминая своей живостью мать.

Мать...

Душу скрутил и вывернул другой страх, сердце затрепыхалось как в агонии.

Как ему объяснить брату и сестре, что их мамы и папы больше нет? Как ему рассказать об этом, если родителей всё же не станет?

Эта мысль окончательно выбросила Риша за пределы разума, и он выскочил из комнаты, где лекари суетились над отцом, и, пошатываясь, впервые за время пребывания в доме Шереха зашёл к мачехе.

Здесь было очень тихо. А там, где бывала Лийриша, тихо не бывало никогда. Даже во сне она сопела бойко и очень жизнерадостно, и этой жизнерадостностью часто раздражала Узээриша.

Они ведь не всегда хорошо ладили. Риш за века привык, что в сердце отца живёт лишь он один. Детское эгоистичное собственничество, которое он перенёс во взрослую жизнь. Лийриша злила его. Мелкая заносчивая девчонка, годившая в дочери и ему, Ришу, вознамерившаяся занять место хайнеси. Тогда Риш ничуть не сомневался, что именно титул привлекает нахалку. За их «детскими», как выражался отец, разборками наблюдал весь двор. Какие-то остолопы даже смели шутить, что во вспыхнувшем огне ненависти, который непременно станет огнём страсти, погибнет сам хайрен Узээриш. Но в их огне сгорели только волосы отца.

Риш не хотел принимать юную мачеху. Уже давно взрослый, он не пытался специально искать внимания отца, но тут начал чувствовать себя обделённым. Дворец содрогался от их с Лийришей скандалов. Отец не знал, как примирить их.

А потом родились Зиш и Иия, два очаровательных птенчика. И они примирили Узээриша с существованием Лийриши. Он даже начал с ней ладить, но признать это смог только сейчас.

Протянув руку, Узээриш дрожащими пальцами погладил холодное лицо женщины. Не мать, не сестра, не тётка, не... даже мачехой из-за её юности считать не мог. Но она стала важной, неотъемлемой частью его семьи.

Как он сможет сказать Зишу и Иие, что их мамы больше нет?

Переставшие дышать иногда под действием заклинания продления жизни приходили в себя. Их телу будто бы требовался небольшой отдых, а затем оно вновь начинало работать. Но никогда раненые не приходили в себя, если переставали дышать из-за проломленной головы. Риш не встречал исключений.

Пальцы его едва-едва коснулись плотной повязки. Пока никто не спрашивал, но скоро спросят: когда стирать чёрные линии жизни с тела Лийриши. И нужно будет решить, сказать... Риш зажмурился. Но не сейчас. Пусть отец сперва простится. Отец должен выжить!

Внутри не почувствовалась должная уверенность.

Тяжёлые тёмные эмоции вяло шевельнулись и замерли, скованные неверием.

Это не могло произойти с ним.

Риш уже не помнил, как вышел и оказался в коридоре. Не помнил, как ступал босыми ногами по истоптанному за ночь ковру. Голова кружилась, звуки смазывались, тени пугливо убегали с его дороги. Кто-то похлопал его по плечу, что-то сказал. Глаз зацепился за серебристую змею. Узор из переплетающихся полос. Проясняющееся сознание шепнуло, что это всего-то коса.

– Риш, ты как?

Узэриш не ответил и даже не обернулся, продолжая смотреть на хозяина косы. Холодные жёлтые глаза. Невысокий рост.

– Тяжёлое время, да. Давай я провожу тебя в спальню. Пошли к детям. Зиш может проснуться, испугаться. Натерпелся, бедолага...

Сухая, но сильная рука приобняла его за талию и потянула за собой, но Риш не сдвинулся с места. Сквозь пелену, застилающую реальность, он всё же смог рассмотреть и узнать харена. И в груди разгорелась жаркая, необъяснимая ничем ненависть.

– Это твоя вина! – Риш рванулся вперёд, но две пары крепких рук удержали его на месте. – Отец доверился тебе, а ты не смог защитить! Рылся, рылся, но так и не дорылся! Беспольный кусок дерьма!

Харен продолжал стоять перед ним и выводить из себя спокойным взглядом.

– Риш, это наша вина, – уверял его кто-то, но хайнес не обернулся, продолжая ненавидяще смотреть на главу сыска.

– Отец поручил расследование тебе, – сквозь зубы прошипел Риш, – именно тебе. Он был уверен, что ты справишься. Но ты оказался ни на что не годен. Только со своей девкой и миловался!

Горькая и ядовитая боль потери выплёскивалась наружу.

– Вотый, – со злобной насмешкой выдохнул Узэриш и вырвал свои руки из чужой хватки. – Теряет всемогущее семейство схватку, плодит беззубых щенков.

– Риш...

– Не трогать! – хайнес отдернул локоть и подался вперёд, приближаясь к лицу Ранхаша. – Можешь попрощаться со своей Майяри. Ни один жрец в Салее не осмелится связать вас узами брака.

Отпрянув, Узэриш, покачиваясь, обогнул харена и, пройдя ещё пару шагов, скрылся за дверью.

Шерех проводил его обеспокоенным взглядом и утешающе похлопал Ранхаша по плечу.

– Не обижайся. Сердце болит у мальчишки. Позже отойдёт.

Обижаться Ранхаш точно не думал, но слова хайнеса запомнил, впрочем, не придав им особого значения: даже если боги не захотят назвать Майяри его женой, он сам назовёт её супругой.

– Здесь? – он кивнул на дверь, за которой располагалась госпожа Лийриша, и, дождавшись кивка, в одиночку зашёл внутрь.

– Эй, Шерех, – домоправитель Фоший пихнул патриарха рода Вотый в бок, – ты уверен, что отойдёт? Наследник-то упрямым своим ох как известен.

– И мы, Вотые, упрямы, – рассеяно отозвался Шерех.

Он, как и правнук, о горячих словах Узэриша и не размышлял. На мальчишку столько всего свалилось. Немудрено, что и нервы шалют, и виноватого найти хочется, а тут ещё и совиные инстинкты... Оборотень покачал головой, представляя, каково сейчас Ришу: и мачеха, и тётка, и отец. Сестричка раненая. Маленькая шестилетняя девочка! С ума сойти недолго.

– Занять его надо. Чтоб в себя пришёл. В городе-то мы сейчас и сами приберёмся, но это неделя, а дальше-то он уже сам должен, – Шерех задумчиво пошкрябал щетинистый подбородок. – Притащи с чердака гостевое гнездо.

– Зачем? – удивился Фоший. – Хайрени туда сейчас нельзя. Её вообще двигать нельзя. А...

– Гнездо. Принеси, – Шерех исподлобья уставился на друга, и тот, пожав плечами, похромал исполнять приказ.

Риш прошёл в спальню и медленно, малоосмысленно осмотрелся. Тусклый свет. Широкая постель, на которой под толстым одеялом спал напоенный успокаивающим зельем братишка. Небольшая кроватка с решетчатыми высокими бортиками, в которой лежала сестричка. И сиделка. Крепкий оборотень. Шерех, зная по Иерхариду, в какое беспамятство могут придти совы от беспокойства за детей, женщину оставлять не рискнул. Иерхарид в таком состоянии не различал ни самцов, ни самок, ни комнатных растений и даже себя в зеркале не узнавал.

Опустившись рядом с постелькой сестры на корточки, Узээриш уткнулся носом между прутьями бортика и вдохнул сладкий детский аромат тонких волос, сейчас пропитанных горечью лекарств. Малышка спала. Личико её было спокойно, бровки не хмурились от боли, но Риш помнил, что под тёплой рубашечкой и одеялом нежное тело Иии опоясывает плотная повязка. Пару часов назад он в отчаянии мерил комнату шагами, укачивая на руках хнычущую от боли сестрёнку, пока бессердечный лекарь не счёл, что прошло достаточно времени, чтобы без вреда дать ребёнку очередную дозу обезболивающего.

Отстранившись от кроватки, Риш замер, уставившись на сиделку. Тот ответил спокойным ровным взглядом.

– Господину угодно, чтобы я ушёл?

Помолчав почти минуту, Узээриш с трудом ответил:

– Нет.

Присутствие незнакомца его злило, но он боялся, что не сможет защитить брата и сестру в одиночку.

Неприятное, сколькое чувство уязвимости и бессилия.

Осторожно опустившись на постель, Риш обернулся вокруг брата и замер, прислушиваясь к тихому внутреннему уханью совы. Истерзанный зверь радовался присутствию птенцов.

Дверь не скрипнула, но Риш мгновенно вскинулся и неподвижным взглядом уставился на вход. Там замер домоправитель семьи Вотый, господин Фоший.

– Простите, господин, мы ненадолго, просто...

– Вон, – жутковато прошипел хайнес.

– Сейчас, – оборотень покладисто улыбнулся и посторонился, пропуская внутрь парочку лакеев, тащивших большое, им по плечи, гнездо.

Риш было вскочил, но брат захныкал во сне, и, пока хайнес разрывался между желанием утешить Зиша и разорвать незваных гостей, «гости» торопливо установили гнездо и ретировались.

В комнате опять повисла тишина, нарушаемая лишь дыханием и треском поленьев в камине. Зиш больше не хныкал, сестричка спокойно спала, а сиделка-оборотень благоразумно притворился спящим.

Риш смотрел и не мог оторвать глаз от принесённого гнезда.

– Остолоп! – Фоший от души, аж голова мотнулась, отвесил оплеуху подчинённому. – Хоть у кого-то из вас хоть какое-то соображение работает? Хотя бы иногда?!

– Да он страшный такой, – лакей обиженно потёр затылок. – Вот я впопыхах и оставил, как привесил, на боку. Может, и боги с ним? Там масла-то на доньшке...

– Гнездо из сухого дерева! А если займётся?

Тяжело дыша от негодования, Фоший перевёл взгляд на дверь и пожевал губами, решаясь. Нет, оставлять зажжённый фонарь висеть прямо на гнезде не дело. А вдруг боги на что-то

разгневались на всю правящую семью и воспользуются этой крохотной возможностью, которую им по недогляду оставили?

Решившись, Фоший осторожно приоткрыл двери и заглянул внутрь.

– Прошу прощени... – растягиваемая улыбка так и замерла на губах.

На полу в луже растёкшегося масла валялся разбитый фонарь.

Но не он заставил домоправителя замолчать.

На краю гнезда сидела огромная снежная сова и сосредоточенно чистила пёрышки на груди. По крайней мере так казалось со спины. Птица медленно повернула голову – Фоший увидел в её клюве белые перья, – а затем с настораживающей неспешностью развернулась полностью, переступая лапами по сучковатому краю гнезда.

На груди розовело выщипанное пятно размером с мужскую ладонь.

– Простите, – Фоший торопливо закрыл дверь и озадаченно перевёл дыхание. – Ну ладно, пусть обживается.

Ранхаш вернулся к Майяри сразу после того, как побывал у госпожи Лийриши и постоял у двери в покои господина Иерхариды: туда никого не пускали. Но нашёл возлюбленную в постели отца, трогательно свернувшуюся калачиком у него под боком. И задавил все встревоженные мысли, все страхи, все горькие чувства. Если ему опять станет плохо и он вновь выкачает из отца магию, то вряд ли тому это поможет на пути выздоровления.

Для Ранхаша стало неожиданностью, что отец серьёзно ранен. Он узнал об этом, уже добравшись до дома прадеда. И облегчение от встречи с Майяри сменилось тревожным ожиданием.

Присев на постель, мужчина склонился и поцеловал девушку в голову. Ласково погладил её по волосам (растрёпанная такая, надо бы причесать), поправил слегка задравшийся край сорочки и, поднявшись, принёс второе одеяло и укрыл им девушку.

В гостиной раздались тихие голоса, и Ранхаш узнал прадеда и прабабку. Дверь осторожно отворилась.

Бабушка Жадала неслышно прошла внутрь и, склонившись над Шидаем, с материнским беспокойством потрогала его лицо.

– Жар вроде бы проходит, – с сомнением протянула она и, нервно улыбнувшись Ранхашу, с удивлением уставилась на девушку под боком лекаря. – Ранхаш, твоя невеста...

– Ей здесь спокойнее.

Бабушка в замешательстве выпрямилась и переплела пальцы между собой. За прошедшие сутки произошло столько событий, которые легли на душу беспокойством за близких, что мысли почтенной госпожи путались. В обычное время она бы порадовалась, что наконец познакомилась с возлюбленной Ранхаша. Но сейчас не утихшая тревога терзала её, и она запеживала по пустому, в сущности, поводу:

– Ох, а правильно, что мы разместили их до свадьбы в одних покоях...

– Жадала, – Шерех закатил глаза, но договорить не успел.

Шидай, не открывая глаз, с трудом разлепил губы и утешил женщину:

– Не переживайте, госпожа. Майяри сейчас больна и слаба и даже если нападёт на Ранхаша, он сможет отбиться.

Шерех фыркнул от смеха, и напряжённая атмосфера заметно разрядилась.

– Я смотрю, тебе уже совсем хорошо, – голос госпожи Жадалы посуровел.

– С моими детишками нужно встать на ноги очень быстро, пока они не добились, – вяло отшутился лекарь.

Ранхаш почувствовал себя виноватым и легонько сжал руку отца.

– Как госпожа Лирка? – поинтересовался он у деда.

За всеми делами и хлопотами он совершенно забыл про медведицу.

– Прекрасно, – отозвался дед. – Она разломала кровать, обрушила балдахин и соорудила себе очаровательную берлогу. Чувствует себя как дома. Даже попыталась утащить одного из наших лакеев к себе, как мы подозреваем, в качестве провианта, но его удалось обменять на баранью ногу. Сейчас отдыхает. Тебе бы тоже не мешало поспать.

Ранхаш с нежностью погладил Майяри по волосам. Он бы с большим удовольствием вытянулся рядом с её тёплым телом, заключил в объятия и забылся сном. Но дела, многочисленные дела ждали его внимания. В городе всё ещё было опасно, а случившееся требовало объяснений. Может быть, разгневанный Узээриш и снимет его с должности главы сыска, но пока он этого не сделал. К тому же...

Ранхаш опять наклонился и поцеловал Майяри в затылок.

Ему есть ради кого стараться и наводить порядок в Жаанидые. Приносить в него мир и покой. Вернуть всё на круги своя.

Раздался звон разбиваемого стекла, и что-то грохнулось на пол в гостиной. Шерех тут же приоткрыл дверь и осторожно выглянул. До чуткого слуха оборотней донеслись приглушённые голоса из парка.

– Зачем долбить с такой силой, придурок?!

– Эй, у меня рука больная, она не слушается! – огрызнулись в ответ.

– Нас теперь вытурят отсюда!

– Да и Тёмные с ними! Майяри!!! – завопили снаружи.

Девушка вздрогнула, а Ранхаш с досадой подумал, что привычная жизнь уже возвращается на свои круги.

Глава 22. Пробуждение от страха

В воздухе разливался свежепряный запах распустивших листьев. Деревья стояли в лёгком мареве клейкой зелени, а в переплетении ветвей, шатром укрывающих город, радостно ворошились птицы. Откуда-то ветер принёс сладкий цветочный аромат. Майяри принюхалась. Цветёт уже что-то...

Весне были безразличны горести, постигшие Жаанидый. Смута терзала его сутки – сутки, показавшиеся вечностью! – а отголоски ходили по улицам ещё неделю, и только недавно городская жизнь начала возвращаться в прежнее, пусть и слегка подправленное русло. Дома отстраивались, ремонтировались; улицы очистились и от грязи, и от бандитов, но город продолжали обходить усиленные военными отряды городской стражи; убитых похоронили и оплакали, а госпитали постепенно начали пустеть. По-прежнему тесно было только в тюрьме, но и оттуда на погребальные костры каждую ночь выносили тела.

На территории дома старого консера весна ощущалась гораздо сильнее: всюду звенел детский смех. Усадьба стала крепостью, в которую во время мятежа свезли почти всех женщин и детей рода Вотый, а также некоторых знакомых и слуг, которые были в городе. Надо ли говорить, что дом чуть ли не трещал по швам? Заняты были даже конюшни и погреб, а относительная тишина царила только на самом верхнем этаже, где в просторных комнатах мирно спали больные. Сюда шумных детей не пускали. По крайней мере Майяри знала, что на «их» этаже есть только двое малышей: юные хайрен и хайрени. Но они вели себя очень тихо. Зиша даже ни разу не удалось выманить погулять. Он не хотел выходить без брата, а брат...

Майяри досадливо, но без осуждения поморщилась. Ей было невыносимо жаль хайрена Узээриша. Точнее теперь уже хайнеса. А ещё её глодал маленький червячок вины: она помнила, что господин Иерхарид задержался, чтобы вышвырнуть за ворота её саму и Лирку. И сердце её тоскливо сжималось от отчаяния, так уж хотелось, чтобы добрый и ласковый хайнес всё же выжил. Она сама его не видела, к нему в комнату не пускали никого, кроме господина Шереха, молодого хайнеса и лекарей. Ещё госпожа Жадала могла пройти: остановить её хватало духа не у всякого охранника. Но слышала, что пострадал господин Иерхарид очень и очень сильно. Звери, название которым так и не нашли, успели вцепиться в него зубами до того, как потолок рухнул. Потянули его к центру помещения, где их держали пленниками, а потом всё от взрыва валиться начало. Уже и камнями поломало. Лекарей одно радовало: голова была почти цела. Повезло, что звери к центру тянули, там как раз потолок удержался. Но вот очнётся ли?

Господин Шерех на этот вопрос не ответил. Только мягко улыбнулся и погладил по голове, как своих внуков маленьких гладил (Майяри видела в окно). А Ранхашу она такими вопросами не досаждала. Спросить у кого-то ещё не рискнула. И вообще боялась говорить о жизни и смерти господина Иерхариды. Особенно после того, как однажды ночью услышала глухой вой и рыдания.

Ранхаш опять заседал на собрании сыскарей, которые теперь проводились в маленьком гостевом домике в парке, и Майяри, выбравшись из-под бока господина Шидая, потопала к двери. За ней тенью последовал Казар – их сиделка, – и они оба осторожно выглянули в коридор.

Майяри поёжилась. Даже сейчас, при ярком свете солнца и в окружении жизнеутверждающего детского смеха, было мучительно страшно и больно вспоминать.

На полу перед дверью в комнату, где лежал господин Иерхарид, в одних портках сидел Узээриш. Он глухо, сдерживаясь, выл и рыдал, расплосовывая пол и дверь когтями. Невыносимая боль сжирала его, корёжила, разливалась и заставляла испуганно отшатываться всех, кто её видел.

Майяри ни разу не приходилось видеть господина Узээриша хотя бы немного опечаленным, и такое безумное горе, неподдельное отчаяние из-за смерти отца ранило её очень сильно.

Она теперь каждую ночь лежала и прислушивалась, не донесётся ли сквозь стены вой.

– Эй, Майяри, – Мадиш пощёлкал перед её лицом пальцами. – Вынырни из пучин своего могучего разума и насладись, наконец, свежим воздухом и прекрасной погодой.

Майяри недовольно зыркнула на него.

Парни всю неделю пытались вытащить подруг на прогулку, но удалось это только сегодня. Нашли в парке среди елей и кустов крохотный пятачок свободной земли, куда не забегала детвора, поставили там скамейку – роскошную, блестящую от лака и с витыми чугунными ножками и подлокотниками (Майяри такую в парке Вотых из окна не видела) – и назвали облюбованное местечко «Последним бандитским оплотом». Девушки и Эдар заняли скамейку, Лирой растянулся на молоденькой травке, а Мадиш, сияя улыбкой, сидел на земле, свернув ноги кренделем.

– Я для кого рассказываю? – Мадиш возмущённо приподнял брови, строго осмотрел подруг и вновь, в который уже раз замер, глядя на Лирку. – Нет, я так не могу! – и, закрыв лицо ладонями, опять расхохотался.

Майяри мстительно прищурила глаза.

Главной темой сегодняшних «бандитских» обсуждений были их с Лиркой наряды. Госпожа Жадала постаралась. Нет, она хотела как лучше, но когда в доме столько народа, все требуют внимания, внуки, правнуки... Времени на выборы особо-то и нет. По комнатам Майяри вполне спокойно разгуливала в нижней рубашке и одеяле вместо плаща, а Лирка лишь вчера первый раз обернулась в двуногую ипостась. И когда встал вопрос о прогулке, им начали спешно искать одежду, с которой в доме старого консера проблем не было: дети, внуки, правнуки и хорошие знакомые всегда что-то оставляли в гардеробных. Нужно было только порыться в ворохе тряпок. Двум «юным девочкам, которые пережили такой ужас», определённо нужно было найти что-то совсем красивое.

В целом Майяри даже повезло. На ней было лёгкое муслиновое платье. Прямого кроя, с воланами по подолу, с длинными рукавами и воротничком до середины шеи. Такого серо-розового цвета (проснувшийся господин Шидай заверил её, что это самое свежее модное веяние сезона) и с роскошной серебристой вышивкой на груди (а вот она не удостоилась похвалы от лекаря, только: «Да кого ей ещё приманивать?»). Платье было прекрасно. Оно так и кричало о юности, свежести и румяности... и поэтому совершенно не шло Майяри, которая хоть и была юна, но юной себя не чувствовала. Кроме того, кошмарный синяк на лбу за неделю перелинял из багрово-чёрного в зелёно-жёлтый, и этот цвет не прибавлял Майяри ни молодости, ни свежести, ни тем более румяности.

Но Лирке не повезло ещё больше. Госпожа Жадала даже не подумала предложить ей брюки и вместе со слугами и невестками пыталась выискать что-то, что подошло бы девушке по размеру. А это оказалось не так просто, всё же Лирка была довольно высока. Нет, имелись среди невесток госпожи Жадалы барышни и более внушительной комплекции, особенно в верхней и нижней частях тела. И по итогу все подобранные платья были либо малы, либо велики, хотя на грудь Лирке боги тоже не поскупились. В конце концов было найдено жёлтое шёлковое платье, которое когда-то, будучи очень юным, надевал на карнавал кто-то из правнуков. Отсутствие груди там с лихвой компенсировалось широкими плечами. И вот Лирка, которую никто из друзей никогда не видел в платье, сидела на скамейке в невообразимо изящном ярко-жёлтом наряде с широкими рукавами и широкой же, струящейся по ногам юбкой. В таких изображают на полотнах томных барышень, где они, откинувшись на спинки диванов и изящно свесив одну руку вниз, с нежной задумчивостью смотрят вдаль. Может быть, оно бы пошло и Лирке, если бы она не смотрела так угрюмо и не цеплялась за Майяри как совсем

маленькая девочка. А из-за яркости платья все взоры сразу обращались на неё, так что Майяри действительно ещё повезло.

– Нет, девочки, платья очень красивые, – поспешил заверить подруг Мадидш, – и вы тоже красивые. Просто ваша красота и красота нарядов... не соотносятся друг с другом. Эй, Майяри, с такой кислой физиономией такие вещи не носят!

– Мадидш, – девушка раздражённо поморщилась, – рассказывай про школу.

Парней, в отличие от них, с территории дома отпускали. Вообще-то они поначалу жили у родственников Эдара, но так часто отирались здесь, что им выделили комнатку для слуг: гости как раз начали разъезжаться и кое-что освободилось. Сперва они ходили по улицам в добровольческих отрядах и помогали восстанавливать разрушенное. А два дня назад открыли доступ в школу для мастеров и учеников, которые достигли совершеннолетия. Территорию-то в порядок привести нужно, осмотреть всё и решить, что делать дальше. Парни, конечно же, направили свои стопы туда. Работы было немерено. Если саму территорию можно было просто убрать, то с сооружениями, пострадавшими от землетрясения, всё было сложнее. И приступить к их ремонту пока нельзя: решался вопрос, стоит ли оставлять школу на прежнем месте. Под ней же теперь подземный город, вдруг там ещё какая-то беда скрыта. Мастер Резвер с отрядом магов пядь за пядью просматривал все поверхности в подземелье, отковыривал чуть ли не все плиты, а за ним проверяли городские маги, но доверия у народа место уже не вызывало. Они и жить-то рядом боялись.

Над школой вообще тень сгустилась. Кошмарное злодеяние, которому и в прошлом едва ли найдётся сравнение, угроза жизням сотен детей... Но, что печальнее, были и погибшие. В схватке под стенами города живы остались не все. Из подземелья вышли не все. Кто-то сгинул в беспорядках в городе. И это в большинстве своём ученики, дети. По законам все они уже были совершеннолетними, взрослыми, но в народном понимании они оставались детьми.

Погиб и мастер Аврезий. Школа лишилась своего директора. Его вынесли из подземелий. Умер, когда из него выкачивали силы. Ученик, которого привели в ритуальный зал следом за ним, рассказывал, что мастер отдавал и отдавал свои силы. Тянул время. Знал, что за ними уже идут. Верил. И как мог оттягивал момент, когда возьмутся за учеников. Майяри даже не представляла, что успела привязаться к этому сухому на первый взгляд и суровому старику.

Работы в школе возглавлял мастер Дагрэн. К бурной радости (Мадидш в красках описал эту встречу) дочери он объявился с мастером Милимом, мастером Лодаром и группой учеников на следующий день после смуты на заставе. Оказывается, они собрали по школе оставшихся учеников, пошли к площади, которая была первым местом сбора, столкнулись со сворой мародёров и залегли в горшечной мастерской – самое прекрасное место для магов, загнанных в ловушку. Особенно если эти маги – гениальный защитник, гениальный артефактчик и очень сильный – физически уж точно – боевой маг. Ух, что было! Горшки бегали по улицам, кусали бандитов за пятки, с лёгкостью прогрызая сапоги, и за кое-что пониже пояса – злой мастер Милим мужской солидарностью не страдал («Я с ним больше никогда ссориться не буду!» – клятвенно пообещал Мадидш). Горшки взрывались, горшки строили защитную линию, горшки оглушительно гудели и горшки по-простому разлетались о головы бандитов, пущенные сильной и не знающей промаха рукой. Как Майяри хотелось посмотреть на этот бой...

Сама Род прибегала навестить их один раз. И то выглядела очень нервной и постоянно говорила про отца. Похоже, опасалась, что он опять исчезнет. Глядя на неё, Майяри вспоминала рыдающего Узээриша и ничуть не осуждала подругу за то, что та была у них всего один раз. Мадидш рассказывал, что, когда мастер Дагрэн появился, Род плакала, как котёнка в кармане господина Зээхея.

Виидаш тоже приходил. Два раза. И оба раза столкнулся с Ранхашем. Они ничего друг другу не сказали. Просто стояли и некоторое время молча смотрели, а потом харен уходил и оставлял их наедине. Ну как наедине. Мадидш, Эдар и Лирой тоже присутствовали и разряжали

несколько накалившуюся от переглядываний обстановку. Говорили всегда о какой-то ерунде, словно пытаясь забыть, что произошло, но Майяри казалось, что Виидаш подозревает, с кем ей пришлось опять столкнуться. Подозревает, но не спрашивает. Она порой ловила на себе его пристальные взгляды. И ничего не говорила. Почему-то казалось, что друзьям лучше не знать. Сам Виидаш проводил всё время в городе со своими дядями. Майяри так поняла, что господин Зээхей обзавёлся ещё одним выводком детишек, чуть ли не до смерти разругался с каким-то жрецом и был весь в хлопотах, в которые втянул и брата с племянником. Он тоже приходил, навестить «старину Шидаю». Котята были с ним. Возились в карманах, взмуркивали и больше не пищали испуганно. Майяри даже дали одного подержать, самого тощего, «на тебя похожего».

– Да чего про неё рассказывать? Мусор убрали. Сейчас кто-то библиотеки разбирает, а вот нам поручили стеной заняться. Её-то всё равно будут восстанавливать. Ну... страшное место отгородить как-то надо, – съязвил Мадиш.

– Не будут они её переносить, – со странной уверенностью заявил Лирой. – Это сколько денег надо вбухать. Проще уже подземелья обжить, придать им законный статус и объявить, что опасность миновала.

– Народ не убедишь.

– Не убедишь. Учеников на какое-то время станет меньше, но лет через двадцать уже подзабудется и опять всё заполнится. Девочки, ну чего вы такие кислые? – Лирой очаровательно улыбнулся, и в ветвях залилась голосистым пением птица.

– Да не дёргайте вы их, – Эдар недовольно посмотрел на них.

Он подсел на скамейку, чтобы подпереть Лирку, но та отчего-то сидела, вцепившись в Майяри, а её угрюмый взор сменялся мрачной отрешённостью, а иногда и пустотой. Это его серьёзно беспокоило. Беспокоило его и то, что она столько времени была в зверином облике. Такое происходило, если у разумной ипостаси и звериной шёл разлад, или же если разумная половина была чем-то так расстроена, что уходила от реальности. И он предполагал, что Лирка чем-то очень и очень расстроена.

Парни не знали, что произошло с ними в подземельях. Они не рассказывали. Ранхашу Майяри всё рассказала. Несколько раз. Во всех деталях. И потом ещё добавляла, если что-то вспоминала. Расследование шло полным ходом, и она пыталась помочь, чем могла. Соврала только в одном, но лишь из чувства благодарности к господину Иерхариду.

Тюрьмы наполнились от отловленных в подземельях мятежников. Часть из них умерла почти сразу, как попала в руки к врагам. Ещё часть – при допросе. И тех, и тех убили печати, которые нашли на их телах между лопаток. У остальных мятежников они тоже имелись: это был своего рода опознавательный знак, исчезающий с тела после смерти. Кое-кого с большими предосторожностями всё же удалось допросить, но они добавили малого нового. Видимо, те, у кого печати были сильнее и кто умер в первых рядах, знали больше, а остальных в дела и не посвящали.

Записей Деший никаких не оставил. Или оставил, но очень хорошо спрятал. Но Майяри склонялась к мысли, что всё же действительно не оставил. Сторонников во дворце у него оказалось довольно много, и ряды придворных сильно поредели. Магов во дворце и так было мало, а стало ещё меньше. У дворцовой сокровищницы освободилось место главного хранителя, а главе дворцовой охраны перерезал горло никто иной, как господин Мариш. И осталось неизвестным, чем же всех этих оборотней и даже людей так привлёк Деший. Что же он им сказал? Убедил, что власть хайнеса Иерхариды незаконна, что тот занял престол несправедливым способом? Хайнеса Озэнариша любили очень многие, пока он «не сошёл с ума». Мог ли Деший воспользоваться этой любовью и преданностью? Чем он убеждал? Как он убеждал? Выбирал ли он изначально слабых духом и готовых верить? Столько вопросов...

О расследовании никто не распространялся, но Мадиш, Эдар и Лирой, постоянно шныряющие рядом, что-то умудрились прознать. По крайней мере, они были уверены, что подруги были не просто в числе магов, из которых хотели выкачать силы. Но Майяри молчала, а Лирка не отвечала даже на невинные вопросы.

– Тебе, может, здесь не нравится? – Мадиш проникновенно посмотрел в глаза Лирке, но та торопливо уткнулась в плечо Майяри. – Если хочешь, то переезжай. В школе общежитие открыли...

– Зачем общежитие? – вскинулся Эдар. – Поживёт у моей двоюродной прабабки. Тишина, покой, а бабушка приставать не будет. Она почти глухая и слепая.

Лирка заинтересованно шевельнулась.

– Не верь ему! – сделал страшные глаза Мадиш. – Видел я эту прабабку. И знаешь, я бы не прочь стать его прадедом! И не только я. У неё с утра до ночи куча кавалеров ошивается.

Состояние Лирки беспокоило не только друзей. Господин Шерех потому и распорядился выделить девушке отдельную комнату на верхнем этаже: сразу углядел неладное. На пятый день к ней даже позвали лекаря душ, но медведица загнала его в гардеробную и легла сторожить под дверь, которая была единственным выходом. Там лекарь и просидел полдня, через дверь пытаясь донести до неё что-то полезное, пока спохватившийся Фоший не выманил зверя очередной бараньей ногой и не освободил мучимого жаждой, голодом и другими потребностями тела мужчину. Но помогли то ли пространная речь лекаря, то ли простые и более доходчивые слова домоправителя, но на следующий день Лирка обернулась.

И только Майяри знала, что с ней на самом деле происходит.

– Я видела, видела... – поджав под себя перемазанные стопы, Лирка, скрючившись на разломанной постели, как заворожённая смотрела перед собой.

Майяри попробовала набросить на неё одеяло.

– Его заводили к ним и показывали... это с тобой произойдёт, если и дальше... дальше... – она умолкла и её губы задрожали. – Он посмотрел мне в глаза... а глаза у него красные.

Майяри наконец догадалась, что речь идёт о звере из подземелья.

– Посмотрел, и я увидела его...

Речь опять оборвалась, и Майяри осторожно уточнила:

– Кого?

– Илика, – почти неслышно отозвалась Лирка.

Что она увидела, как увидела, не привиделось ли? Как понять?

Но Майяри уже знала от Ранхаша, что в подземелья постоянно притаскивали магов. И да, часть из них становилась «тварями».

– О, Лирка, мастер Резвер о тебе спрашивал, – вспомнил Мадиш. – Каждый день спрашивает. Приветы передаёт, лапы жмёт. Все сразу жмёт, – парень прищурился как кот и, подбравшись ближе, облокотился на колени девушки. – Приворожила...

– Что? – Лирка наконец отреагировала, и парни сразу же оживились.

– Говорю, приворожила, пока по городу с ним гуляла, – Мадиш многозначительно подмигнул. – Забралась в очерствевшее сердце воина, корни пустить решила.

– Нет... – на лице девушки появилась глубочайшая растерянность.

– Не староват ли? – Лирой задумчиво посмотрел на небо.

– Шесть сотен лет, – Эдар осуждающе покачал головой.

Майяри подумала и поддержала друзей:

– Господин Шидай женился, когда ему было почти пять сотен, а его жене и сотни не исполнилось.

– И хайнес наш...

Мадиш осёкся. Примеры всё какие-то выходили не жизнеутверждающие.

– Госпожа Майяри!

Друзья вскинули головы и среди веток увидели, что открылось одно из окон и наружу выглянул Казар.

– Господин Шидай напоминает, что у вас с ним пришло время полуденного сна.

Господин Шидай всё ещё был очень слаб и почти постоянно спал, но к полудню обычно открывал глаза, чтобы убедиться, что и Майяри ложится спать. Для её убитого здоровья это очень полезно. Майяри казалось, что лекарь на самом деле не спит, просто лежит, терзаемый болью, и оттого ей было очень сложно уйти и оставить его одного.

– Детям пора спать, – насмешливо протянул Мадиш.

Овеянные нежным дымом зелени ветки раздвинулись, и в кусты просунулось улыбающееся лицо Викана.

– А я-то думаю, где моя сестрица!

– ВIKAN! – Майяри обрадованно посмотрела на оборотня, и тот насмешливо приподнял брови.

– Не раньше конца месяца.

Девушка просияла. Редий и Аший лежали в каком-то из городских госпиталей, и ей не терпелось встретиться с ними. Все говорили, что жить будут, но Майяри чувствовала недоговорённость и на всякий случай капризничала с Казаром. Но так, чтобы не очень волновать Ранхаша или, упаси боги, господина Шидая! Подозревала, что раны, полученные охранниками, могут не позволить им и дальше её охранять, и теперь делала так, чтобы у окружающих сложилось мнение, что слушалась она только Редия и Аشيا и что они просто незаменимы. Это же первые охранники, которых она полюбила!

– Госпожа, господин грозитя встать.

– Мне пора.

Майяри поднялась, Лирка встала вместе с ней.

– Лирка, ты уж долго не болей, а то мастер от тоски сохнет, – парни захохотали, а на щеках девушки появился неуверенный румянец.

Вся компания направилась в сторону дома, а ВIKAN остался ждать брата. Леахаш не очень-то торопился, а увидев ярко-жёлтое платье Лирки, так и вовсе едва ли не остановился.

– Знакомое платье, – пробормотал он, подходя ближе. – Очень похоже на то, в котором я на карнавал заявился, когда мне семнадцать было.

ВIKAN присмотрелся.

– И правда похоже. А оно разве не дома?

Брат неуверенно пожал плечами.

– Одним богам известно, где оно. Я ж ушёл в нём, а дома протрезвел уже в платье горничной. Наверное, – он улыбнулся, – у какой-то милой горничной и оставил.

Глава 23. Заговор лекарей

Когда Майяри пришла, господин Шидай уже спал. Или делал вид, что спит. Слабое сияние светляка озаряло посеревшее лицо оборотня, и он казался куда старше, чем на самом деле, хотя раньше Майяри вовсе не видела, чтобы он был старым. Около постели сидел уставший, очень печальный седеющий мужчина, немного полноватый, с выдающимся крупным носом и выцветшими серыми глазами.

– Господин... – девушка в затруднении умолкла. То, что это лекарь, она помнила, но вот имя выскользнуло из памяти.

Тот отмахнулся, мол, не вспоминая, и поманил её к себе.

– Я хорошо себя чувствую.

Первые дни она позволяла лекарям себя осматривать, но потом, придя в себя, уже стала кочевряжиться, как выразился господин Шидай. В конце концов она и сама умела лечить и понимала, когда ей самой ничего, кроме сна и еды, из лекарств не нужно. Да и избаловалась она за последние полгода тем, что у неё всегда один и тот же лекарь.

– Майяри, – господин Шидай глаз не открыл, – не испытывай терпение уважаемого оборотня.

– Да ладно, Шидай, девочке и в самом деле ничего, кроме отдыха, не нужно. Но я посижу здесь ещё немного. С закрытыми глазами.

С тяжёлым вздохом мужчина откинулся на спинку и действительно закрыл глаза. Майяри растерянно посмотрела на Казара. У лекарей, конечно, было много работы, но сейчас вроде бы стало полегче.

– Спать не могу, – лекарь выпрямился, встряхнулся и мутными от усталости глазами уставился на Шидаю. – Не выживет хайнес. Не вытянем.

– Господин! – возмущённо зашипела Майяри. Разве можно о таком с больным говорить? Он же будет переживать, ему может стать плохо!

– Совсем всё худо? – не открывая глаз, уточнил Шидай.

– Паршиво. Винеш уже до дна доскрёбся. Раны таковы, что если лечить, то сразу, а нам на одну-то сил не всегда хватает. Согнали было сколько смогли лекарей, чтобы сил уж побольше было, так сработаться не получается: слишком много. Раны прихватили и сейчас поочередно каждую... Но у хайнеса сил уже нет. Неделя прошла, а мы его через день...

Мужчина опять умолк.

– Не знал, что всё так, – наконец отозвался Шидай и приподнял веки. – Он сильно пострадал?

– Места живого нет, только голова и цела. Руки, ноги, внутренние органы... Слой за слоем сращиваем, а там такая мешанина... – оборотень с силой растёр глаза. – Ткани отмирают раньше, чем мы до них добираемся. Отрезаем мёртвое, наращиваем живое, время уходит, кровь уходит... Крововосполняющее уже не помогает. Мучаем только, а умрёт, что будет? Хайнес Узээриш не в себе, отец же... Умрёт, всех нас перевешает.

– Не перевешает. Шерех не позволит, придержит, а потом он и сам в себя придёт.

– Да я за себя и не боюсь, но со мной здесь двое сыновей, тоже лекари, – мужчина горестно взлохматил волосы. – Шидай, ты уж прости, сил нет молчать. Которую ночь не сплю, а если и сплю, то хайнес Иерхарид снится... такой, как сейчас, снится. Скоро самому лекарь душ понадобится.

В спальне опять повисла тишина. Напряжённая. Тёмные думы будто бы заволкли потолок и теперь смотрели с него на присутствующих. Господин Шидай пару раз вяло моргнул и опять сомкнул веки. Тихо-тихо вздохнул, повёл затёкшими плечами – спина ныла и болела уже сильнее, чем грудь, – и позвал:

– Казар.

– Да, господин.

– Из дома харена привезли то, что я просил?

– Да, я сам съездил, и госпожа Пандар собрала мне вещи.

Майяри припомнила день, когда их сиделка вернулся с зацелованным лицом.

– Майяри, что у тебя с силами?

– У меня? – брови девушки изумлённо начали приподниматься вверх. Он же не хочет предложить ей... – Отлично. Через край плещутся.

Господин Шидай вновь приподнял веки и проникновенно прошептал, глядя на лекаря:

– Эта девочка – недоучившийся боевой маг, который очень хорошо для своего возраста и опыта разбирается в порванных мышцах и сломанных костях. Конечно, далеко не Винеш и до меня она тоже не дотягивает, но у неё прорва сил. Если Винеш возьмётся руководить ею, то она может справиться.

– Шидай, ты серьёзно...

– Ты сам видел ногу Ранхаша. Она её срастила в одиночку самое большее за четверть часа.

Усталость начала отступать, и лицо лекаря, имя которого Майяри так и не могла вспомнить, прояснилось надеждой.

– Ей не хватает опыта, но опыта хватает у лекарей там. У неё сила и крепкие фундаментальные знания, у них опыт.

– Боги, Шидай, – лекарь нервно вскочил и обмахнулся дрожащими ладонями, – если это так, то... О Боги! Я поверить боюсь! Как много у неё сил?

– Достаточно, чтобы поднять на воздух пол-Жаанидыя.

– Боги... Тёмные... Мне нужно Винешу сказать...

– Да он отмахнётся. Найди ей платье, в каких у вас помощницы-лекарки ходят, а потом осторожно, чтобы её никто не узнал, проведи внутрь. Айш, хайрен... хайнес не должен узнать, что она там была. Если не получится...

– Да-да, я понял! Я сейчас всё найду! Никуда не уходи, – велел мужчина Майяри и выбежал за дверь.

Девушка изумлённо посмотрела на господина Шидаю. Она бы никогда не поверила, если бы ей кто-то сказал, что он сознательно втравит её в такую авантюру.

– Ранхашу это не понравится.

– Его удар хватит, – согласился с ней Шидай, – поэтому ни слова ему. Он обещал задержаться до утра, так что у тебя есть полдня и вся ночь.

– Поверить не могу, что вы мне предлагаете...

– Хочешь отказаться?

– Нет! Но... это так странно...

– Будет очень печально для всех, если Иерхарид покинет нас. Я плохо знаю Узээриша, но дети-совы очень тяжело переживают преждевременную смерть родителей. И мальчишку жалко, и нас тоже жалко. Мы же под его властью. Казар, дай ей саквож. Там подарочек от твоих болотных родственников. Мазь такая...

Майяри поняла какая.

– Если спросят, откуда, скажешь, сама изобрела.

– Но её изобрела не я...

– Или сама изобрела, или про болотных родственников рассказываешь. На меня списать не удастся. У меня душа широкая, я сразу делюсь своими изобретениями с миром. А вот ты у нас жадная, так что поверят. И лоб свой замажь. Тебя по нему сейчас каждая собака опознает.

Дверь в опочивальню господина Иерхариды лекарь отворил каким-то особым знаком, и в нос тут же ударил запах лекарств и... не очень свежего мяса. В гостиной вповалку на полу спали пятеро лекарей, а из спальни доносился гул голосов. Майяри торопливо шмыгнула внутрь мимо охраны, а за ней шагнул господин Айш.

– Живее, в спальню!

В спальне – запах здесь стоял просто сногшибательный – сгрудившись над телом, положенным на длинный стол, стояли шестеро лекарей и сновали туда-сюда две молоденькие девушки.

– Отдыхать! – отрывисто рявкнул господин Винеш, едва посмотрев, кто вошёл, и узнав Айша.

В памяти Майяри забрезжил смутно знакомый образ, когда она увидела главного дворцового лекаря. Невысокий, но широкий в плечах, кряжистый и очень могучий оборотень с широким, плохо выбритым лицом и сильными руками. Такие пальцы, как у него, больше подходили камнетёсу, но сейчас он очень ловко управлялся тонкой как волос иглой.

– Винеш, – Айш, ничуть не опасаясь отвлечь лекаря – знал, что тот уже сам не мог лечить, сил не было, и только присматривал, – потянул его за локоть, – Шидай свою ученицу послал.

– Чего? – господин Винеш нахмурил кустистые брови и уставился на Майяри красными от недосыпа глазами. – Ты мне чего голову морочишь?! – озверел он почти тут же. – Какая ученица? Я сам ей башку лечил, когда она дворец разнесла!

– Одно другому не мешает! – горячо вступился Айш. – Здесь разнесёт, там полечит... Винеш, она хаги! У неё сил хватит весь Жаанидый на воздух поднять! Учится на боевого мага, очень талантливая девочка, а у боевых сам знаешь как с подготовкой по лечебной части. Их же натаскивают именно по ранам.

– У тебя мозги от усталости поплыли? У меня здесь сам хайнесдохнет... друг мойдохнет, а ты ко мне девчонку приводишь?!

– Он умирает, Винеш! Умирает! – зарычал в ответ Айш. – Ну не хватает у нас сил, не хватает! Мы знаем, что делать, но не можем! А она может! Может, Винеш! У неё есть силы. Винеш, – он перешёл на умоляющий тон, – давай попробуем. Терять-то уже нечего. Ты же сам видишь.

Он кивнул на тело на столе, Винеш посторонился, оборачиваясь, и Майяри побелела от увиденного.

– Дурно? – грозно прищурился главный лекарь.

Девушка отрицательно мотнула головой и тихо призналась:

– Страшно.

В комнате повисла тишина. Измученные лекари уставились на Майяри, а Винеш, отерев лицо могучей ладонью, неожиданно тихо, почти обречённо разрешил:

– Давай. С плеча давай.

Торопливо, пока не передумал, девушка приблизилась, осмотрела разорванные мышцы, белые осколки костей и, призвав силы и все свои знания по анатомии, взялась за работу. Первым делом убрала сколы костей. Отвела их вглубь плоти, к уже наспех сращенной кости и так же наспех приживила к ней: кость можно и потом поправить, сломать, если что, и ещё раз срастить. Главное, чтобы места для крепления сухожилий и суставы были в хорошем состоянии. Они не были в хорошем состоянии, но Майяри поправила.

– Стой, не так, – напряжённо остановил её господин Винеш. – Он птица, у них строение костей немного другое. Давай по-другому...

Он объяснил. Майяри не была уверена, что поняла, просто сделала как сказали и наконец взялась за кашу из мышцы. Едва схваченные лечебными заклинаниями – внутренние органы были в приоритете, – они уже начали нехорошо темнеть.

– Убираем лишнее, – коротко распорядился господин Винеш, и стоящий рядом лекарь потеснил Майяри и начал орудовать скальпелем.

Мышцы под его пальцами и скальпелем приходили в движение, переплетались, замирали – Майяри порой требовалось время, чтобы вспомнить анатомический атлас, – дряблые кровеносные сосуды начинали подёргиваться.

– У меня мазь есть, – Майяри подняла глаза, – она... особая. Помогает очень быстро восстанавливать ткани. Можно ей мышцы промазать, особенно те, что повреждены. Она не внесёт заразу, даже убьёт. Хорошая мазь, – и слотнула, – тысячи лет мои предки ею пользовались. Тайное знание семьи.

Взор господина Винеша был несколько странен. Он не отрываясь смотрел на неё, и в глазах его, ранее усталых, теплилась безуминка.

– Давай свою мазь и залезай к нему в утробу.

Оживившиеся лекари переглядывались между собой, губы их дрожали, и они с жадностью смотрели не на стремительно сращиваемую рану, а на девушку, которая всё ещё крепко стояла на ногах и, казалось, не думала валиться в обморок от перенапряжения. Надежда зажглась в их глазах.

– Так, – ободрившийся господин Винеш за плечо оттащил одного из лекарей, – найди господина Аризезя, двоюродного брата Иерхариды.

– Аризезя?

– Глава охраны Риша! – зарычал лекарь. – Сцеди у него крови сколько сможешь! Для Иерхариды. Живее! И подними тех, кто спит. А ты иди и следи, чтобы хайрен... тьфу ты! хайнес Узээриш сюда не совался. Хоть ногу ему сломай, но сюда не пускай, ясно?

– Понял! – оборотень с радостной улыбкой попятился к двери.

– И за хареном, за хареном пусть кто-то присмотрит! – встрял Айш. – А то он не знает.

– Куда растишь?! – Винеш зашипел на Майяри. – Внимательнее, внимательнее. Ты, ты и ты! Смотрим, что делает. Помогаем! Скальпель мне! И воды побольше, побольше!

Затхлый воздух в опочивальнях взметнулся. Ободрённые неожиданной надеждой лекари позабыли об усталости и бросились выполнять приказания.

– Живее, живее...

– Вода...

– Потише, не отвлекай!

– Охрана за дверью, не орите.

В гостиной открыли окно, и тяжёлый воздух потянулся наружу.

Лирка стояла на коленях, уткнувшись лицом в пол, и тяжело дышала.

Кованая дверь распахнулась, и внутрь втолкнули высокого, но очень тощего парня. Его тело едва закрывали грязные лохмотья, в поникших чёрных кудрях сверкала седина, а по лицу струилась кровь.

– Вишь, собака?! Видишь, тварюк?! – рыжий детина тряхнул парня за шиворот. – Ещё раз бежать удумаешь, следующим же днём таким же станешь – безмозглой зверюгой, которая тока и знает, что рвёт всё, что движется, жрёт и срёт. Понял, сырва?!

Это был Илик. Она узнала сразу же.

Зачем она посмотрела в глаза той твари? Зачем?

Стоило взглянуть, и бесчисленные страшные видения потянулись перед внутренним взором. Они тянулись и тянулись, пока она лежала на холодном полу подземелья. А затем она узнала Илика. Среди сотен лиц она узнала его. И поток видений остановился. Перед глазами теперь бесконечно крутились две сцены: та с Иликом и с маленьким детёнышем-тварёнышем.

Она ведь не просто так видит детёныша. Не просто так показывают именно его. Брат, её бедный добрый брат. Лирка глухо зарыдала. Надежды, что он жив, в ней и раньше было мало. Но почему его судьба оказалась такой злой и жестокой?

Рыдания сменились судорожным глубоким дыханием. Девушка повернула голову набок и уставилась на лунную дорожку, бегущую по полу и её «берлоге». Тихо. За окном пела какая-то ночная птица. Лаяли собаки. Внизу кто-то ходил: скрипели половицы и доносился приглушённый кашель. На стуле серебром поблёскивало шёлковое платье. На отдыхающего призрака похоже.

Девушка перебралась на разложенный прямо на полу матрас и укрылась одеялом. В мыслях наступил покой. Долгожданный покой. Может, ей почудилось? Привиделось? Страх же такой пережила. Нет, почудилось, нет у...

В груди что-то вязко шевельнулось, в голове вновь зазвучал вкрадчивый, насмешливый голос, и Лирка, застонав, перевернулась и зажала уши руками.

– Уйди... уйди...

Голос усиливался, с ним усиливался и страх. Страх потерять себя, и девушка, решительно отбросив одеяло, скатилась на пол. Раздался хруст, и через минуту на лапы, брезгливо отряхиваясь от ключев ночной рубашки, поднялась медведица. Она властно обозрела свои владения, ревниво прищурилась и дёрнула ухом, словно отмахиваясь от надоедливой мухи. На звучащие в башке голоса ей было решительно всё равно. Голос негодовал, распался, а зверь, широко зевнув, обнюхал перину и, фыркнув, покосолапил к «берлоге».

Жиш и Иия устроили сегодня истерику, когда он, Узээриш, в очередной раз сказал, что мама и папа не могут прийти. Они не понимали, почему родители оставили их, а Риш не мог сказать правду.

Просто не мог. Грудь в лёд превращалась, стоило только подумать об этом.

Риш в очередной раз поднял стакан, и по горлу потекло вино.

Связных мыслей в голове уже не оставалось.

Он всё ещё надеялся, что хотя бы отец выживет. Отчаянно надеялся. Не спал, не мог толком есть, не был в состоянии думать о чём-то другом.

И в то же время он понимал, что папа больше не откроет глаза.

Отец должен был прожить долгую жизнь. Они с Лийришей хотели ещё трёх детей. Целое гнездо птенцов, чтобы оно трещало от них! И, если боги будут щедры, хотя бы одного лисёнка. Они так хотели, чтобы их семья была большой и шумной.

Его отец был таким добрым, ласковым... Справедливо ли, что именно он умирает? Почему не умрёт кто-то другой, кому действительно стоило бы умереть?

Стакан опустел, кто-то услужливо вновь его наполнил.

Слёзы брата и сестры окончательно сломили Узээриша. Не смог находиться рядом с ними и бежал, оставив на охрану. Ему хотелось выть, рычать и просто рыдать от бессилия. Он не мог ничего сделать для них. Не мог вернуть ни отца, ни Лийришу. Не мог он сделать ничего и для себя. Боль просто разъедала грудь, жевала сердце и удушливо сминала лёгкие.

Он не хотел пить. Ему просто хотелось ощутить хотя бы капельку спокойствия, хоть на мгновение, секунду. Отрешиться от безумия, забыть и отдохнуть. Хотя бы чуть-чуть! А вино действительно приносило облегчение. Совсем недолгое, пока катилось вниз, в желудок. Оно спугивало боль, лёгкие расправлялись, сердце облегчённо замирало, а в груди горячело. Потом всё опять возвращалось, но передышка, передышка... Как же она ценна!

После третьего стакана измученное недосыпами, волнениями и отчаянием тело начало хмелеть. Мгновения облегчения стали растягиваться в десятки секунд, а потом и в минуты. Мысли путались, в груди продолжало тянуть, но Риш уже не всегда мог вспомнить, почему ему так плохо. Он хотел облегчения.

Хотел отдохнуть.

Когда он в очередной раз посмотрел в окно, на небе плавало три луны и три кусочка волчьего месяца. На кухне, где он сидел, уже никого не было, а стол заставляли двоящиеся и троящиеся в глазах бутылки. Некоторые ещё не начатые. Кто-то любезно оставил. Риш с трудом поднялся и, хватаясь за стены, пошёл прочь. Он ничего не видел, ничего не понимал, помнил только, что хочет отдохнуть, забыться, хочет почувствовать облегчение...

На лестнице он с кем-то столкнулся и обнял. Нежное, мягкое, приятный аромат... Как же хочется забыться...

– Господин. Господин, проснитесь.

Риш с трудом распахнул глаза и увидел над собой красное лицо Винеша.

– Едва нашёл. Чего это вы удумали здесь спать?

– Я?

Приподнявшись на локтях, Узээриш болезненно поморщился и окинул помещение, очень похожее на чердачное, взглядом: сундуки везде, шкафы, потолок скошен крышей. Под единственным окошком стояла постель – видимо, здесь кто-то жил и, наверное, недавно съехал или ещё не съехал, – на ней на разворошённом одеяле и возлежал совершенно голый Риш. Одежда валялась на полу, тропой обозначая его вчерашний путь.

Память неохотно проснулась и вроде бы даже решила сообщить ему, что он вчера делал, но лекарь наконец сообщил о цели визита:

– Господин Иерхарид глаза открыл.

Риш как был вскочил с постели и, позабыв об одежде, бросился прочь с чердака. Скатившись по лестнице на этаж ниже и перепугав служанок, хайнес пробежал в конец коридора и ворвался в опочивальню отца. Изменения сразу же бросились в глаза: больше не спали вповалку лекари, горничные как раз домывали полы, а воздух пах свежестью, лекарствами и совсем немного отдавал тухлостью. Молодой хайнес ненадолго замер перед изумлёнными взорами служанок, а затем тихо прошёл в спальню.

Отец всё ещё лежал на длинном столе и медленно поднимал и опускал ресницы. У Риша ноги подкосились. За прошедшую ночь изменилась не только комната. Тело отца больше не покрывали бурые от крови повязки. Он был облачён в просторный белый халат, укрыт чистым одеялом, а те повязки, что виднелись на пальцах правой руки, были покрыты оранжевыми разводами. Его даже причесали и аккуратно заплели. Цвет лица только был совсем землистым, губы синими, а в глазах отсутствовала осмысленность. Он явно не понимал, где находится, ничего не видел, не слышал и пребывал в собственном мире, вероятно, не очень приятном.

– Папа, – едва слышно позвал Риш.

Тот не отреагировал, продолжая всё так же вяло моргать.

– Он пока не пришёл в себя окончательно, – сказал Винеш. – Потребуется долгое лечение, возможно, лекарь душ... такое пережить духовно очень сложно, а мы не можем дать ему обезболивающее... хм-м-м... Я тут кое-что подготовил, – лекарь выудил из кармана список. – Вот этих бы членов семьи хорошо бы вызвать. Они имеют кровь, схожую с кровью господина Иерхариды. Пока мы берём её у господина Аризезя, но...

– А я? – вскинулся Узээриш.

– Не подходите. Только если господин Зиш, но мал...

– Вызывай всех, кого нужно! Он теперь поправится?

Винеш пожевал губами под жадным вопрошающим взором молодого хайнеса, и тот изменил форму вопроса:

– У него теперь больше шансов?

– У него определённо больше шансов, чем вчера, – подтвердил лекарь. – Но он очень слаб. Его ж буквально заново собрали, всего по частям перебрали. Сейчас ему требуются

кровь, неусыпное наблюдение и очень тщательное лечение. Мы смогли устранить большую часть повреждений, но, увы, не всё. Сейчас многое зависит от его силы духа.

– Я понял, понял, – Риш лихорадочно отёр лицо. – Делайте всё, что нужно. Берите всё, что нужно. Деньги, лекарства, кровь, лучшие лекари... Всё, что нужно!

– Я тут вот вызывные письма подготовил, вы подпись свою поставьте...

Узээриш выхватил письма, едва скользнул по ним взглядом и, взяв протянутое перо, размашисто подписал все. И уже больше не обращая внимания на лекаря, прошёл к столу, опустился рядом на колени и осторожно прижался лбом к перебинтованным пальцам.

Пальцы совсем немного, но дрожали.

Винеш вышел в коридор как раз в тот момент, когда Фоший выманивал бараньей ногой из спальни крупную чёрную медведицу. Винеш невольно пробежался по ней оценивающим взглядом, отметил несколько опавшие бока и согласился с домоправителем: определённо нужно подкормить.

– Любишь баранинку? Я её тоже дуже обожаю, – рокотал Фоший, благосклонно смотря на мохнатую гостью. – Пошли, пошли. На кухне ещё говяжки рёбрышки остались и вот такенная печень. Я такую даже на хозяйский стол не подал, для тебя приберёт.

Винеш дождался, когда парочка скроется на лестнице, и прошёл в покои, выделенные харену. Сам харен всё ещё не пришёл, к немалому облегчению всех «заговорщиков», и в спальне лекарь обнаружил только Шидаю, дремлющего в кресле Казара и крепко спящую Майяри. Девушка лежала рядом с раненым на животе в одной рубашке, раскинув в разные стороны руки-ноги и сладко пуская на подушку слюни. Казар встрепенулся, но, узнав Винеша, остался сидеть, и тот беспрепятственно прошёл к постели и крепко пожал руку Шидаю.

– Спасибо.

Тот неохотно открыл глаза.

– Я передам ей.

– Как уговорились, пока молчим. Выживет – таить не станем.

– Утаите – нестрашно. Она, – Шидай скосился на Майяри, – славу не любит.

– И всё же, Шидай, друг, спасибо. Если бы не ты... Должник твой! Сам знаешь, Иерхарид друг мне.

– Ты мне лучше вставать разреши, – поморщился Шидай. – А то уже задницу всю натёр.

– А сколько прошло? О, неделя... – Винеш малость смутился. – Ну, потихоньку уже можно... Там поаккуратнее... Ну ты понял.

Майяри недовольно засопела, и лекарь заторопился на выход. У порога он всё же приостановился, ещё раз окинул взглядом постель и любопытствовал:

– Только я не понял, чего это она с тобой спит? Или она всё же твоя невеста, а не сына твоего?

– Иди уже отсюда!

Глава 24. О соблазнительях и соблазнённых

Ближе к вечеру Майяри разбудил господин Фоший и сообщил, что её подруга собралась уходить.

– Как уходить? – спросонок девушка не могла сообразить, о чём говорят, и яростно тёрла опечатавшиеся на лице полоски от подушки.

– Она ещё здесь? – удивился приподнявшийся господин Шидай. – Я думал, она с остальной бандой ушла творить добро в школу. А что случилось?

Домоправитель опечаленно развёл руками.

– Уж не знаю почему, всё хорошо вроде шло...

И действительно, всё шло хорошо. Господин Фоший, пока Майяри поспешно одевалась за ширмой, поведаль, как медведица разграбила кухню. Он заманил её туда бараниной, к которой оборотница, видимо, имела определённую слабость, но она не удовлетворилась одним лишь мясом и пожрала все овощи, приготовленные для обеда и ужина, слопала яйца, кур, две огромные рыбины и очистила все шкафчики, съев даже соль, после чего весь оставшийся день хлебала воду из дождевой бочки. Столь неуёмный аппетит взволновал не только поваров, которые оказались в сложном положении, но и лекарей.

– Жрёт хорошо, чего ж худеет-то? – передал домоправитель слова господина Винеша, увидевшего медведицу, когда та подрывала смородиновые кусты. – Ведь правда странность-то, Шидай. Попала она сюда увесистой красавицей, явно не голодала до этого. А тут за неделю схуднула так, что шкура на боках провисла, как будто она всю зиму лапу в берлоге сосала. И мы её голодом не морили. Чтоб в моём доме и голодали, – в голосе домоправителя зазвенела обида.

– Болеет? – Шидай приподнялся, и Казар подsunул ему под спину подушку.

– Хворей у зверя не нашли. А двуногая к себе не подпускает. Дичится. Она всегда такая?

– Ну... – Майяри замялась. – Не очень общительная, но в последнюю неделю она стала какой-то совсем странной.

– В подземке страха хватанула, – решил Фоший, но Майяри, помнящая, какой спокойной была Лирка и как хладнокровно она убила Йожиру, засомневалась. Нет, определённо что-то другое.

Неужели так запало видение про брата? Хотя ей бы тоже запало.

– Победокурила малость и вроде пришла в себя, – продолжил Фоший. – И как только стало смеркаться, обернулась. Я скажу, прям ожила, глаза заблестели! Попросила с одежей помочь. Штанишки там раздобыть и рубашку... Вот только переживала отчего-то, глаза бегали, словно нашкодить успела...

– Ну ведь успела же, – Майяри вышла из-за ширмы, затягивая пояс серо-розового платья.

– Когда ж это? – домоправитель недоумённо посмотрел на неё. – Вроде весь день на глазах была.

Кухонное ограбление и урон, нанесённый парку, он, видимо, шкодничеством не считал. Но Лирка наверняка думала иначе.

Стоило выйти в коридор, и до слуха донёсся непреклонный голос госпожи Жадалы.

– Я не пушу на ночь глядя тебя в город.

– Госпожа, – голос Лирки дрожал от сдерживаемых эмоций, и Майяри ускорила шаг, – я благодарна вам за помощь, но я хочу уйти. Вам не стоит переживать...

– Мне стоит переживать. Из этой комнаты ты никуда не уйдёшь, даже если мне придётся приставить в качестве охраны своих внуков, хотя им охранять юных женщин доверять нельзя.

– Госпожа...

– Что за спешка? Тебя кто-то обидел? Если ты переживаешь из-за поломанной мебели, то она того не стоит. Мои правнуки успели переломать в пять раз больше. И то, что нам пришлось сегодня ждать обед, не самое печальное. Да стой же ты! Подожди...

Лирка выскочила из комнаты, зацепив плечом Майяри, и бросилась прочь по коридору, сверкая босыми пятками и оставляя после себя ядрёный запах смородины и рыбы.

– Лирка! – подруга бросилась за ней.

Та скатилась по лестнице вниз, перепрыгивая через ступени, ненадолго замерла на первом этаже, пытаясь сообразить, в какой стороне выход, и рванула прочь, к холлу. Как раз в этот момент в дверь вошёл высокий мужчина в длиннополом сером плаще с капюшоном, и девушка налетела на него, едва не сбив.

– Дитя... – сдавленно охнул... похоже, жрец и невольно приобнял оборотницу.

– Держи её! – крикнул господин Фоший, тяжело громыхающий деревянной ногой по ступенькам.

Рыкнув, Лирка попробовала вырваться, но руки жреца оказались сильны, и она забилась в его объятиях.

– Да что ж такое? – горестно вздохнул Фоший.

– Лирка... – Майяри в нерешительности топталась рядом.

Продолжая молча бороться, Лирка пихнула жреца коленом, но попала в ножны, закусив губы от боли и попыталась ударить мужчину головой в подбородок. Тот уклонился, девушка невольно вскинула голову и замерла, смотря под капюшон жреца широко раскрытыми глазами.

Майяри не видела лица мужчины, его закрывал широкий край капюшона. Виднелись только гладкий подбородок и длинные серебристые волосы. Жрец замер, по-видимому, тоже смотря в глаза Лирке, и пару десятков секунд спустя губы той задрожали, глаза заблестели, и мужчина неожиданно привлёк девушку на свою грудь.

– Фоший, найди нам укромное место, – попросил он.

– Кабинет Шереха пустует, – отозвался тот. – Ты иди, я сейчас ключ принесу.

Жрец обхватил Лирку руками, закрывая её широкими рукавами, и повлёк обратно в дом, чуть ли не неся над полом. Обеспокоенная Майяри было шагнула за ним, в нерешительности остановилась, метнулась за домоправителем и опять бросилась за жрецом.

Ключ от кабинета не понадобился. Из него как раз выходил господин Шерех. Увидев жреца в обнимку с Лиркой, оборотень удивился, но, ничего не спросив, посторонился. Жрец неслышно переступил через порог, и дверь с тихим клацаньем закрылась. Щёлкнул замок. Подоспевшая Майяри дёрнула за ручку и призвала свои силы, но с изумлением обнаружила, что ей препятствует нечто, не похожее ни на магию, ни на силу хаги, ни на умение хаггаресов.

– Не пройдёшь, – уверенно заявил старый консер. – Не знаю, как они это делают. Я про жрецов Ваирака.

– Что он собрался с ней делать? – Майяри взволнованно посмотрела на оборотня.

– Не думаю, что что-то предосудительное. Последователи Ваирака обет безбрачия не дают, но у них весьма строгие взгляды на отношения с женщинами. Нет, если бы эта милейшая девочка была возлюбленной жреца, то он мог бы что-то такое позволить, но конкретно этот жрец точно не её возлюбленный...

– Вы сейчас издеваетесь?! – вспыхнула Майяри.

Добродушно улыбнувшись, консер приобнял её за плечи и повлёк прочь от кабинета.

– Не переживай, сейчас рядом с ней самый лучший лекарь душ.

– Какой лекарь душ?! – девушка попыталась вырваться, но высохшая рука оборотня оказалась неожиданно сильной. – Ей страшно! С ней что-то происходит...

– ...но она не говорит, что именно, так? – лукаво прищурился господин Шерех. – Вот ему и расскажет.

– Она даже мне не говорит! – помешкав, Майяри всё же посчитала себя сомнительной кандидатурой для доверения тайн и добавила: – Даже Эдару.

– Что не скажешь другу, доверишь жрецу, – припомнил Шерех народную мудрость. – Боги всё равно всё видят, а жрецы говорят с богами. Так какие тайны от них могут быть? Пошли-пошли. Подслушивать и подсматривать нехорошо, боги за любопытство накажут. Проверено не единожды.

Скрипнула половица, и Узээриш остановился. Разворошённая постель была пуста. Днём он несколько раз поднимался на чердак, запретил слугам убираться здесь и не закрывал двери в покои, бдительно прислушиваясь к звукам на лестнице. Он ждал, что житель чердака вернётся.

Но подозревал, что он уже не осмелится прийти. Точнее она.

Обрывочные воспоминания прошлой ночи проносились в голове клубками неясных картинок, эмоций, ощущений и запахов и ворошили волосы на голове. Узээриш сглотнул, облизнул пересохшие губы и медленно опустился на постель. Провёл по смятой простыне рукой, пытаясь разбудить в памяти детали. Обвёл взглядом тёмную комнату и замер, настороженно прислушиваясь: кто-то поднимался по лестнице. Перед подъёмом на чердак шаги затихли, а затем раздались вновь, удаляясь куда-то вглубь этажа больных.

Посидев в тишине, Узээриш прилёг на подушку, повернул голову и уткнулся в ткань носом. Пахло пером и пылью. Чувствовалось что-то такое ещё, но запахи так переплелись между собой, что стали единым целым. Не поймёшь, где начинается один, а где другой.

Резко сев, молодой хайнес разворошил волосы пальцами и уставился злым взглядом перед собой.

– Нажрался?! Молодец!

Хотелось ударить себя.

Плечи зазудели так, словно опять ощутили прикосновение чужих ладоней, и Риш, вскочив, заметался по комнате.

– Тёмные, да кто же?! Напиться так, чтобы даже лица не вспомнить...

В памяти зашевелилось что-то ещё, и оборотень резко остановился.

Глаза шокировано расширились, и кровь отхлынула от лица.

Майяри ещё не успела переодеться, когда в спальню зашёл Ранхаш. Увидев возлюбленного, девушка тут же перестала хмуриться и ярко, широко улыбнулась. Глаза засветились радостью, щёки налились румянцем, и серо-розовое платье вдруг стало ей очень к лицу.

– Господин, – она бросилась к мужчине и обняла его. – Тебя долго не было.

Прикрыв глаза, харен прижался щекой к голове Майяри и закрыл глаза.

– Устал? Хочешь спать? Я сейчас расстелю...

Ранхаш удержал девушку, ладонь его медленно прошлась по её спине вниз и мягко огладила ягодицы.

– Устал. Хочу, – согласился он, не открывая глаза. – Но сперва хочу узнать, что у вас здесь произошло. Мне донесли, что господин Иерхарид неожиданно начал идти на поправку. Очень неожиданно. И лекари ведут себя очень и очень странно, будто что-то скрывают. Мне бы хотелось знать, имеете ли вы с отцом отношение к этому.

– Не имеем, – Майяри широко улыбнулась.

Вот и поди пойми, глядя на её радостное лицо, нагло ли она лжёт или всё же говорит правду.

Интуиция подсказала, что лжёт. Жуть недовольно вскипела:

«Её травили в это! Заманили!»

– Это было опасно, – Ранхаш едва слышно недовольно вздохнул. – Хайнес Узээриш очень опечален состоянием отца и не может трезво оценивать действительность.

– Если господин Иерхарид умрёт, то хайрен... хайнес станет ещё опаснее. Мне уже сказали, что он наложил запрет на наш брак.

– Тебя это волнует?

– Ну, – Майяри закусила губу, – пока это неважно. Мы же всё равно... не можем. Но ведь потом... И ты говорил, что... что уже летом.

– Да, летом. Ничего не поменялось.

– А запрет?

– Забудь про него. Расскажи лучше, что ты делала весь день? Казар немногословен в донесениях. На свою сторону перетянула?

В душе зашевелилась благосклонность к сиделке, но Майяри решительно напомнила себе: никаких послаблений! Только Редий и Аший!

– Спала и снился мне такой чудесный сон... вкусный... – девушка блаженно зажмурилась.

В последнее время ей действительно часто снились «вкусные» сны. Наверное, это оттого, что спала она в одной постели с Ранхашем и по утрам просыпалась с уже вполне понятным ей томлением в теле и жаром внизу живота. Госпожа Пандар вместе с вещами господина Шидая передала через Казара саквояж Майяри, в котором нашёлся женский роман. Нашёл его, увы, любопытный ВIKAN. находка так позабавила его, что он позже притащил Майяри ещё пару похожих историй, но с некоторыми подробностями. «Подробности» шокировали, и сны обрели невиданную ранее яркость.

– Какой сон?

Майяри замерла, а затем медленно подняла голову и уставилась на Ранхаша горящими глазами.

– Рассказать? – она медленно облизнула губы, а её руки вцепились в рубашку харена. – Подожди... я... а почему нет?

Ранхаш заподозрил, что говорит она сама с собой.

Вдруг девушка толкнула его к двери, рывком вытянула рубаху из штанов и, задрав её по самую грудь, приникла губами к солнечному сплетению. Язык горячо прошёлся по солоновой-той коже, и Майяри тихо застонала.

– Боги, это вкуснее, чем во сне!

– Майяри, – Ранхаш изумлённо моргнул, схватил её за плечи, но не оттолкнул: губы девушки переместились ниже.

Отпустив рубашку, Майяри положила ладони на спину Ранхаша, с жадностью прижимая его к себе, к своим губам, жадно целуя и слегка покусывая выступающие мышцы пресса. Из горла мужчины вырвался стон, и он сжал её плечи. Этот низкий, полный удовольствия звук зажёг кровь Майяри. Голова закружилась от собственной дерзости и терпкого мужского запаха, и девушка, подтолкнув ладонями харена навстречу своим губам, языком прошлась от впадины пупка вниз, по серебристой дорожке волос до пряжки ремня.

С почти звериным рычанием харен оторвал её от себя и уставился на неё пылающими янтарными глазами.

– Майяри, – низко прошипел он.

Майяри задышалась. Майяри пыталась приникнуть опять к манившей её коже. Губы горели, губы жаждали поцелуев. Как, оказывается, ошеломительно приятно целовать Ранхаша. Целовать его всего!

Несколько секунд Ранхаш смотрел на Майяри не мигая. Смотрел на её покрасневшее лицо, упивался её страстным жадным взглядом и терял разум при одном взгляде на воспалённо горящие губы.

– Вы как-то сказали, что хотели бы целовать меня полностью, – Майяри облизнулась, – до тех пор, пока ваши желания не стали бы моими. Я, – она провела ладонями вниз по его

спине и запустила пальцы за ремень, с силой нажимая на напряжённые ягодички, – хочу того же. Целовать вас... тебя всего и...

– Ещё хоть слово... – жутко прошипел Ранхаш и, вздёрнув девушку на ноги, толкнул на кровать.

И начал быстро и основательно заматывать её в покрывало.

– Харен... Ранхаш... Эй, зачем? – возмутилась Майяри.

Распрямившись, тяжело дышащий мужчина мрачно посмотрел на неё и с трудом произнёс:

– Я начинаю понимать, почему вы с Виканом сдружились. Сейчас я в купальни. Спать буду в гостиной.

– Что? Не-е-е-ет! – разочарованно протянула Майяри. – Я больше не буду!

– А вот я уже не могу этого обещать, – тряхнув головой, Ранхаш отступил, развернулся и распахнул дверь.

Некоторое время он с недоумением смотрел на собственные рубашки, затем захлопнул шкаф и шагнул правее, к выходу из комнаты.

Дверь захлопнулась, и Майяри разочарованно застонала.

– Что? Устоял? – донёсся через смежную дверь из соседней спальни голос господина Шида.

Майяри сердито фыркнула, попыталась вывернуться из покрывала и грохнулась с кровати.

– Эй, что у тебя там? – обеспокоился лекарь.

– Ничего! – сквозь зубы процедила девушка. – Тёмные, он меня в покрывало завязал!

До слуха донёсся сдавленный смех господина Шида.

– А про печать Недотроги ты не забыла?

Майяри затихла и обескураженно заморгала.

– Целовать она его всего хочет... – веселился лекарь. – Когда будешь соблазнять в следующий раз, убедись, что рядом никого нет и что все двери и окна закрыты. Тогда у Ранхаша будет меньше причин сдерживаться, да и сбежать не сможет. А вообще ты рискуешь. Ну очень рискуешь...

Девушка пренебрежительно фыркнула, показывая своё отношение к «риску». Вот только про печать она действительно забыла. Даже неловко стало.

– Зря фыркаешь. Ранхаш сейчас стерпит. Всё выдержит, но не поддастся. А вот после свадьбы, – Майяри будто бы воочию увидела ехидную улыбку лекаря, – он тебе за всё отомстит.

Шида умолк, предоставляя девушке самой додумывать, какой будет месть.

Фантазия той ограничивалась весьма скудными познаниями, в большинстве своём почерпнутыми из принесённых Виканом книжек. Но и этого хватило, чтобы Майяри притихла и задумалась. Томительное желание слегка утихло, и ей даже стало немного стыдно за свою выходку.

Но образ раздраченного харена не дал ей окончательно усовеститься. Наоборот, низ живота опять томительно потеплел, и девушка глухо застонала.

Похоже, к свадьбе она сама станет драконом.

Лирка сидела в просторном, обитом чёрным бархатом кресле господина Шереа, с ногами забравшись на сиденье и обхватив колени руками. Дрожа и глотая слёзы, она говорила, а жрец, опустившийся перед ней на корточки, гладил её замёрзшие стопы горячими ладонями и слушал.

– ...он требовал... постоянно что-то требует, говорит со мной... злится... очень. А я его боюсь. Я очень его боюсь, – девушка всхлипнула. – Он когда говорить начинает, я перестаю

видеть мир. Так боюсь его. Вдруг он заберёт моё тело и... вдруг я что-нибудь сделаю? Он всех ненавидит! Он может убить, может покалечить... А я сильная, моё тело очень сильное.

– Он не может, – вкрадчивый ласковый голос жреца лекарством проливался на истерзанную тревогами и страхами душу. – Он терзает тебя уже столько времени, но так и не смог взять вверх. Значит, он слабее и пытается страхами и угрозами изнурить тебя.

– Он не слабее, – Лирка зашипела сквозь зубы. – Порой он одолевает и я перестаю понимать, что происходит вокруг. Оттесняет меня... И тогда я оборачиваюсь. Он ничего не может сделать ей, медведице, моему второму облику... сознанию. Бесится, ярится, но сделать ничего не может.

– Напугать зверя играми с сознанием куда сложнее. Кроме того, – жрец подался вперёд, заглядывая в её глаза и улыбаясь, – твоя вторая ипостась – очень уверенная в себе особа. Думаю, не ошибусь, если предположу, что она считает себя главной.

По губам Лирки невольно скользнула бледная тень улыбки.

– Уверен, ты сможешь справиться. Ты очень сильное дитя. И твоя сила не только в руках, но и в душе. Просто сейчас ты в смятении. Ты напугана, расстроена... ты опечалена смертью брата.

Лирка почти до крови закусил потрескавшиеся губы и сдавленно всхлинула:

– Я... не знаю, что делать. Это... теперь навсегда?

– Не знаю, дитя. Но нужно быть готовой к тому, что да, навсегда.

– Может, он сам выйдет... – начала было Лирка, но умолкла, в ужасе распахнув глаза. – Он вышел тогда... он разорвал его...

– Он не разорвёт тебя, – голос жреца звучал совершенно уверенно. – Он самец, мужчина. Ты самка, женщина. Он не посмеет тронуть тебя. Если бы мог, то уже разорвал бы.

– Тогда он разорвёт мою душу и займёт место в моём теле, – Лирку даже не пугал такой исход.

– Душу не так легко разорвать. Пойдём, – жрец неожиданно поднялся и, подхватив её подмышки, понёс к окну.

Там он устроился на широком подоконнике и посадил девушку рядом с собой.

– Смотри, – он показал вверх, на ночное небо. – Что ты видишь?

– Темно, – Лирка неохотно подняла глаза. Взгляд зацепился за круглый, жёлтый с пятнами диск волчьего месяца, и с языка само сорвалось северосалейское название светила: – Волчак. На... на блин похож, – девушка невольно облизнула солёные губы. Внутри заинтересованно зашевелилась медведица и... она. Взгляд сместился на чёрную ветвь с подрагивающими на ветру листочками. – Дерево... ветка. Звёзды, – они мелькали меж ветлами.

– Боги-основатели создали это небо, месяц, луну и звёзды, когда мира смертных ещё не существовало. Вместе с ними они создали и первую душу. Душа старше этого мира и так же вечна, как небо. Небо может меняться, может исчезнуть сама земля, на которой мы живём, но небо останется. Останется и душа. Она может уйти в небытие, но исчезнуть не может. Она может потерять тело и вернуться в новом. Но я верю, что время, когда тебе придётся сменить тело, наступит ещё нескоро.

– Я боюсь его, – повторила Лирка. – Я теряю себя... я соверш... могу совершить что-то ужасное и не вспомнить об этом! А у меня... у меня... – слёзы сами потекли из глаз, – у меня только-только появились друзья. Они мне так нравятся, но он ненавидит всех.

– Он тоже душа. Подумай о нём. Его пленили, держали на привязи сотни лет, не давали взглянуть на солнце. Его – свободного сильного духа. Он зол, обижен. Он страдал и хочет мстить. С ним поступили несправедливо. А теперь он заперт в тебе. И эта «клетка» нравится ему не больше прежней.

Не давали взглянуть на солнце? Лирка вспомнила недавнюю прогулку. Вспомнила, с каким отчаянием пыталась сохранить сознание, цеплялась за Майяри – в случае опасности

подруга справилась бы с ней быстрее, чем парни, – смотрела на зеленеющие кусты, жадно вдыхала весенний свежий воздух и хотела, но не могла смотреть на солнце. Это были не её желания. А потом в комнате держала в руках подол платья и смотрела уже на него. Оно было такое жёлтое...

Но голос внутри яростно утверждал, что жрец лжёт.

– Подумай, что он останется с тобой навсегда, – предложил жрец. – Постарайся понять его. Его душа изранена, он зол, может быть, напуган. Жить вам теперь вместе. Прислушайся к нему, чтобы понять, но не чтобы исполнять его желания. Возможно, у вас отыщется общее желание, которое немного сплотит вас, или оно появится...

– Есть, – перебила его Лирка. – Нам всем хочется есть. Мы постоянно хотим есть. Много есть. Нам тесно, нам не хватает... – она умолкла, затрудняясь объяснить, чего же не хватает. – Что-то происходит со всеми нами, но мы не понимаем что. Мы... с ним не понимаем. А зверь... мой зверь... мне кажется, она понимает. Но она объясняется не словами, а образами, и я не могу понять её.

– Она встревожена?

– Нет, скорее раздражена. Так, – Лирка помедлила, подбирая подходящее сравнение, – словно вынуждена делиться добычей.

– Раз так, то, возможно, происходящее не опасно. Звери более чувствительны к опасности.

– Она вообще очень спокойна, – девушка завистливо шмыгнула носом. – Она игнорирует его, а когда сильно достаёт, то просто рычит. И он затихает.

– Боится?

– Н-нет, – не очень уверенно отозвалась Лирка. – Он... не могу понять. Словно связываться с ней не хочет. Сторонится, но... Я не понимаю!

– Ничего-ничего, – жрец приобнял взволнованную девушку за плечи. – Вы сможете разобраться. Прислушивайся к себе, прислушивайся к любым изменениям. Мы никогда не сталкивались с подобным, и я не знаю, чем это может обернуться. Но тебе помогут.

– Я не хочу говорить об этом! – испуганно прошептала Лирка. – Не хочу!

– Если ты не хочешь говорить своим друзьям, то помочь тебе могу я. Будет даже лучше, если твоя тайна останется тайной. Нынешний хайнес повержен в гнев горем и настроен мстить. Ещё неизвестно, что он прикажет сделать с оставшимися зверьми и как поступит с теми, у кого они живут внутри. Старайся не смотреть другим оборотням в глаза, особенно тем, кому за триста. Они могут что-то увидеть и заподозрить. И в особенности избегай молодого хайнеса.

При упоминании хайнеса Лирка вздрогнула, выпрямилась и судорожно слотнула. Жрец почувствовал, как под ладонью задрожали девичьи плечи.

– Господин, мне нужно покинуть этот дом, – взгляд её остекленел, – мне нужно бежать отсюда. Я... – она запнулась и продолжила прерывистым шёпотом, – произошло ужасное. Я только хотела поесть...

Умолкнув, девушка лихорадочно растёрла щёки.

– Ещё и это, – она пыталась мужественно сдержать слёзы, но глаза опять повлажнели. – Это из-за него. Он напал, когда я спускалась по лестнице. Это он...

– Кто он?

– Он, – ноздри девушки яростно раздулись, и она хлопнула себя по груди. – Мы боролись за сознание, за право смотреть... Я даже не помню, что происходило снаружи! В такие моменты реальность исчезает. А потом он почувствовал неладное и спрятался, а я... – Лирка в отчаянии запустила пальцы в волосы. – Господин, это невозможно исправить! Только бежать. Я боюсь... Я не хочу бояться всю жизнь! И я не знаю, как это изменить, как... – она расплакалась, и мужчина, прижав её к своей груди, начал ласково укачивать. – У меня ведь ничего не было... а теперь и вовсе нет...

Жрец отодвинул капюшон назад и с улыбкой посмотрел на плачущую девушку. Ночной свет отразился желтоватым бликом в зеленовато светящихся глазах.

– Побег ничего не исправляет. Ничего. Поверь тому, чьи ошибки поломали чужие жизни. Сбегая, я лишил себя права хоть что-то исправить. А теперь расскажи мне, что же произошло. Я уверен, – он мягко улыбнулся, – мы сможем как-то это решить.

Глава 25. Суета

К утру Лирка и господин жрец наконец освободили кабинет и вышли к завтраку за общий стол. Лицо у девушки было заплаканное и усталое, кудри растрёпаны, словно их постоянно ворошили пальцами, на помятой рубашке почему-то чернели пятна чернил, а обута она была в мягкие тапки, в которых господин Шерех узнал собственную обувь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.